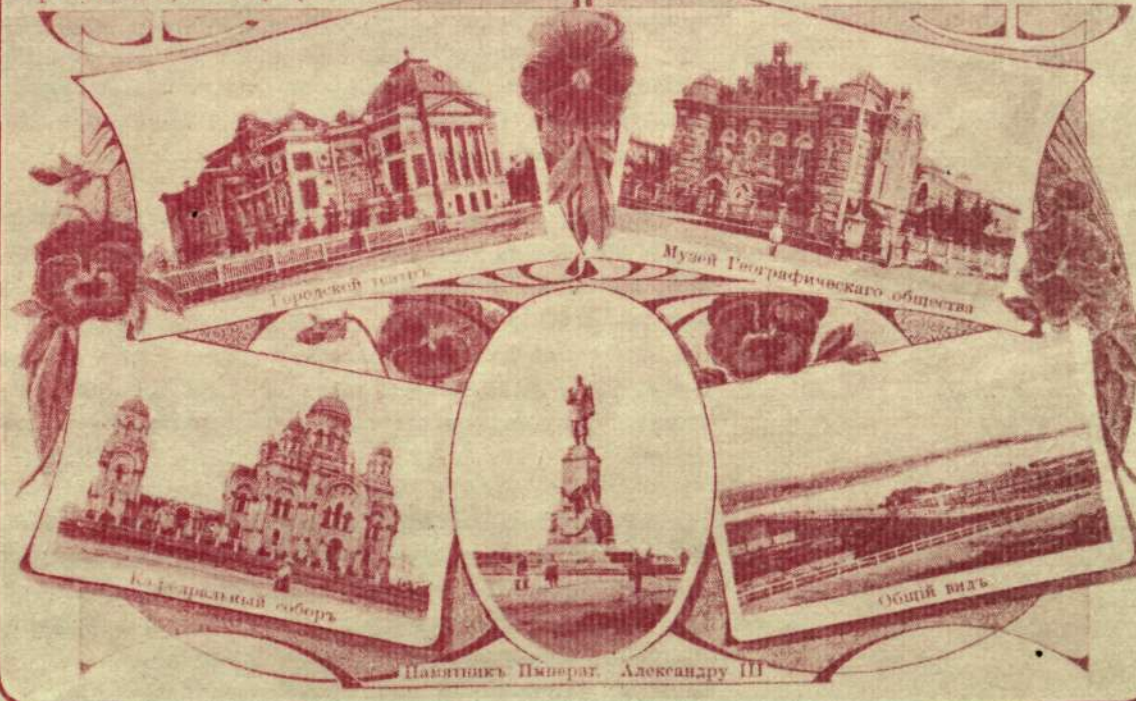

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

Привѣтъ изъ Иркутска

№4

ТОМСК

1993

«БУКИНИСТ» ПРЕДЛАГАЕТ...

...Три номера журнала «ТОМСКАЯ СТАРИНА» и его преемника краеведческого альманаха «СИБИРСКАЯ СТАРИНА», первые три книжки которого публикуют множество краеведческих материалов профессиональных историков и любителей-краеведов. Альманах воспроизводит впервые неизвестные фотографии и архивные документы.

...Книгу историка Витольда Славнина «ТОМСК СОКРОВЕННЫЙ», которая обобщает воспоминания и дневниковые записи его деда Порфирия Славнина, дружившего в свое время с Максимиланом Волошиным, Сергеем Дурьпиным, Ростиславом Ильиным. Используются дневники отца – Доната Славнина, известного краеведа, в свое время – директора краеведческого музея. Свидетельства трех поколений томичей составили суть этой интереснейшей и познавательной книги.

...Сборник стихов Георгия Вяткина «КНИГА НАСТРОЕНИЙ» – поэта, чье дореволюционное творчество пришлось на томский период, а послереволюционное – на омский. В 30-е годы поэт погиб в кровавой сталинской мясорубке. «Книга настроений» – дань памяти замечательного поэта, исполненная его дочерью Татьяной Зубаревой и томским поэтом и журналистом Валерием Сердюком.

... «О, КОЛЫБЕЛЬ МОЯ, СИБИРЬ...» – коллективный сборник томских поэтов прошлого. Читатели найдут в сборнике произведения Петра Драверта, Федора Лыткина, Михаила Цейнера, Ивана Тачалова, Гавриила Батенькова, Николая Ядринцева, Сергея Синегуба и автора знаменитых «Томских трущоб» Валентина Курицына.

Адрес магазина: г.Томск, пер.Батенькова, 5.
Телефон 22-49-23.

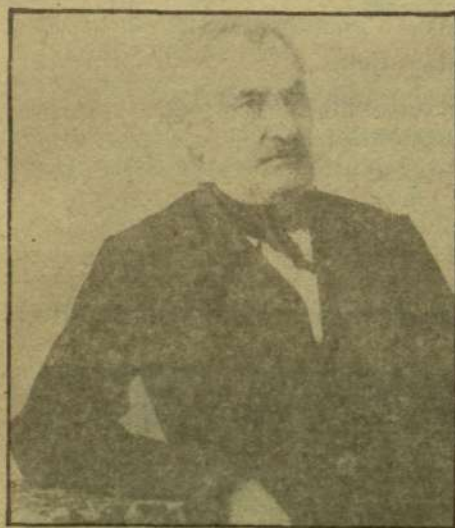

СИБИРСКАЯ ЗВЕЗДА

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№4 _____ 1993 г.

Читайте
в номере:

«Сибирь имеет чудное свойство: климатизировать всех, кто в нее как-нибудь попадет, стоит перешагнуть единожды за Урал, тотчас и прильнет название сибиряка надолго, на всю жизнь, хоть уезжай за море».

Г.С.БАТЕНЬКОВ

И.Тачалов. СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК (стихи)	2
М.Гершензон. Г.С.БАТЕНЬКОВ	3
А.Казачков. ВРЕМЕНЕМ СОКРЫТОЕ...	6
В.Скубневский. БАРНАУЛ	8
М.Щиловский. «Я ЛИБЕРАЛ...»	12
Э.Майданок. ЭТЮДЫ О СПЕРАНСКОМ	15
В.Крюков. «УВИДЕТЬ ЗА ВНЕШНИМ - СОКРОВЕННОЕ»	16
О.Разумов. СИБИРСКИЙ ГЕШЕФТ ФИРМЫ «КУНСТ И АЛЬБЕРС»	18
В.Залесов. «СЛАВЬСЯ, УНИВЕРСИТЕТ. ВЫСЬСЯ ВЕЛИЧАВО!»	20
Н.Барышева. ТАЙНА БАБУШКИ АВДОТЫИ КНИЖНАЯ ЛАВКА	23
В.Марьин. ЭКСЛИБРИСА ЧУДЕСНАЯ СТРАНА	28
В.Диксон. БЕЗ НИКАКИХ ГВОЗДЕЙ!	30
Н.Торопова. ДНЕВНИК ГИМНАЗИСТКИ	34
А.Казачков. «...ЖИЗНЬ ЕСТЬ БОРЬБА!»	39
В.Иванья. ЗОЛОТОЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК...	40
Ф.Лэддуспр. ТОМСК В МОЕМ СЕРДЦЕ И СТИХАХ	42
Л.Пичурин. ПУТЬ НА ПАНКРАЦ УРЖАТКА	44
	48

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

Краеведческий
альманах

Издается по лицензии
товарищества с ограниченной
ответственностью «Томьлад»

РЕДАКЦИЯ:

редактор
С.М.СЕРДЮК,

отв.секретарь
В.М.СЕРДЮК,

гл.художник
В.А.МАРЬИН,

лит.сотрудник
В.М.КРЮКОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

соредакторы
А.Б.КАЗАЧКОВ,
В.И.СУЗДАЛЬСКИЙ;

члены редколлегии
С.П.ВАВИЛОВ,
Н.М.ДМИТРИЕНКО,
Б.Н.КЛИМЫЧЕВ,
Э.К.МАЙДАНЮК,
В.Н.НЕГРЕЙ,
Л.А.УСОВ.

Адрес редакции: 634021,
г.Томск, пр.Фрунзе, 103.
Телефон: 21-13-38.

Опубликованные материалы
не всегда совпадают
с мнением редакции.

Ссылка при перепечатке
обязательна.

© ТОО «Дело», 1993.
Тираж 5000.
Печать офсетная.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Благословенно ты, начало возрождения,
Свет солнца яркого, смотрящего с небес!
Благословенно ты, природы пробуждение,
Всей глубиной своих таящихся чудес!
Благословенно ты, Святое Воскресенье,
И возглас радостный: Воскрес Христос! Воскрес!

И вместе с праздником и торжеством природы
Воспрянули в сердцах заветные мечты,
Что все минувшие тяжелые невзгоды
Не победили рост добра и чистоты,
Что приближаются величественно годы
Свободной истины, любви и красоты.

Пусть жизненной весны безрадостно начало,
Пусть даль прошедшего печальна и темна,
Пусть Бог любви распят толпой жрецов Ваала,
Пусть алчность хитрая кругом еще видна,
Но вновь воскреснет Бог во свете идеала
И будет праздник вновь и вечная весна!

И вспыхнет яркий день святого возрождения,
И солнце новое с безоблачных небес
Прольет свои лучи на счастье пробуждения
Всей радости земной и всех земных чудес...
И в это новое Святое Воскресенье
Воскликнет целый мир:
- Воистину воскрес!

(«Сибирская жизнь», 17 апреля 1908 г.)

О Батенькове много писали, но тайна его судьбы до сих пор не разгадана, и еще никто не пытался восстановить глубокое и оригинальное мировоззрение этого замечательного человека. Нижеприводимые материалы до некоторой степени поднимают завесу и над этой тайной, и над душевной глубиной, в которой следует искать ее корни.

Здесь не место излагать подробно биографию Батенькова. Достаточно сказать, что он родился в 1793 году в Тобольске, окончил, вместе с В.Ф.Раевским, кадетский корпус в Петербурге, вышел в артиллерию, проделал кампании 1812-14 гг., едва выжил от ран во французском плену, после войны - в 1816 г. - выдержав экзамен в Институт путей сообщения, отправился в Сибирь на службу по этому ведомству, там обратил на себя внимание Сперанского и был приближен им, а с возвращением Сперанского в Петербург был назначен правителем дел Сибирского комитета и все время жил в доме Сперанского; в 1823 году, по рекомендации Сперанского, он перешел на службу к Аракчееву членом совета военных поселений, довольно долго

жил в Грозине, но осенью 1825 г. вышел в отставку вследствие разных неприятностей по службе. Как раз в это время он - чрез А.Бестужева и Рылеева - вошел в круг Тайного общества и сразу

заявил в нем видное место, так что ему предназначалась даже роль правителя дел в будущем Временном правительстве. Он высказывался за конституционную монархию с двумя палатами по английскому образцу. Он был арестован 28 или 29 декабря, - сначала заперлся, потом (в марте 1826 г.) вдруг сделал полное признание и обнаружил в нем такую зрелость политической мысли, которая позволяет нам поставить его на один уровень с Пестелем. Приговором Верховного суда Батеньков был осужден на вечную каторгу, которую смягчение ограничило двадцатью годами; но тут-то и случилось нечто загадочное: его не отправили в Сибирь, а водворили в одиночной камере Алексеевского равелина (в Петропавловской крепости), где он и прожил - *один из всех декабристов* - двадцать лет, в самых ужасных условиях.

В.И.Семевский полагает, что эта кара была мстостью Николая за убежденную апологию восстания, заключающуюся в показаниях Батенькова, и за его мечты стать членом временного правления или даже регентства. Но почему Николай для одного Батенькова придумал такую особенную форму мести, не смертную казнь и не каторгу, как для остальных? С другой стороны, в семье Елагиных, где Батеньков прожил конец своей жизни, сохранилось такое предание. На следствии будто бы обнаружилась невинность Батенькова, и Николай приказал осво-

Г.С. БАТЕНЬКОВ

бодить его, произвести в следующий чин и наградить денежно; тогда Батеньков, из страха, как бы остальные заговорщики, узнав, не обвинили его в предательстве, написал царю, что, если его выпустят, он составит новый заговор; вследствие этого будто бы и приговорили его к двадцатилетнему заключению в Петропавловской крепости.

Эта легенда слишком фантастична, чтобы ей можно было доверять. И тем не менее, можно думать, что в главном она сообщает истину: Батеньков, по-видимому, действительно был посажен в крепость по его собственному желанию...

Дело было, очевидно, так. Приговоренный к 20-летней каторге, - по третьему разряду, вместе с бар. Штейнгелем, - он, как и Штейнгель, был отправлен в крепость Свартгольм на Аландских островах; как известно, Штейнгеля год спустя, в июне 1827 г., увезли на каторгу в Сибирь, - и та же участь ждала, конечно, и Батенькова. Еще в феврале 1827 г. узников в Свартгольме посетил финляндский генерал-губернатор А.А.Закревский; тут-то, по-видимому, Батеньков и ходатайствовал пред ним о переводе в Петербург в одиночное заключение: «...при посредстве Ген.-Губ. Закревского», - пишет он в нижеприводи-

мом письме, - «угодно было Государю, чтоб я был возвращен» (т.е. в Алексеев. равелии); оборот этой фразы указывает на то, что это было сделано во исполнение его просьбы. А.П.Елагинной он пишет в 1846 году: «...Писал к вам в то же время [из Свартгольма] через Генерал-Губернатора, и как бы *найти-ем вашей доброты круто переменились мои обстоятельства*». И далее он в цитированном письме поясняет, чем было вызвано такое его желание: «Бог дал мне вдруг глубокое чувство... Я убедился в том, что не должен оставлять своего уединения и не жалеть, что прекращаю все связи с людьми». Что он жил в крепости по собственному желанию, доказывалось и косвенно: к нему не применяли исключительных строгостей, он получал хорошую пищу, мог получать книги и писать, ему было дозволено писать в собственные руки Государя, А.Ф.Орлов и комендант крепости, Скобелев, относились к нему сердечно, - и очевидно, он мог выйти из крепости в Сибирь во всякое время, когда бы того ни пожелал, потому что он пишет: «Чтобы не оставаться праздным, я предпринял изъясниться... В 1845 году я закончил мое изъяснение, и мне нечего было больше там делать». И хотя располагался 1846 год весь пробыть, чтоб осмотреться и определить что-нибудь для себя лично, но почувствовал крайнюю усталость, почти дряхлость и начало цинготной болезни. Это заставило меня в Генваре уже настоять об отправлении меня в Томск. В два дня все и кончили». Надо заметить, что эти 20 лет Батеньков прожил действительно в полном одиночестве; по сведениям, заслуживающим доверия, его камера имела аршин 10 в длину, 6 в ширину, освещалась день и ночь лампою, потому что наклонные окна под потолком почти не давали света, ежедневно утром и вечером являлся офицер наведываться о здоровье и спросить не нужно ли чего, пищу давали ему, по его желанию, всегда вегетарианскую и не отказывали в вине, по требованию к нему являлся священник для исповеди и причастия; первые 4-5 лет он совсем не выходил из камеры, а позже мог прохаживаться по коридору, но никого, кроме солдат, не видел и ни с кем не говорил, так что почти разучился говорить. Его одиночество и отрешенность от жизни были, повторяю, несомненно добровольными. Своим ближайшим друзьям, Елагинным, он из крепости ни разу не написал, а в том, что и они «*при отсутствии препятствий*», не отыскали его, он видит подтверждение своей мысли, что сам Бог захотел «прервать нить прежней его жизни».

Батеньков принадлежал к числу тех редких людей, которым дана способность с чрезвычайной силой ощутить в себе и созерцать стихийные движения своего духа. В его неконченной биографии, писанной уже под старость, есть удивительный рассказ о том, как зажглось в нем сознание: ему еще не было двух лет; няня держала его на руках, на крыльце их дома; он сосал рожок; в это время приехал из Петербурга его дядя и, подойдя к нему, сказал, вероятно,

строго: «Стыдно сосать доселе». Эти слова так сильно на меня подействовали, что я бросил рожок за окно и *пришел в сознание*: увидел, что я на крыльце, оглядел наружность строения, *подлинно увидел свет Божий*, и это впечатление сохранилось во всей его живости доселе». Когда с годами его сознание населилось всеми образами, какие составляют совокупность обычного человеческого мышления, - его повидимому рано начала тяготить эта рутинная рутина, и еще до катастрофы в нем зародилось стремление разрушить условно-общепринятую картину мира, и начать созидание новой и истинной. В том же отрывке, упомянув о тайных чертах на человеческой ладони, смысл которых нам неизвестен, он говорит: «Но вот приметное сходство с этим и в мысли нашей: на ней также напечатлеваются черты, служащие нам для душевных отправлений. Они резки и неподвижны, остаются все одинаковыми с первого слуху на всю жизнь; чрез них и мысль получает образ. Так сохраняются в памяти названия, имена, особенно отвлечения; их мы соображаем, зиждем слиянием с новыми. *Чувствовал я в себе такие черты, и мне впоследствии предстояла большая, серьезная работа от желания узнать, что таится за этими чертами, как от них высвободиться, чтобы постигнуть новое, сойти сколько возможно с рутинны*».

К этой мысли сводится, как известно знающим, все учение Льва Шестова, нашего современника; и Батеньков прошел тот самый путь, который, по словам нашего мыслителя, один ведет к истинной свободе; он употребляет даже слова, точно заимствованные из книг Шестова: он захотел «сам творить мир».

Заключение в Свартгольме глубоко потрясло Батенькова, как о том свидетельствует его стихотворение, там написанное: «Одичалый». В этих неискренних стихах - неподдельный ужас, вопль души, разорванной до глубины.

Во мне ли отблеск божества?
Я ль создан мира господином?
Создатель благ!... Ужель их два?
Могу ль его назваться сыном?

.....
Живой в гробу
Клянусь судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь - рабу
Зачем вдохнула из презренья!..

И тут-то, в эти страшные дни, он видимо решил искать свободы. Он страдает потому, что всеми своими чувствами и мыслями живет в мире человечески-условном: надо разрушить его в себе, тогда душа будет неуязвима для страданий. А для того, чтобы выйти из этого мира, ему необходимо обособиться от людей и от всего людского (ибо этот мир и есть продукт социальности); так возникло в нем решение «*обнажиться от всего, что составляет построение жизни, слагать опыт и обстоятельностью*». В его писаниях... есть ряд указаний в этом смысле. Так, в записке, помеченной 1 июля 1860 г., он пишет о «крутом, бурном перевороте» своей жизни: «Собственно события никакого не было, и не самый

перелом во внешнем моем пути был решительным, но служил только средством к переходу к другому, глубоко изменившему впоследствии внутреннее состояние моего духа»... Елагиной он писал в 1846 году: «Двадцать лет провел я в уединении... Вы без сомнения думали, что мне нестерпимо трудно. Может быть и так; но *есть в душе человеческой что-то могущественнее всех зол - и это ощутительнее для лица вполне обнаженного*». В другом месте он писал: «Пробыв двадцать лет в секретном заключении, во всю свою молодость, не имея ни книг, ни живой беседы, чего никто в наше время не мог перенести, не лишаясь жизни, или по крайней мере разума, я не имел никакой помощи в жестоких душевных страданиях, пока не отрекся от всего внешнего и не обратился внутрь самого себя. Тогда [я] воспользовался методом масонов к обозрению и устройству *представшего мне нового мира*. Таким образом укрепил себя и пережил многократные нападения смерти и погибели».

То немного, что он позднее записал о своих переживаниях в крепости..., представляет величайший интерес. Поразителен его рассказ об «откровении», бывшем ему; поразительны записи, сделанные им вскоре по освобождении, тотчас по приезде в Томск, где он пытается восстановить ход своих мыслей, возбужденный тем переворотом..., взгляд *нового человека*, разрушившего и теперь заново создающего мир; и если в этих записях много нам непонятно, то, быть может, когда-нибудь люди лучше нас сумеют разобрать эти облеченные в слово тайны прозревшего духа. По выходе из тюрьмы Батеньков явился людям и как один из них, и как бесконечно чуждый им; то и другое в трогательном слиянии достаточно обнаруживается в его письмах. Он с любовью входит во все мелкие нужды земной жизни, - и однако свободен среди них, как бы бесплотный дух; а внутри неустанно идет в нем какое-то реальное душевное

строительство, начавшееся тогда, в его втором рождении. Он пишет в 1847-48 гг.: «Чувство Божией благодати проникло весь мой состав, и в нем нет места, незанятого любовью к людям». - «Я точно тружусь и трудился, преимущественно в борьбе с собою... Стараюсь не оставить ничего не обмысленного, по-количку есть сила, и это-то составляет труд, при котором работа кажется отдыхом». - «Не скучаю, потому что ни к чему не привязываюсь. Встречаю каждый день как новый и отдельный дар и оканчиваю как продвинувшееся звено цепи, не моею рукою держимой».

Без сомнения, еще больший интерес представляли бы записи Батенькова, писанные в самой тюрьме. И такие записи были, да, может быть, целы и сейчас; но ими пренебрегло невежество. В безымянной статье о Батенькове, напечатанной в 1889 году в «Русской Старине» за август, читаем: «Памятником умственных упражнений Батенькова (именно за время его заключения) случайно сохранилась толстая в 40 писанных листов, тетрадь, в которую заносил он мысли, или, лучше сказать, обрывки мыслей, накопившихся у него в голове. Предметом рассуждений являются тут вопросы политические, административные, философские... но увы! ознакомление с этими записками приводит лишь к убеждению, что 20-летнее одиночное заключение сделало свое дело и что стройный ход мозговой работы у несчастного узника иногда прерывался... да и не мудрено!» А в 1902 году проф. П.А.Висковатов, очевидно, наведя справки у наследников покойного издателя «Русской Старины», кончал свою статью о Батенькове в «Литературном Вестнике» такими словами: «Может быть, эта моя заметка послужит к разысканию материала, бывшего у Семевского. Тогда легче будет дать характеристику Батенькова».

О последних годах Батенькова остается немного сказать. В Томске он прожил около десяти лет, в семье некоего Лучшева. В сентябре 1856 г. он, по общей амнистии получив свободу, уехал в Россию, к Елагиным; он был однополчанин с А.А.Елагиным в Отечественную войну, а когда Елагин женился на Авдотье Петровне Киреевской, матери славянофилов, Батеньков был как бы родным в их доме; из Томска, в 1846-56 гг., он находился в оживленной переписке с овдовевшей уже Авдотьей Петровной, - к ней он и поехал теперь. Пожив некоторое время у нее в Петрищеве (Белевского уезда), он затем переехал в Калугу, построил себе там дом, выписал из Томска вдову Лучшева с ее детьми и прожил спокойно еще несколько лет, занимаясь литературным трудом (переводами с французского, оставшимися в рукописи), живо интересуясь реформами, часто навещая Елагиных. Он умер в октябре 1863 г. и похоронен, по своему желанию, в Петрищеве, рядом с А.А.Елагиным.

М.ГЕРШЕНЗОН.

(Из сб. «РУССКИЕ ПРОФИЛИ», т.2, Москва, издание М. и С.Сабашниковых, 1916 г.)

Этот памятник Г.С.Батенькову стоит в Томске на площади, носящей его имя.

Фото А. Васильева.

ВРЕМЕНЕМ СОКРЫТОЕ...

В краеведении нередко приходится сталкиваться с ситуацией, когда известен некоторый факт или событие, но неизвестны детали этого факта или события, порой очень существенные. Часто это объясняется известным отношением к отечественному краеведению на протяжении нескольких десятилетий, часто иными объективными причинами. Самое-то любопытное заключено в том, что такие «белые пятна» возникают в местах, которые по всем параметрам таковыми и быть-то не должны. Вот актуальный этому пример.

В эти дни исполняется 200 лет со дня рождения декабриста Г.С. Батенькова. Казалось бы, уж о таком значительном в истории города и сравнительно недавнем событии (пребывание Гавриила Степановича в Томске) должно бы все быть досконально известно. И тем не менее...

В Сибири Г.С. Батеньков проявил себя и как архитектор. За немногим более 10 лет, прожитых им в Томске, он осуществил несколько построек. Но до сих пор часть из них лишь приписывается ему - нет полной уверенности в авторстве.

Практически ничего из архитектурного наследия Батенькова не сохранилось. Деревянные постройки не вечны, да и подвержены огню, а пожары в Томске XIX века были подлинным стихийным бедствием. Но если самая ранняя постройка - мост через Ушайку, 1817 год - хотя и не сохранившаяся, живет на старинных фотографиях и находится в широком обиходе историков и краеведов, то о большинстве других построек этого, к сожалению, не скажешь.

Наиболее показателен в этом смысле дачный комплекс, построенный по проекту и под наблюдением Г.С. Батенькова для вино-торговца Степана Егоровича Сосулина (местность эта теперь называется по имени заказчика -

Степановка). В комплексе построек входили: большая дача с террасой; с надворными постройками, с оранжереей; несколько помещений для мыловаренного, свечного и кожевенного заводов; деревянная церковь.

Большой, очень красивый дом сгорел в 1927 году. Церковь к тому времени была перестроена, поеще стояла. Рядом с усадьбой С.Е. Сосулина отвел место, на котором Батеньков построил себе домик. Особенности постройки позволили назвать ее «Соломенный дворец». Название поправилось. Многие письма, посланные из Томска, декабрист так и подписывал: дата, соломенный дворец или просто - соломенный. Так подписано, например, письмо конца 1853 года к А.П. Елагину, в котором Гавриил Степанович определял местоположение своего жилища: «Возле самого дома на горе начнется сперва пчельник, потом сад и в нем дом богатого соседа». Батеньков вообще любил давать прозвища своим постройкам. Рядом с усадьбой Сосулина стоял двухэтажный дом, построенный для родственницы купца. Архитектор назвал его - «Тетушкин каприз». В настоящее время все строения утрачены.

О том, как выглядел главный дом - дача, можно судить по сохранившемуся рисунку А.Н. Тихомирова, по проекту (эскизу) самого Ба-

тенькова, который хранится в Красноярском краеведческом музее. Кстати сказать, проект сильно отличается от оригинала. Встречаются одна-две фотографии усадьбы. Многие годы краеведам не удавалось отыскать изображения деревянной церкви.

Старожил-краевед Петр Викторович Хандорин в 1982 году составил план местности, на которой располагалась церковь, план самой церкви, рисунки фасадов. Был он уже в преклонном возрасте, работу делал «по памяти» и, естественно, это не могло полностью удовлетворить интересующихся историей города. Одновременно П.В. Хандорин сделал подробное описание церкви и тех событий, которые проходили в Томске, на Степановке в дни больших богослужений. Вот они-то, бытовые подробности томской жизни, и представляют большой интерес.

«В дни богослужений зvon колоколов церкви был слышен в ближайших деревнях Хайдуковой, Кутаневой и на станции Томск-1. Стечение больших масс народа около этой церкви наблюдалось в дни встреч и проводов «чудотворных» икон, приносившихся в город из сел Спасского (Коларово) и Ярского (26 мая - 6 августа ст. стили). Горожане в эти дни массами шли сюда пешком и ехали на массовое гулянье. На лошадях везли бочонки с домашним ин-

Западный
фасад

вом или брагой. Они располагались справа от церкви по склону горы и под горою, не доходя болота, на зеленом лугу, окаймленном с востока и юга зарослями черемухи. На этом лугу предприимчивые люди разбивали палатки, ставили столы, лавки. Подавали чай, блины, оладьи, варенные яйца, крендели, пряники.

В дни приноса икон, накануне вечером доставленных из Спасского на Басандайку, иконы «поднимали» и переносили на заимку женского Иоанно-Предтеченского монастыря («Ключи»), где они находились до 11 часов дня. Отсюда иконы дорогой, ведущей с заимки в город (существующей и сейчас), выносили на верх подъема и здесь переносили через железную дорогу, а затем, пройдя некоторое расстояние прямо по лесу вслед за проводником («вожателем»), процессия с иконами выходила на неширокую просеку, которая и выводила процессию прямо на Степановку, к церкви. С 2 до 4 часов дня они находились в церкви, а затем их вновь «поднимали» и переносили ко всенощной в Иннокентьевскую церковь женского монастыря.

В дни проводов (6 августа, в праздник «Преображенья») иконы уносили на Степановку уже не из женского монастыря, а из Преображенской церкви. Так было до 1923 года. В том году принос икон запретили.

Документ, составленный П.В.Хандориным, хранится теперь

на кафедре архитектуры Томского строительного института.

Мысль о том, что подлинное изображение церкви должно было сохраниться, исследователей истории Томска не оставляла. Широко известный факт о необычайном увлечении фотографией в начале XX века давал надежду, что столь знаменательная постройка должна была попасть в объектив аппарата какого-либо фотографа.

Удача пришла неожиданно. Автор этих строк (совершенно по иному поводу, хотя и связанному с интересами альманаха) встречался с Надеждой Николаевной Карташевой, профессором университета, генетиком, известнейшим человеком в Томске, дочерью

Н.И.Карташева, именем которого названа одна из улиц Томска. Состоялась интереснейшая беседа, в ходе которой Надежда Николаевна показала бережно сохранимый альбом фотографий, выполненных ее отцом. Характер снимков прост, но в этом-то и состоит их главная ценность. Здесь были фотографии близких людей, виды местностей, улиц, домов, так или иначе имевших отношение к автору снимков. И среди них - несколько видов Степановки, Сосуллинской усадьбы и... фотография столь желанной церкви. На обороте снимка рукою Николая Ивановича Карташева написано: «Церковь, построенная по проекту Батенькова. 1912 год».

Какими словами выразить истинную радость краеведа?

Мы знакомим читателя с фотографиями Н.И.Карташева и даем возможность ему самому решить, насколько близок к оригиналу вид церкви, реконструированный по памяти П.В.Хандориным.

Александр КАЗАЧКОВ.
НА СНИМКАХ:

1) Фасад церкви (реконструкция П.В.Хандорина)

2) Церковь (снимок Н.И.Карташева)

3) Усадьба купца С.Сосуллина (снимок Н.И.Карташева).

БАРНАУЛ

Крупнейший в царской России район цветной металлургии располагался в XVIII-XIX веках на Алтае: здесь производилось девяносто процентов всего российского серебра, а кроме того - значительное количество свинца, меди и золота. Для управления всем этим дорогостоящим производством был создан Колывано-Воскресенский (Алтайский) округ, центр которого находился в горном городе Барнауле. В Полном собрании законов Российской империи сказано: «Под именем горного города разумеется Барнаульский завод, в котором находится Колывано-Воскресенское горное правление». Кроме Барнаула статус горного города в России имел только Екатеринбург на Урале.

В отличие от большинства старых сибирских городов (которые строились как остроги по мере продвижения русских на восток) Барнаул возник изначально как промышленный центр. Его основателем стал известный уральский предприниматель Акинфий Демидов. Именно Демидовы, с разрешения царской администрации, стали в первой четверти XVIII века осваивать рудные богатства Алтая. В 1730 году на речке Барнаул, недалеко от впадения ее в Обь, А. Демидов заложил поселок, подготавливая базу для строительства завода. Эта дата и считается временем основания города.

Медеплавильный завод был построен позже - в 1740-1744 годах, выплаивал он не только медь, но, по легендам, и серебро, хотя это было противозаконно.

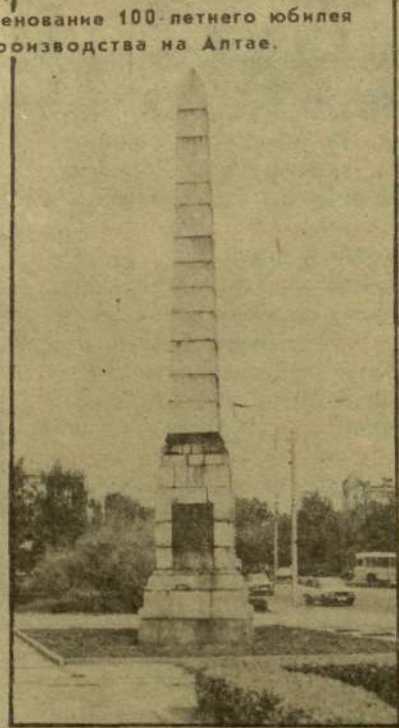
1 мая 1747-го, после смерти Акинфия Демидова, императрица Елизавета

Петровна подписала указ, которым надолго определил судьбу огромного региона юга Западной Сибири, ставшего вплоть до свержения династии Романовых их собственностью: «Оной Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Шульбинский и прочие на Иртыше и Оби реках, между оными те строения, какие обретаются заведенные от покойного Акинфия Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем и с мастеровыми людьми собственными его, Демидова, и с приписными крестьянами взять на нас...»

Вместе с заводом рос и поселок. В 1757 году он имел тринадцать улиц. Названия двух из них - Тобольская и Иркутская - указывают на места выхода первых жителей. Но многие улицы, собственно, имен тогда еще не имели и в перечне городском значатся так: «улица по левую сторону от казарм», «на лугу прямо устья Барнаула реки улица» и т.д. Количество построек (1763 г.) составило: «казенных светлиц и обывательского строения домов» - 698, бань - 290.

В 1771-м началось сооружение первого каменного Петропавловского собора, и в этом же году Барнаул получил статус города. Но по сути он оставался городом-заводом, жизнь почти всех горожан была связана с горнозаводским производством. Бывший демидовский медеплавильный завод был тогда переоборудован в сереброплавильный и являлся крупнейшим предприятием такого рода в стране. К концу XVIII века он имел тридцать плавильных печей, которые давали 430-460 пудов серебра в год, а кроме того - значительное количество свинца.

Развитие города и округа предъявляло спрос на многие изделия, дале-

кие от металлургии, и на сереброплавильном заводе появляются «вспомогательные» цеха, представляющие собой самостоятельные производства: в 1755-м - стекольный, в котором производили не только техническое, бытовое и оконное стекло, но и хрусталь; в 1823-м - бумажный; имелись кожевенный и строительный цеха.

К середине XIX века на Барнаульском заводе трудилось 1200 человек, все - крепостные мастеровые. Вместе с семьями они представляли значительную часть городского населения, которое не превышало тогда 10-12 тысяч человек.

В Барнауле работала плеяда талантливых мастеровых и инженеров. Прежде всего необходимо назвать имя Ивана Ползунова, который в 1763-1766 годах построил для Барнаульского завода первый в России универсальный пароатмосферный двигатель. Впрочем, это выдающееся для своего времени изобретение не вызвало в России промышленной революции, ибо в стране господствовало крепостное право.

Горная полиция и горный батальон (также отличительная черта горного города) призваны были поддерживать порядок не только в Барнауле, но и по всей территории округа. Здесь практиковались шпирутены, «мертвые рубашки» и ссылка особо строптивых на рудники и золотые прииски Кабинета. Атмосферу города в какой-то мере передает «Ордер караульному офицеру Барнаульского завода» от 27

Первая плавильная фабрика Барнаульского сереброплавильного завода.

февраля 1786 г. Для караула было установлено 13 постов, предписывалось: «... должны обысканы быть при караульном офицере или унтер-офицере все выходящие из завода, кроме офицеров, унтер-офицеров и гиттенмейстеров: мастеровые, солдаты и другие, входящие в завод люди, без того отнюдь никого не выпускать. Когда жены приносят мужьям пищу и выходить будут из крепости, то обыскивать у них в посуде...»

Разумеется, по-иному складывался быт горных чиновников и инженеров. О казнокрадстве барнаульского «высшего света» и роскоши, в которой жили горные чиновники, ходили по Сибири легенды, об этом же писали многие путешественники, побывавшие на Алтае. Г.Н.Потанин отметил:

«Инженерные дамы не только в Париже заказывали себе шить платья, даже посылали в Париж мыть белье... Даже у урядников за столом зимой подавали апельсины».

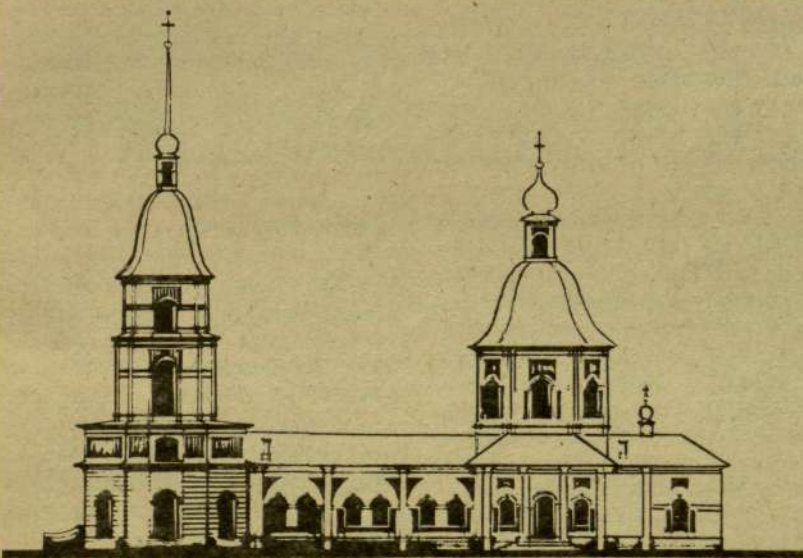
Неординарным был архитектурный облик города. Планировка завода, центральных улиц и площадей, архитектура зданий решены в традициях русского классицизма. По оценке искусствоведов, комплексе построек Барнаульского сереброплавильного завода является за Уралом наиболее ценным объектом промышленного зодчества. Строительство каменных заводских корпусов на месте деревянных началось в 1809-м. Здания первой и второй плавильных фабрик были уникальны не только по техническим характеристикам, но и по вы-

разительности. Так, первая фабрика фактически имела дворцовые фасады.

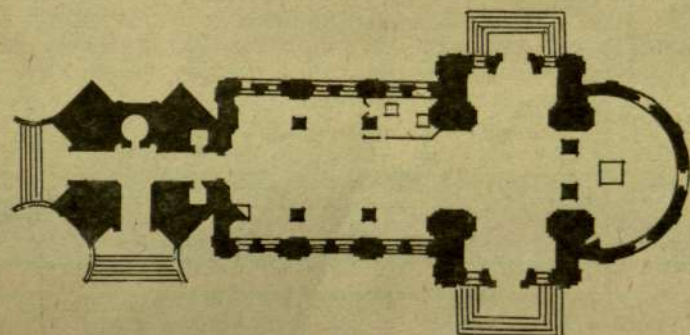
Завод, центральная Петропавловская улица, Соборная и Демидовская площади составляли единый архитектурный ансамбль. В его создании принимали участие профессиональные зодчие, в их числе ученик К.Росси — Яков Попов.

Гармоничной была Демидовская площадь, сложившаяся в первой половине XIX века. Она могла бы украсить любой из губернских городов. В центре площади в 1825-1839 годах был сооружен обелиск в ознаменование столетнего юбилея горной промышленности Алтая. Обелиск сложен из блоков серого гранита, имеет высоту 14 м. Предполагают, что на обелиске был укреплен чугунный барельеф А.Н.Демидова, который и дал ему неофициальное название «Демидовский столп», а площади — название «Демидовская». Ныне барельеф экспонируется в Алтайском краевом краеведческом музее. На этой же площади были построены здания горного училища, госпиталя и инвалидного дома. Южная сторона площади выходила к заводскому пруду. Обелиск и первые два здания хорошо сохранились до настоящего времени.

Многие путешественники и ученые, которые посетили Барнаул в XVIII-XIX веках, отмечают его как один из наиболее красивых и благоустроенных городов Азиатской России. Публицист и писатель П.Небольсин назвал его «уголком Петербурга», ученый Ю.Гагемейстер — «оазисом в пустыне». Сибирский писатель Иван Кушевский писал: «Дома в Барнауле выкрашены черной краской... они, говорят, построены на манер английских коттеджей... Никогда в жизни не видел такого маленького роскошного городка... Блестящие стекла, блестящая медь на оконных рамах и дверных ручках и эта блестящая краска на стенах домов делали улицы решительно парадными». Известно, что находясь в семипалатинской ссылке, Ф.Достоевский просил о переводе его в Барнаул, но

План и фасад Петропавловского собора.

Здание горного училища.

разрешения на это не получил.

Барнаул второй половины XVIII - первой половины XIX века с полным основанием можно отнести к культурным и научным центрам Сибири. Это определялось потребностями горнозаводского комплекса, значительной численностью горных инженеров, прямыми связями (в том числе родственными и дружескими) барнаульской и столичной кабинетской администрации. Кабинет финансировал библиотеку Колывано-Воскресенских заводов и прочие учреждения.

В 1752 году в Барнауле открылась первая на Алтае казенная аптека, а вскоре и ботанический сад, где выращивали лекарственные растения для аптеки. В том же году приняла первых учащихся горнозаводская школа при сереброплавильном заводе, а в 1779-м горное училище, оно из трех в стране и единственное в Сибири. По инициативе начальника заводов Петра Фролова в 1821 году начала создаваться историко-техническая коллекция, в нее в частности вошли макеты рудников и заводов, паровой машины Ползунова. Последний был выполнен его же учениками. Эта коллекция вошла в фонды музея, основанного в 1823-м. Музей имеет ныне богатейшие коллекции по истории Сибири, гербарий, собрание минералов и многое другое.

Уникальной была техническая библиотека Колывано-Воскресенских заводов, открытая в 1764 году. Она являлась самым значительным научным собранием в Сибири, вплоть до времени создания Научной библиотеки Томского университета. В 1824-м была организована типография, а шесть лет спустя - метео- и магнитная станция.

Природа и промышленность Алтая

привлекали внимание отечественных и зарубежных ученых. Барнаул оказался включенным в маршруты многих научных экспедиций. Так, в 1771-м здесь побывали академики П. Паллас и И. Фальк, в 1826-м - профессор Дерптского университета К. Ледебур, через три года - Александр Гумбольдт, а в 1876-м - А. Брем. Автограф Гумбольдта был первым в книге почетных посетителей барнаульского музея. Здесь перечислены далеко не все знаменитости, посетившие город и оставившие его описание в своих трудах.

Во второй половине XIX века Барнаул теряет черты горнозаводского центра. Формально он перестал считаться горным городом в 1867 году, когда была ликвидирована горная полиция. После отмены крепостного права оказалась неконкурентноспособной кабинетная промышленность Алтая. Стало сокращаться производство, и в 1893 году кабинетные сереброплавильные заводы были закрыты. В экономике Барнаула ведущую роль приобрели торговля и обрабатывающая промышленность. Уехали, преимущественно в Европейскую Россию, многие горные инженеры, в 1897-м бывшее горное училище было преобразовано в реальное. Барнаул терял не только былой лоск, но и значение

крупного научного и культурного центра Сибири.

К настоящему времени многое из исторического и культурного наследия утрачено. В советский период варварски были разрушены старые кладбища и церкви, в их числе Петропавловский собор - ценнейший памятник храмового зодчества в стиле барокко, старинное кладбище в его ограде (так погибло захоронение И. Ползунова), Нагорное кладбище - некрополь деятелей горной промышленности Алтая. Здесь сохранилась лишь единственная могила Н. М. Ядринцева, похороненного в 1894-м. «Перестройщи», а фактически изуродовали, инвалидный дом с Дмитриевской церковью - ансамбль первой половины XIX века в стиле классицизма. Была расформирована библиотека Колывано-Воскресенских заводов, большая часть ее фондов оказалась вывезенной в Новосибирск. Неоднократно перестраивались и утратили первоначальный облик корпуса бывшего сереброплавильного завода.

Масштабы разрушения и утрат велики, и все же есть надежда на спасение памятников старого горнозаводского Барнаула - исторического и архитектурного комплекса далеко не местного масштаба и значения. Многие постройки еще сохранились, как сохранились и уникальные фонды краеведческого музея и государственного архива Алтайского края. Ныне действуют и реставрационные мастерские. Вушедшем 1992-м году в отреставрированном старинном здании открылся музей истории литературы, искусства и культуры Алтая. Развернулись работы по созданию музея истории горного дела, для которого выделена часть корпуса первой плавильной фабрики сереброплавильного завода.

Валерий СКУБНЕВСКИЙ.

г. Барнаул.

Здание горного госпиталя.

В юбилейный ленинский 1970-й «Новый мир» напечатал письма вождю, присланные ему в первые после переворота годы. Люди обещали любимому лидеру всемерную поддержку, просили рассчитывать на них и быть уверенными, что ничего они не пожалеют во имя свободы, равенства, братства.

Но письмо, которое мы приводим сегодня, напечатанным тогда быть не могло. Хотя в нем тоже поддержка Борца за Народную Правду и готовность послужить ему. Все дело в интонации. Замечательна интонация письма – и услужливость (почти угодливость) и постоянное напоминание о собственной значимости, уникальности (таких, как я, не сыскать, может быть, даже в Питере – уверяет автор). Перед нами этакий идейный ландскнехт, досконально оговаривающий условия участия в трудном процессе обращения сибирского крестьянина в новую веру. Кроме фанатиков и обманутых были, значит, и такие – расчетливые, трезвые, правда, не очень умные.

Это письмо обнаружено мною в следственном деле А.В.Адрианова – редактора газеты «Сибирская жизнь», расстрелянного чекистами в марте 1920 года.

Вероятно, послание не достигло адресата. Напомню читателям, что к декабрю 1917-го оформляется независимая позиция Сибири. Чрезвычайный общесибирский съезд объявляет о непризнании большевиков. Потому письмо, адресованное Ленину, я думаю, почтовые работники и отправили в «Сибирскую жизнь». Адрианов сохранил его как любопытный документ, а Томская ЧК использовала против него грубо и топорно. Но сошло. Так начиналось новое пролетарское правосудие. Дальнейшая судьба бывшего частного поверенного мне неизвестна.

Вступительная заметка и публикация
В.М.КРЮКОВА

(Некоторые особенности орфографии автора сохранены.)

«ПРЕДЛАГАЮ УСЛУГИ...»

*Его Высокопревосходительству господину
Министру Ленину
от социал-демократа,
Александра Николаевича Афонасьева
временное жительство
Алтайская губерния, Бийский уезд
арендный участок поселок Сайлан,
Курсевской волости*

В коротких очерках изложу свою биографию: принадлежал к соцдемократ-большевикам, вследствие гонений монархии уехал в Америку, где жил 14 лет. Был американским гражданином. Имею на это документ. В 1905 г. воротился в Россию, Сибирь, ибо революция принесла развитие, но, увы, все было подавлено, уехал в Алтайский округ, где и живу одиннадцатый год, занимаясь адвокатурой и сельским хозяйством. Имею свидетельство на частного поверенного. К нынешней революции не примкнул, ибо против меньшевиков, которые захватили власть. Теперь же, когда вам удалось стать для освобождения несчастной России, избавить ее от неминуемой гибели и прекратить эту бессмысленную, гибельную войну, за что общество Вас оценит, за исключением буржуазии. Будут вечно Вас благодарить. Но

вот в теперешнем перевороте Сибирь, деревенский народ стоит с завязанными глазами, он не может понять, какое великое благодеяние делают ему большевики, ибо сибирская печать в виде «Сибирская жизнь» обливает целым потоком грязной клеветы большевиков, а биржа Азия поддерживает эту грязную клевету и сибирский деревенский народ видит в большевиках разбойников, грабителей, анархистов. Устранить все это легко и повернуть деревенский народ Сибири за большевиков, распространяя прокламации большевицкого содержания, собирая сходки и разъясняя грязную клевету темному деревенскому народу.

Предлагаю услуги. Я готов стать в революционную охрану агентом и сотрудником. Присовокупляю, что во мне Вы найдете очень практичного, деятельного,

способного и полезного помощника. Я обладаю красноречием убеждать толпы народные, знаю психологию жителя деревни, как с ним говорить. Разъезжая по Алтаю Томской и Алтайской губерний, надеюсь быстро воздействовать на сибирский народ, что он будет на стороне большевиков, а этот сибиряк он очень энергичный и самостоятельный, раз он уверует, то в нем всегда можно найти очень полезного помощника.

Вот если желаете, чтобы я стал Вашим помощником, то Первое) Пошлите разную литературу большевицкую, 2) высылка в большом количестве брошюр большевицкого содержания, 3) газеты большевицкого содержания тоже в сотню экземпляров каждую почту. 4) уполномочие на право защиты Большевицкого Правительства, в широком размере злоупотреблять я этим не буду, но врагов нового Правительства как енисейской мощи, а потому придется некоторым нагонять страху, 5) указать мне, на кого я могу опираться, например как на Комиссаров Губернии, можно ли обращаться к ним за содействием или их сторониться и следить за ними, как они действуют. Затем самое главное: составление прокламаций и распространение оных. Я бы желал составлять их сам, но какие типографии мне заставить печатать эти прокламации и дать мне право заставить печатать эти прокламации.

Присовокупляю: как я выразил выше, что во мне Вы найдете очень полезного сотрудника, какого может у Вас нет в Питере. Если уполномочите, то непосредственно от Министерства, но не через мелких агентов, впоследствии я буду работать с ними, когда их проверю.

Пошлите почтой корреспонденцию. Адрес: Алтайская губерния, Бийский уезд, почтовое отделение Нижне-Кумандинской Бийского уезда, Александру Николаевичу Афонасьеву до востребования.

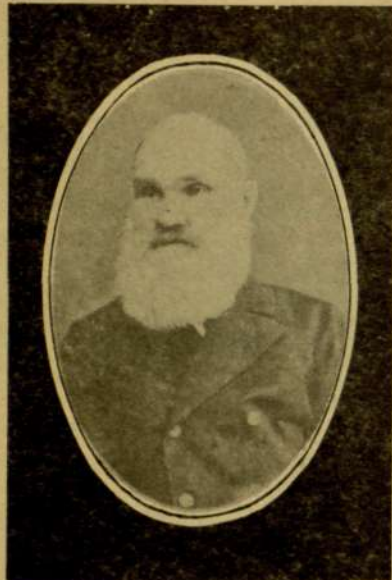
Остаюсь с почтением Великому Борцу за Русскую Свободу в ожидании, что для общей пользы Вы не замедлите сделать меня Вашим сотрудником и помощником.

1917 г. 18 декабря

Александр Николаевич Афонасьев.

Запечатан конверт сургучной печатью, буква А.

Нужно основать союзы большевиков в селах, деревнях с уставом, программой, выбором Председателя и Правления для защиты и ограждения от грязной клеветы и привержения темного деревенского народа в партию большевиков.

«Я либерал, то есть человек, который не довольствуется настоящим положением дел и желает его улучшения, особенно желает возможно большего развития личной и общественной самодеятельности, развития законным, а не революционным путем.»

**В.И.Вагин
(1880 г.)**

пришлось возмещать упорным самообразованием. Фактически Вагин учился всю жизнь, собирая книги по всем отраслям знаний. Не случайно позднее вместе с М.П.Шестуновым он организовал первую публичную библиотеку в Иркутске.

В 1840 году началась трудовая деятельность Вагина. Поработав несколько месяцев учителем церковно-приходского училища, с осени того же года он начал служебную карьеру в Главном Управлении Восточной Сибири, высшем распорядительном органе, с помощью которого иркутский генерал-губернатор управлял громадной территорией от Енисея до Тихого океана.

К 170-летию Всеволода Ивановича ВАГИНА

«Я ЛИБЕРАЛ...»

Среди выдающихся сибиряков второй половины XIX века, активных сторонников областничества, много сделавших для развития края, почетное место принадлежит Всеволоду Ивановичу Вагину — публицисту, историку, общественному деятелю, человеку судьбы нелегкой, но в общем — то типичной для сибирского разночинца того времени. Подобно своему видному предшественнику П.А.Словцову, он знал Сибирь не по рассказам бывалых людей и отчетам ученых, а сам в течение службы побывал и пожил в различных ее уголках.

Родился Вагин 10 (22) февраля 1823 года в Иркутске, где его семья остановилась, перебираясь из Селенгинска в Омск к новому месту работы отца, переведенного в Омское окружное казначейство.

Жить в военной столице Западной Сибири многочисленной семье было трудно. Продвижение главы семейства по служебной лестнице шло медленно, мешало недворянское происхождение. А данное обстоятельство учитывалось на государственной службе: потомственному дворянину для

получения чина коллежского регистратора (самого младшего в «Табели о рангах») было достаточно просидеть в канцелярии год, личному дворянину — уже два, а недворянину — более 12 лет.

Помощь в воспитании детей оказывала многочисленная родня. Как вспоминал Всеволод Иванович, с пяти лет он жил у дяди, окружного начальника в Петропавловске (Казахстанском), а затем в станице Пресновской — одном из звеньев оборонительной линии, протянувшейся от Оренбурга до Омска и прикрывавшей юг Западной Сибири от степи. Заметим попутно, что в Пресновке позднее прошли юные годы Григория Николаевича Потанина, близкого знакомого Вагина.

Среда обитания оказала влияние на формирование мировоззрения нашего героя, его образование. Первым учителем мальчика стал участник восстания 1830 г., ссыльный каторжанин Людвиг Осипович Вронский. Обучение продолжалось в Омском войсковом казначейском училище, позднее преобразованном в кадетский корпус. Но закончить его не удалось. В ноябре 1836 г. умер глава семьи, и мать решила вернуться на родину — в Забайкалье, в Троицкосавск, где Всеволод закончил уездное училище. Продолжать образование было негде, да и не на что. А учиться хотелось. Недостаток знаний

Честный и принципиальный Вагин столкнулся вплотную с основными пороками российской бюрократии во все времена ее существования — взяточничеством и полнейшим равнодушием к нуждам населения, пытался бороться с ними и... потерпел фиаско. О подобном исходе на базе собственного опыта писал позднее (1881 г.) его друг и сподвижник, известный писатель — народник НИ.Наумов:

«Они смотрели на службу не как на средство существования. Приняв на себя служебную миссию, они стремились приносить народу осязаемую помощь, изучать его нужды, защищать его интересы, преследовать всеми зависящими средствами зло, разъединяющее жизнь народа, а по возможности указывать на те средства, которые вернее всего бы могли уврачевать язвы, сложившиеся веками на его организме. Большинство этих людей, столкнувшись с неодолимыми препятствиями, потерпели полное разочарование, и многие из них, обвиненные в политической неблагонадежности единственно потому, что не брали взяток и мешали брать их другим, покинули навсегда служебное поприще.»

Однако, в отличие от Наумова, Всеволод Иванович «покинуть служебное поприще» не мог, нужно было кормить, обеспечивать семью. Прихо-

дилось тянуть лямку, испытывая начальственный гнев и недоброжелательное отношение сослуживцев. Для того, чтобы избавиться от чересчур принципиального чиновника, его часто переводили из отдела в отдел, а после того, как и это не помогло, прибегли к традиционному же для российской бюрократии методу избавления от неугодных путем их «повышения» с передвижением на новое место. Так в 1847 году Вагин оказался на службе в Западной Сибири. Иркутская администрация получила передышку, но, как оказалось, только на время.

В 1851 году Всеволод Иванович начал службу в Томске начальником отделения в канцелярии губернского правления, а через четыре года получил назначение на престижный пост Каинского окружного (уездного) начальника, став единоличным вершителем судеб жителей крупного административного района, охватывавшего две трети территории современной Новосибирской области. В указанной должности своих убеждений не изменил, особым капиталом «на старость» не скопил и, как только выслужил минимальный стаж для получения пенсии, вышел в 1861-м в отставку и вернулся в Иркутск.

На родине Всеволод Иванович занялся частной адвокатской практикой, активно подключался к деятельности местного отдела Русского географического общества, избирался гласным городской думы с момента ее учреждения. Но главным в его увлечениях становятся журналистика и исторические изыскания.

В периодической печати Вагин начал печататься с 1847 года, длительное время являлся постоянным корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей», сотрудничал в «Голосе», «Очерках», «Современном слове», «Веке», «Деле». К концу жизни общее число его публикаций перевалило цифру 200. Из них главнейшими стали два тома монографии «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири 1819 по 1822 гг.» (С.-Пб., 1872), посвященной пребыванию в Сибири этого выдающегося российского государственного деятеля, много сделавшего с точки зрения административных преобразований в регионе в бытность его сибирским генерал-губернатором (1819–1822).

Собрав колоссальный фактический материал, в том числе свидетельства современников, автор поставил глав-

ной задачей — изучить результаты и последствия осуществленных М.М. Сперанским реформ для региона. При этом он выступил сторонником «государственной школы» в отечественной историографии, отводя ведущую роль в историческом процессе государству, которое двигало общество вперед благодаря идеальным администраторам в лице Сперанского, действовавшего по формуле: «Справедливость выше формы».

Изучая историю Сибири, В.И. Вагин выявил закономерность, как мне кажется, характерную и для нашего времени. «Правительство видело зло, — пишет он, — но не знало, как его исправить. Каждому новому начальнику давались новые, более прежнего обширные полномочия для исправления зла, сделанного его предшественником, а каждые новые полномочия давали возможность и повод к новым злоупотреблениям». Заслуга же М.М. Сперанского заключалась прежде всего в том, что он попытался разорвать этот замкнутый цикл. Впервые в истории региона, как отметил историк В.Г. Мирзоев, «появился начальник, отказавшийся от принудительных мер, проходящих через все кошмарное прошлое края, и избравший путь гуманизма в управлении. Законность и уважение к личности, ее человеческому достоинству были, по Вагину, основными стимулами действий Сперанского в реформах управления».

Но, изучив результаты реформ, исследователь пришел к неутешительному выводу, что они полностью не были проведены в жизнь, а потому не дали положительного результата, хотя и создали условия для развития региона. Только государство, по мнению В.И. Вагина, выступает защитником интересов населения, и только оно, через таких идеальных деятелей, как М.М. Сперанский, в состоянии проводить улучшения в жизни общества. Последнее же, свою очередь, в состоянии лишь заниматься «малыми делами». Но для этого должны быть созданы условия для развития общественного сознания и просветительства, для свободного предпринимательства, гарантии гражданских свобод. Именно в этом духе понимал Всеволод Иванович либерализм и, как можно судить по его словам, вынесенным в эпиграф, именно так определял его сущность и свою жизненную позицию.

Отдельная страница биографии В.И. Вагина — руководство единствен-

ным тогда общесибирским периодическим органом — газетой «Сибирь». В течение 1875–1877 гг. он являлся ее редактором-издателем. Буквально за несколько месяцев Всеволоду Ивановичу удалось резко увеличить число подписчиков, привлечь в редакционный коллектив новых авторов. Газета стала средоточием его помыслов, дала новый импульс творческой деятельности. Как сообщал Г.Н. Потанин в письме А.С. Гацисскому (декабрь 1875 г.), «Вагин пишет, что никогда не был на своем месте так, как теперь, что он влюблен в свою газету, день и ночь об ней думает, едва сдает в типографию один номер, как уже составляет другой, одним словом живет полной жизнью».

Но причастность к «Сибири» имела обратную сторону. Публикация в ней фельетонов, разоблачительных статей, корреспонденций с мест очень часто превращалась в изобличение неблаговидной деятельности местных чиновников, администрации, а это автоматически превращало членов редакционного совета В.И. Вагина, М.В. Загоскина, А.П. Нестерова, М.Я. Писарева, М.П. Шестунова в опасных диссидентов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Их начали травить и преследовать. Трижды — в 1875, 1879, 1880 гг. — у Вагина и Загоскина производились обыски. Если первый обыск «все-таки имел основанием донос, обстоятельство, прямо указывающее на виновность редакции, — иронизировал Г.Н. Потанин, — то потом администрация производила обыск в редакции, не имея на то никаких указаний. В городе двум-трем лицам подброшены угрожающие письма — у сотрудников газеты, особенно у Вагина и Загоскина — обыск; бегут из острога политические преступники — опять обыски у Вагина и Загоскина и у других сотрудников газеты.» Дело дошло до того, что после грандиозного иркутского пожара 1879 года по городу был пущен слух о причастности к поджогу Вагина и Загоскина. И вот тогда в дневнике Всеволода Ивановича сделал следующую запись: «Тупость и пошлость — вот характеристика этого времени. Куда не оглянешься, везде самые дикие солдафонские понятия и самый грубый солдафонский произвол. Ни уважения к

закону, ни уважения к личности не существует».

Несмотря на рост популярности и авторитета «Сибири», в ноябре 1877—го редакционный совет отстранил ВИ Вагина от руководства. Фактическим редактором вплоть до закрытия властями издания в 1887 году служил МВ Загоскин. Предпринятая акция вызвала первоначально недоумение у активных сторонников и областнического движения. Г.Н.Потанин предположил даже насильственное вытеснение бывшего редактора из газеты. Однако причиной замены, по свидетельству В.С.М.Крутовского, явилась недостаточная коллегиальность Вагина. Полностью посвятив себя газете, он часто переставал считаться с коллегами, откровенно признаваясь в письме к Н.М.Ядринцеву (1875 г.): «Я хозяин газеты и не допущу никакого распоряжения в ней без моего согласия. Если содержание и направление газеты будет поставлено в зависимость от денежных средств, то и я отдам свои последние гроши, стану питаться хлебом и водой, снова займусь ненавистой адвокатурой, но не допущу газеты до зависимости».

Попутно заметим, что наш герой был человеком, сочетающим в себе достоинства и недостатки, а не тем безликим идеальным общественным деятелем, как у нас до сих пор принято характеризовать выдающихся людей прошлого. И своих принципов, симпатий и антипатий не скрывал. Так, записывая свои впечатления о встрече с будущим редактором газеты «Восточное обозрение» И.И.Поповым в 1894-м, признавался: «Он (Попов. — М.Ш.) человек очень способный и умный — и все-таки я ему не доверяю. У меня какое-то организмическое предубеждение против этих господ с революционной окраской, хотя я и сам, до известной степени, ношу ее, не потому ли это, что я радикал только по видимости, по форме выражения мелких поступков, а в глубине души — консерватор».

Но при всех своих недостатках и колебаниях Всеволод Иванович последовательно придерживался либеральной линии поведения, которую сформулировал еще в 70-е годы. Он однозначно отвергал и по мере сил боролся с административным произволом, и с радикально-террористичес-

кой практикой народников. И, несмотря на личные симпатии и антипатии, находил общий язык и плодотворно сотрудничал с представителями различных течений в общественно-политическом движении, активно работал в «Сибири» при МВ Загоскине и в «Восточном обозрении» при И.И.Попове, много сделав для превращения последнего в одно из самых популярных общесибирских изданий. Однако приверженность указанным выше принципам послужила впоследствии основанием для квалификации Вагина как умеренного либерала, сторонника «малых деп», «занимавшего в областническом течении правую сторону, неся семена того оппортунизма, который потом превратился в соглашательство и приспособленчество».

В связи с этим встает вопрос о месте Всеволода Ивановича в областническом движении, его роли в разработке концепции регионального самоуправления. Ссылочный народоволец С.Л.Чудновский заметил, что он «всецело посвятил остаток своей жизни защите интересов Сибири». Критически оценивая деятельность одного из идеологов областничества Н.М.Ядринцева, Вагин тем не менее признавал: «Но как бы то ни было, а Ядринцев все-таки напоминает о Сибири». В период переговоров (февраль 1894—го) о передаче И.И.Попову поста редактора «Восточного обозрения» он с В.В.Демьяновским последовательно отстаивал идею о преимущественно сибирской направленности издания в будущем. Таким образом, принадлежность нашего героя к числу последовательных сторонников сибирского областничества не вызывает сомнения.

Вместе с тем Всеволод Иванович, разделяя основополагающие положения областнической концепции Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева, по ряду вопросов высказывал свою оригинальную точку зрения. Он признавал специфику Сибири как отдельной области (региона) в составе России и необходимость предоставления ее населению самоуправления, в том числе регионального. Вагин, как и другие областники, выступал за интенсивное развитие экономики края, против уголовной ссылки и за открытие университета. Но вместе с тем он отвергал вывод о колониальном положении региона, оптимальным считал гармоническое развитие отношений с Россией, ратовал за строительство железной дороги в Сибирь.

Вагин отвергал сепаратистскую тен-

денцию в областничестве в плане насильственного отделения региона от России посредством вооруженного восстания, прежде всего из-за геополитических соображений, так как при малочисленности населения здесь и наличия таких соседей, как Китай, Россия, США, «оттолкнем одно иго, чтобы надеть другое». В принципе допускал в будущем самостоятельность региона, но считал возможным переход в это качественно новое состояние естественным путем увеличения численности населения, развития экономики, создания гражданского общества, формирования общественного сознания, сохраняя тесные и дружеские отношения с Россией. На этот переходный период региону необходимо предоставить частичное самоуправление, а посредником между центральным правительством и местным обществом должен выступать идеальный государственный деятель, образец которого он видел в М.М.Сперанском. И уже после длительной эволюции, как писал Всеволод Иванович в своем политическом завещании (февраль 1890—го), Сибирь должна стать федеративной республикой, сохраняющей договорные отношения с российским государством. Регион, вместо губерний, предлагалось разделить на примерно равные по численности населения округа, наделяемые полномочиями, близкими к компетенции штатов в федеральной системе США. Законодательным органом нового государственного образования должно было стать народное собрание, а исполнительная власть передана главноуправляющему (президенту. — М.Ш.) и министрам.

До конца своих дней (он скончался 25 ноября (7 декабря) 1900 г.), прожив долгую, полную испытаний жизнь, потеряв зрение, Всеволод Иванович Вагин продолжал участвовать в общественной жизни Иркутска. Его последним гражданским подвигом стал дневник объемом 1200 листов, который автор вел последние годы жизни (1879—1900) и фрагменты из которого неоднократно цитировались в статье. К сожалению, он по-настоящему до сих пор не востребован исследователями, хотя Вагин выражал надежду, что его дневниковые записи будут полезны для будущих историков.

Михаил ШИЛОВСКИЙ.
г.Новосибирск.

ЭТЮДЫ О СПЕРАНСКОМ

Пролог

В далеком 1818-м году, должно быть, ночью, крадучись, пробрался во дворец императора сибирский мендантин Саламатов. Глава многодетной семьи был разорен происками местной (то бишь сибирской) администрации, и вот теперь в отчаянии сжимал в руке донос на их злодеяния. Перечислено было все: и как высокие цены на хлеб устанавливали, как распоряжались деньгами, собранными на благотворительные цели, торговали дурным вином и, в итоге, довели общество до полного расстройств и несогласия...

Государь-император, ознакомившись с этим документом, был потрясен и велел отдать под суд сибирского генерал-губернатора Пестеля, а на его место назначить Сперанского.

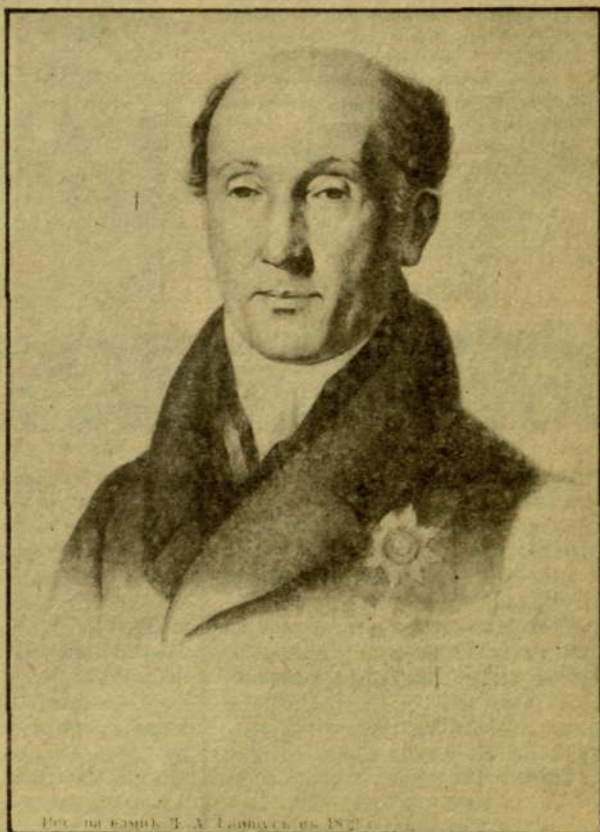
Сибирские деяния

Михаил Михайлович Сперанский приступил к исполнению обязанностей правителя Сибири 22 марта 1819 года, открывая этой датой совершенно новую страницу нашей истории. Начал он с поездки по подвластным ему городам, с тем, чтобы составить собственное мнение о положении дел. Затеянная ревизия привела в шок многих чиновников, у кого-то сдали нервы, кто-то сошел с ума в ожидании расправы за свои темные делишки.

Еще в Тобольске Сперанский заверил местных жителей, что они смело могут подавать жалобы на свое начальство, не опасаясь последствий, и повторял это заверение неоднократно в других городах и селениях. Иногда он шел пешком за своим экипажем, беседуя с людьми, выслушивая и расспрашивая крестьян.

И жалоб было так много, что вскоре закончилась гербовая бумага, на которой положено было их подавать, разрешили писать на простой. Но вдруг поток жалоб прекратился. Случилось это на подъезде к Иркутской губернии. И вскоре выяснилось, что местный исправник, некто Лоскутов, отобрал в своем уезде все чернила и бумагу, лишив таким образом, как он думал, возможности жаловаться. Увы, подобные действия не спасли его от ареста и заслуженного наказания.

Теперь мы догадываемся, почему в Томске Сперанский написал свою знаменитую фразу: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было

сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить». Эти слова вырвались из души человека, искренне мечтавшего о цивилизованном переустройстве России.

Эпилог

Вступая на трон преобразований, Сперанский с недоумением задавал вопрос: «Кто метет лестницу снизу?» - и сам же отвечал на него тем, что предлагал сначала очистить административный аппарат, а потом уже переходить к политической свободе. Служба в Сибири, в конце концов, охладила его мечтания и показала, что в выбранном единоборстве сила не на его стороне.

Но мы-то дожили до политической свободы, правда, без очищения верхних ступенек лестницы, и в этом потемки наши еще обнаружат для себя нечто забавное...

Эдуард МАЙДАНЮК.

— этнограф, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, преподаватель Новосибирского университета.

Сфера его научных интересов — духовная культура коренных народов Сибири. Им лично и в соавторстве с коллегами из Томска и Новосибирска написаны книги «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (в 3-х частях), «Урало-алтайская мифология», «Г.Н.Потанин. Опыт осмысления личности», «Алтай в зеркале мифа», «Легенды и были таежного края» и др.

Прошу простить меня за обращение к уважаемому историку на «ты», просто знакомы мы достаточно давно, а однажды — в написании книги о Григории Николаевиче Потанине — мне даже посчастливилось быть его соавтором.

Владимир КРЮКОВ

«...УВИДЕТЬ ЗА ВНЕШНИМ — СОКРОВЕННОЕ»

— Помнишь, как ты впервые приехал в Томск?

— Мало сказать — помню. Я люблю вспоминать этот день, как и многие дни той, уже не близкой юности. Я прилетел в этот город, чтобы попробовать поступить в университет. Прилетел впервые, хотя и жил так недалеко, в Новосибирске. Я вышел из автобуса где-то на Кирова, прохожий махнул рукой, дескать, там на проспекте Ленина направо и будет нужно тебе здание. Я свернул, увидел научку, не зная, конечно, что это такое, увидел замечательную рощу и сказал себе: «Да, в этом городе я хотел бы жить и учиться». Но сам университет я тогда не заметил, вышел прямо хонько на величественный ТИАСУР, стал там прочесывать этаж за этажом в поисках исторического факультета. Пока наконец кто-то не сказал мне, что это бесполезно, и не указал дорогу. Я поступил и никогда не пожалел об этом.

— Ну и, видимо, уже в ранние студенческие годы потянулся к науке?

— Нет уж, извини, я тебе стандарты — то все нарушу. Всякие конференции с докладами я за версту обегал. Да никто на них и не тащил, слава богу. Там всегда добровольцев хватало.

— Но ведь пришел ты в конце концов в науку. Как?

— А вот как. Систематизировали, описывали коллекции музея археологии и этнографии. Там обнаружили несколько ламаистских икон. Никто ни бум-бум. Предложили мне съездить в Улан-Удэ, повстречаться со специалистами.

— Но почему тебе?

— Я перед этим копался в научке в документах потанинской тибетской экспеди-

ции, так что вроде некоторое отношение имел. Ну вот. А в Улан-Удэ описать иконы помог самый настоящий лама. Экзотика. Вскоре в Питере впервые открылась стажировка на кафедре этнографии. И с подачи Элеоноры Львовны Львовой я туда угодил.

— И ты полюбил этнографию на всю жизнь?

— Она довольно быстро мне надоела в наших традиционных формах. Вся эта доскональность, дотошность, хотя и нужна, но терпима лишь до какого-то предела. А в исследовании и реконструкции мифопоэтического сознания (чем я последние годы занимаюсь) просто необходима некоторая раскованность, право автора даже на фантазию. Просто я из тех, кто доверяет интуиции. Я думаю, что без этого невозможно, неинтересно, скучно.

— Зная о твоей нелюбви к катетике, все же скажу, что всегда воспринимал тебя как наследника энциклопедистов — широкий кругозор, юмор, неакадемичный, живой интерес ко многому. О рок-музыке надо вообще отдельный разговор заводить. С твоих дисков услышал я впервые многие шедевры. Узнал, что английский ты «выучил только за то, что им разговаривал Леннон». Постоянные экспедиции, поездки по стране и за рубежом. И наконец, книга за книгой. Нет, воистину потрясающе, как выражается наш общий знакомец.

— Английский я вправду учил с песен «Битлз». Аккуратно переписал в толстую общую тетрадь и впитывал. Что и говорить, битлы — это навсегда. Как подумаешь, чего нас пытались лишить, — кровь стынет. Знаешь, в Японии я зашел в музыкальный магазин и обомлел. На полках все, чего только пожелаешь душа меломана. Понимаешь — все! Вот это — то натурально потрясающе. Что же касается моего родства с энциклопедистами — оставим эту смутную

концепцию на твоей совести. Еще и еще раз тебе скажу, что я очень ленив. Не заставляй меня краснеть. Я могу месяцами с удовольствием ничего не делать.

— Думается, краснеть тебе не за что. От книги к книге ты безусловно растешь. Разумеется, я говорю как дилетант, говорю больше о стиле, о владении материалом. Ты смелее вступаешь в область догадок и предположений, поднимаешь мировоззренческие вопросы. Ну, а последняя работа «Алтай в зеркале мифа» начинена такими подлинно поэтическими миниатюрами! По-другому смотришь на горы, деревья, реки. Наверное, и такую задачу ставит ученый, предлагая взглянуть на привычный наш мир иначе, внимательнее, увидеть за внешним — внутреннее, сокровенное.

— Выбор темы, ее реализация в книгу — достаточно темный процесс. Пока я хожу по улицам, задумываюсь над какими-то явлениями, вокруг меня струится понятный, светлый поток. И вот в нем появляются некие сгустки, для меня неведомые. И мне нужно это для себя объяснить. Я сажусь за машинку, уже обложившись заметками, записями, некоторыми заготовками. Но я и сам не знаю, куда приведут меня размышления, как я завершу эту работу.

Конечно, мне повезло, что никто никогда не оказывал на меня давления. Ни в студенчестве, ни в последующие годы. Меня просто учили. И не столько тому, как делать, сколько тому — как НЕ делать. Вот за это я благодарен прежде всего Элеоноре Львовне. Мне всегда везло с соавторами, хотя сотрудничество в таком интимном процессе, как писание книг, — вещь трудная и весьма непростая.

— А кто для тебя стал образцом историка и почему?

— Лев Николаевич Гумилев. На третьем курсе я прочел его книгу «Древние тюрки».

Книга феноменально отличалась от тогдашней литературы по стилистике, методологии. Она торчала, как камень из прикатанной дороги. И я понял, что вот так нужно писать об истории. Потом были другие его книги, никак не ниже уровнем.

Три года спустя мне довелось увидеть ученого живьем. Рядом со Смольным находится один из корпусов Ленинградского университета, где и читал Гумилев. Я явился в преподавательскую и, робев, обратился ко Льву Николаевичу: «Можно ли присутствовать на лекции?» Гумилев взял меня под руку, и мы пошли к аудитории. Он шел мягкой такой походкой в уютных фетровых ботах с пачкой «Беломора» в руке. «Доброй традицией российских университетов всегда была возможность любому человеку ходить на любые занятия», — сказал Гумилев, входя со мной в аудиторию. Сестра там была почти некуда. Я устроился на подоконнике. Лев Николаевич, рассказывая, расхаживал туда-сюда перед студентами, покуривая, шутил, вставляя эпизоды из своей лагерной жизни.

В начале восьмидесятых, когда Гумилева почти не печатали, я попросил его прислать статью в наш новосибирский сборник, что он и сделал. Сборник разошелся моментом. В моем домашнем архиве хранится дорогая мне открытка, написанная рукой Льва Николаевича, — поздравление с Новым годом.

— Андрей, сейчас ты сам — преподаватель. С какими установками идешь к студентам? Открыть им глаза на какие-то связи, закономерности? Научить — чему?

— Я читаю курсы «Основы этнографии» и «Мировоззрение народов Сибири». Начинал очень традиционно. Вполне наследовал ущербность старой методики — количественные перечисления. Сегодня пытаюсь строить по-другому. Сумму фактов можно отыскать в литературе. Моя задача — научить, как ими пользоваться. Эта непростая работа позволяет оценивать и свой уровень.

— К слову, читая о хантах, манси, алтайцах, ты ставишь их в один ряд с цивилизациями, скажем, греков или Южной Америки?

— Да почему все должно выстраиваться в некий линейный ряд? Почему бы не говорить о самоценности, равнозначности! Ну, конечно, я понимаю тебя: там — Парфенон, величественные пирамиды, а здесь — продырявленные юрты. Но, во-первых, скромное вещественное оформление быта не свидетельствует о бесталанности сибирских народов. В отпущенных природой возможностях они сделали, что смогли. Просто они прошли иной путь развития. И общество, выйдя на уровень динамического равновесия с Природой, не стремилось к его нарушению.

А культура — она вообще не всегда желает оживления. И в своей живой стихии сохраняет то, что иное общество утратило в процессе эволюции, что формализовано жесткими установлениями,

догмами. Скажу крамолу или кощунство для тебя как книжника: даже письменность отчасти сковывает полифонию культуры. Из этого не следует, конечно, что я последователь известного мракобеса Сказозуба.

— Да тут уж, слава богу, я не заблуждаюсь. Знаю тебя как прилежного, где-то даже запойного читателя. Кстати, а скажи — ка о книгах, которые тебя в разное время особо затронули.

— Олжас Сулейменов. Его опальная книга «Аз и Я» в свое время поразила меня дерзостью. Пусть Сулейменов в чем-то неправ. Но это так напористо, поэтически ярко, так неакадемично — просто по-хорошему завидуешь. Или Аверинцев — мыслитель иного склада, с иной динамикой письма, неким, я бы сказал, библейским началом, уравновешенностью. Последнее по времени впечатление — Горенштейн, «Псалом». Поражает смелость, с которой он взялся за этот вековой вопрос — евреи в России.

— Процесс создания книги, как ты сказал, дело темное. И все-таки: писатели иногда вспоминают о каком-то случае, какой-то встрече, с которых начиналась книга. Было у тебя что-нибудь подобное?

— Помню, в августе 78-го наш небольшой этнографический отряд работал в одном из красивейших мест Горного Алтая — в Кулаганском районе. В то утро намечался наш отъезд. Но туман закрыл перевалы, спустился в долину. Машина из райцентра не пришла. Мы сидели в доме Андрея Павловича Тадышева, и разговор, как водится в таких случаях, шел о погоде, о дорогах. Мы слушали рассказы о раскопках легендарных курганов, ставших предметом гордости местных жителей. Андрей Павлович прекрасно говорит по-русски, а разговор без посредника всегда более доверителен. В конце беседы он сказал: «Вот так и живу. Действительность, со всех сторон проходит через мой аил». (Аил — это срубная юрта). В сказанном не было никакой поэмы. Человек размышлял о жизни — о своей маленькой и о большой, которая начинается там, за перевалом, об их сложной соотношенности.

Такие встречи заставляют задуматься. И об истоках традиционной культуры, и ее проявлениях сегодня. И о том, надо ли напоминать о суверенном праве народа обладать своим видением мира. Вот в кругу таких вопросов и рождалась наша большая книга о традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири.

— В этой книге есть интересная мысль о том, что южносибирские тюрки хорошо ощущали сопряженность своего бытия, как бы невидимая пуповина родственных отношений связывала общество и природу. Это же основы экологии!

— Мы и пишем про мифозкологичность. В шаманских молитвах часто звучит мотив ожидания милостей от природы (нас, если помним, воспитывали под другим лозунгом). Но это вовсе не означает беспомощ-

ности человека. Скорее, следует говорить об интуитивном осознании своего места в мироздании, ощущения собственной малости перед величием Природы.

— А мы в нашей повседневности почти не задумываемся о своем месте во Вселенной, о Жизни, Смерти...

— И в исконной русской культуре это было. Вопросы взаимоотношения Человека и Природных Сил всегда волновали людей. Только это сознательно и последовательно истреблялось как суеверие. Но что-то сохранилось. Сам знаешь, всегда, наверное, жили рядом бабки-врачеватели, знахари. А приметы, поговорки, поверья? Сейчас возник некий перекосяк — этот тотальный интерес к чертовщине, НЛО, экстрасенсам. Что ж может, нынче это и возможно лишь на таком уровне.

— Сам-то ты человек неверующий?

— Мне чужда вера с принадлежностью институтам веры, культам. Но сумма убеждений у меня есть. Я разделяю основные установки архаического мировоззрения — спокойное языческое созерцание, понятие о мироздании, где доминирует добро, осознание того, что мир создан ради человека. Это, если хочешь, неошаманизм.

— Ты в последнее время более-менее регулярно общаешься с зарубежными коллегами. В чем суть их интереса к Сибири, если таковой есть?

— Безусловно есть. И элементарно объяснимый. До последней поры мы были для них попросту закрытым миром, зоной, по нашему. Они знали о Сибири только из литературы. Интерес есть, но формы сотрудничества только ищем. У нас во многом разный подход к науке. Для них это рабочее время от 9 до 6. У нас, как правило, все время суток, да чего там — жизни! Зато у них очень привлекательна установка той же этнографии на выставочно-музейную направленность. В Японии, которую я несколько узнал в конце 80-х, прямо купить выставок. Они разрабатываются досконально, от идеи до дизайна.

— О чем ты еще хочешь написать?

— Мне кажется, что я написал все. Все, что хотел.

— Это, надо полагать, юмор? Или необходимая пауза перед тем, как безоглядно погрузиться в новую работу?

— Полагай как хочешь.

— Тогда, значит, до новых книг...

P.S. Редакция нашего альманаха поздравляет Андрея Марковича с его 40-летием, случившимся в апреле, и присоединяется к пожеланию новых работ и свершений во славу сибирской науки.

СИБИРСКИЙ ГЕШЕФТ ФИРМЫ «КУНСТ И АЛЬБЕРС»

Все больше связывая свои помыслы и надежды с рыночной экономикой, Россия сейчас не может обойтись без широкого притока иностранных товаров, капиталов, технологий и организационного опыта. Вопрос о целесообразности и допустимых масштабах привлечения этих заграничных ингредиентов рынка, как известно, вызывает в нашем обществе неоднозначную реакцию, является предметом острых дискуссий, а порой и столкновений разных политических сил.

В этой связи полезно обратиться к опыту прошлого. Ведь в экономическом развитии России «иностраный элемент» играл весьма заметную роль. В частности, немало примеров плодотворной деятельности иностранцев знает история хозяйственного освоения Сибири. Большой известностью и популярностью пользовалась, например, германская торговая фирма «Кунст и Альберс», более полувека действовавшая на дальневосточной окраине России. По длительности своего существования, по масштабам и разнообразию операций, по степени влияния в экономике этого региона она почти не имела себе равных, заметно превосходя другие предприятия.

Во второй половине XIX — начале XX веков русский Дальний Восток — в силу своего окраинного положения и неудовлетворительного состояния путей сообщения, отсутствия собственной развитой промышленности и слабого местного торгового капитала — остро нуждался во всевозможных товарах. И в значительной мере его потребности удовлетворялись иностранными торговыми предприятиями, крупнейшим из которых являлась фирма «Кунст и Альберс».

Основатели фирмы, молодые жители Гамбурга Густав Кунст и Густав Альберс, свое «первоначальное накопление» начали в Китае. Г. Кунст с 1859 г. вел торговлю в Шанхае в составе небольшой фирмы «Кунст и Рель». Здесь же делал свои первые шаги на коммерческом поприще и Г. Альберс. Но операции в Шанхае не принесли особого успеха ни тому, ни другому.

Объединив свои небольшие капиталы, они решили попытаться счастья в русских землях. Осенью 1864 г. Г. Альберс прибыл во Владивосток с первой партией товаров. Этот год и стал считаться датой основания фирмы «Кунст и Альберс», хотя никакого официального договора между компаньонами заключено еще не было. Летом 1865 г. во Владивосток перебрался и Г. Кунст. В следующем году они купили здесь первый участок земли с постройками (до этого арендовали дом). Тогда же было открыто и первое отделение фирмы в Посыете, остававшееся до 1887 г. единственным.

Сначала дела фирмы шли сравнительно медленно. Товары она приобретала в Шанхае у крупных немецких фирм, частично в кредит. Значительных масштабов эти закупки достигнуть не могли как в силу ограниченных возможностей самой фирмы, так и вследствие того, что привозимые в Шанхай товары реализовывались в основном на китайском рынке.

Новый этап в деятельности фирмы «Кунст и Альберс» наступил в 70-х годах XIX века, когда она начала прямые закупки товаров в Гамбурге — одном из крупнейших центров международной морской торговли. Этому благоприятствовало общий подъем торгового мореплавания после открытия Суэцкого канала. Сократив морской путь из Европы в Азию, канал в 2–3 раза повысил дееспособность капитала, занятого в морской торговле. Значительно быстрее стали расти и торговые обороты гамбургской фирмы в Приамурье и Приморье. Так, в 1877 г. она продала товаров на сумму 80 тыс. руб., а в 1879 г. — уже на 183 тыс. руб. Эти операции приносили неплохую прибыль: в 1877-м — 30%, в 1879-м — 34%. Уже в 1877 г. имущество фирмы оценивалось в 100 тыс. руб.

Скоро владельцы фирмы стали вполне самостоятельными людьми, что позволило им в 1880–1882 гг. вернуться на родину, оставив руководителем дела во Владивостоке своего служащего А. Даттана. В 1880 г. в Гамбурге была зарегистрирована «новая» фирма — «Кунст и Альберс». По сути дела, она стала главной конторой большого торгового предприятия, одним из филиалов которого являлась одноименная фирма на востоке России. По мнению немецкого историка И. Мая, это был первый случай, когда германские предприниматели сначала открыли свою деятельность в России, а затем уже учредили фирму в своей стране (т.е. заграничный филиал основан раньше главной конторы).

Дальнейшая деятельность фирмы на

русском Дальнем Востоке связана прежде всего с именем Адольфа Даттана. В 1886-м он заключил договор с Г. Кунстом и Г. Альберсом, по которому стал совладельцем фирмы, получающим 20% чистой прибыли. С 1891 г., по дополнению к этому договору, его доля прибыли возросла до 25%, а еще через 5 лет, по новому договору, она сравнялась с долями двух других владельцев. Чтобы облегчить свою деятельность, А. Даттан принял русское подданство, что не исключало, впрочем, сохранения германского подданства, так как в Германии с 1870 г. действовал закон о двойном подданстве. Впоследствии в составе владельцев предприятия произошли изменения. В 1898 г. из фирмы вышел Г. Кунст. В 1910 г. Г. Альберс передал свое участие в ней сыну Альфреду. Последний родился в 1877 г. во Владивостоке. Когда ему было 3 года, семья вернулась в Германию. Здесь он окончил университет, стал доктором права. Заменив отца в качестве совладельца фирмы, принял русское подданство, но, видимо, жил в основном в Гамбурге, а во Владивостоке бывал наездами.

Наибольших успехов фирма «Кунст и Альберс» добилась с конца 80-х — начала 90-х годов. Продолжая закупки иностранных товаров в Гамбурге, а также в японских городах Кобе и Нагасаки, она вместе с тем начала широкую торговлю российскими товарами. Ее закупочные конторы были открыты в Одессе, Варшаве, Москве, Петербурге, Риге и Иркутске. Открывается и целый ряд новых отделений фирмы, накануне первой мировой войны их насчитывалось около 30. Практически во всех более или менее крупных городах и селениях Приамурья и Приморья фирма вела обширную оптово-розничную универсальную торговлю. Значительно возросли ее торговые обороты. Например, в Благовещенске они увеличились в 1895–1910 годах в 8 с лишним раз — с 445 тыс. до 3830 тыс. руб. Перед мировой войной общий торговый оборот фирмы «Кунст и Альберс» на русском Дальнем Востоке составлял 15–17 млн. руб., причем большая его часть приходилась на русские товары. Основной капитал фирмы, определенный договором 1896 г. в 300 тыс. руб., вырос до 10–12 млн. руб. Недвижимое имущество оценивалось в 15 млн. руб. В фирме было занято свыше 1 тыс. рабочих и служащих. Она доминировала в торговле края. Более или менее на равных конкурировать с ней могло лишь другое крупное предприятие — «Чурин и К».

За счет чего же фирма «Кунст и Аль-

Г. Благовѣщенскъ. — Магази́нь Торгова́го Дома „Ку́нстъ и Альберсъ“.

берс» добилась этого положения? Прежде всего благодаря связям с крупнейшими банками Германии. Еще в 1873 г. она получила свой первый кредит в гамбургском банке «Беренберг, Гослер и К», позднее начала кредитоваться в Немецком, Немецко-Азиатском и других банках. В 1912 году общий заграничный кредит фирмы составлял более 4 млн. марок (примерно 2 млн. руб.). Кредитовалась она и в русских банках (Государственном, Русско-Азиатском и Сибирском торговом). Кроме того, с 1886 г. фирма имела во Владивостоке собственную банкирскую контору, в которой концентрировались значительные денежные суммы (до 2 млн. руб.). Фирма состояла агентом многих иностранных и российских пароходных компаний («Северо-Германский Ллойд», «Гамбург-Америка линия», «Ниппон Юзен Кайша» и др.). Благодаря этому ее фрахты были почти вдвое дешевле, чем у главных конкурентов. Она являлась также представителем целого ряда российских и иностранных страховых обществ, торгово-промышленных предприятий.

Торговые операции гамбургской фирмы отличались широким ассортиментом товаров, рациональной и четкой организацией, большим разнообразием форм и методов. Она привлекала большое количество местных торговцев в качестве агентов и комиссионеров. С их помощью фирма сбывала свои товары в самых отдаленных и труднодоступных местах. Широко практиковалась продажа товаров в кредит. Крупным оптовым и постоянным покупателям делалась скидка в 10% почти на все товары. Нередко фирма прибегала к продаже по сниженным ценам. Вообще цены у нее были ниже, чем у большинства других предприятий. Фирма располагала хорошо поставленной рекламой (расходы на нее составляли до нескольких тысяч рублей ежегодно по каждому отделению). Немаловажными

факторами успеха были традиционные для германской торговли аккуратность в выполнении заказов, отменная профессиональная подготовка служащих, подчеркнуто вежливое обращение с покупателями и т.д. Несомненно, это предприятие способствовало повышению культуры торговли в восточных районах России.

Во Владивостоке фирма имела техническое бюро, принимавшее заказы на поставку и установку различного промышленного оборудования, электрического освещения, центрального отопления, водопровода, канализации и вентиляции. Ей принадлежали и такие предприятия, как завод красок, кофейная мельница, папиросная мастерская и др. А Даттан являлся владельцем нескольких угольных рудников.

Роль фирмы «Кунст и Альберс» в экономической жизни Дальнего Востока определила то личное влияние, которым пользовался ее руководитель А. Даттан. Приамурский генерал-губернатор однажды даже заявил: «Даттан имеет влияние на Дальнем Востоке больше, чем я». Несмотря на преувеличение, в этих словах есть доля истины.

С конца 80-х гг. Даттан неоднократно избирался гласным Владивостокской городской думы, был кандидатом на должность городского головы, состоял членом биржевого комитета. В 1904 г. он получил чин статского советника, а в 1911 г. — действительного статского советника. Незадолго до войны ему было пожаловано потомственное дворянство.

Широкую известность получил Даттан как щедрый благотворитель. Он состоял попечителем нескольких учебных заведений Владивостока. Только Восточному институту он пожертвовал около 200 тыс. руб., построив для него общежитие, церковь, а также выделяя средства для командировок студентов за границу. Засвою благотворительность Даттан был предс-

тавлен к ордену Св. Владимира 3 степени.

Все круто изменилось с началом первой мировой войны. Часть служащих фирмы (германские и австрийские подданные) и ее руководитель были обвинены в шпионаже в пользу Германии и высланы в разные места Иркутской и Томской губерний. Даттан оказался в с. Колпашево Нарымского края. Дальнейшую его судьбу выяснить пока не удалось. Скорее всего, А. Даттан и А. Альберс не имели отношения к шпионажу. Ведь и канцелярия Приамурского генерал-губернатора сообщала в Департамент полиции, что во время обыска «у самого Даттана ничего существенного обнаружено не было», «в отношении Альберса компрометирующего ничего не найдено» и т.д. Вероятно, разведывательной деятельностью занимались некоторые служащие фирмы. Владельцы предприятия, конечно, могли догадываться или даже знать об этом.

Думаю, это один из тех случаев, когда политика грубо вторглась в предпринимательство, разрушая сложившиеся торгово-экономические связи и судьбы людей. Сколько выпало на долю Даттана и его семьи! Два его сына воевали в русской армии, один — в германской. Жена с младшими детьми жила в Гамбурге, и, видимо, у нее были неприятности в связи с «русским подданством» мужа.

Несмотря на все эти коллизии, фирма «Кунст и Альберс» продолжала действовать, хотя и под строгим контролем правительственных инспекторов и с некоторыми существенными ограничениями. Значение этого предприятия в экономике края было столь велико, что против его ликвидации выступили, например, Владивостокская и Николаевская городские думы. И лишь в апреле 1917 г. было принято постановление Министерства торговли и промышленности о ликвидации фирмы «Кунст и Альберс».

Славный гешефт гамбургской фирмы на востоке России оставил о себе память в виде построенных ею зданий. Во Владивостоке, например, в бывшем здании фирмы долго размещался центральный ГУМ. Не канули бесследно и капиталы владельцев фирмы в Германии. Альберс-младший стал заметной фигурой в деловых кругах, одним из основателей и президентом мощного экспортно-импортного объединения — «Восточно-Азиатского общества Гамбург-Бремен», членом промышленной и торговой палаты Гамбурга.

Слышал, что историй фирмы заинтересовались потомки ее основателей. Может, мы еще узнаем не только о старых, но и о новых делах гамбургских предпринимателей в Сибири.

Олег РАЗУМОВ.

Сибирская
Старина

19

«СЛАВЬСЯ, УНИВЕРСИТЕТ, ВЫСЬСЯ ВЕЛИЧАВО!»

История формирования комплекса зданий Томского университета (1880–1917)

Идея создания высшей универсальной школы в Сибири возникла еще в начале XIX века, а решение об учреждении было утверждено царем лишь в 1978 году. В предверии основания университета генерал-губернатор Западной Сибири поручает омскому городскому архитектору Э.П.Эзету составить подробный проект предполагаемого учебного заведения. Такой проект был вскоре составлен и отправлен в Санкт-Петербург, где его должна была рассмотреть созданная в 1878 году специальная комиссия, образованная для подготовки необходимых материалов по сибирскому университету. В эту комиссию помимо министерских чиновников были приглашены профессор Казанского университета В.М.Флоринский, великий русский ученый-химик, профессор Петербургского университета Д.И.Менделеев, академик архитектуры А.К.Бруни, директор Департамента народного просвещения Н.Е.Брадке.

Представленный комиссии проект Эзета при его детальном рассмотрении был признан «во многих отношениях не вполне отвечающим цели» и не годным для строительства.

Автор запроектировал университет в шести отдельно стоящих двухэтажных зданиях, несущих самостоятельные учебные и хозяйственные функции. Такое «раздробление», по мнению комиссии, значительно удорожало строительство, затрудняло ведение полноценного учебного процесса, представляемого к высшим школам. Кроме того, не был предусмотрен целый ряд необходимых построек и специальных помещений; требовался пересмотр планировочной композиции университета, который был запроектирован на участке свободного городского квартала в южной части Томска. Ко времени рассмотрения проекта

городские власти «подарили» будущему университету один из лучших городских участков – березовую рощу, располагавшуюся рядом с Новособорной площадью, административным центром города. Отклонив проект Эзета, комиссия составила подробную программу на новое проектирование и поручила академику Бруни составить чертежи с учетом всех разработок и обоснований.

Новый проект, выполненный через несколько месяцев, вызвал одобрение комиссии, однако подвергся острой критике со стороны Медицинского департамента и Техничко-строительного комитета Министерства внутренних дел, где рассматривался после предварительного обсуждения.

Потерпев неудачу, комиссия срочно заказала новые чертежи, которые выполнил архитектор, профессор Э.И.Жибер. Однако и этот проект, несмотря на удовлетворительное архитектурно-планировочное решение при более сложной конфигурации плана, пришлось отклонить из-за большой сметной стоимости, в два раза превышающей проект А.К.Бруни.

В итоге в комиссии было принято решение вновь возвратиться к проекту Бруни, устранив все его выявленные недостатки при выполнении рабочих чертежей и строительстве зданий, а также учесть при этом все те положительные моменты, которые были предложены в проекте Жибера. В сентябре 1879 года проект Бруни был утвержден к исполнению.

Выполнение работ, связанных со строительством сибирского университета, было поручено образованному в Томске в 1880 году строительному комитету, председателем которого был избран профессор В.М.Флоринский. По рекомендации Бруни строителем здания был назначен гражданский инженер М.Г.Ариоль, которого в 1881 году сменил гражданский инженер П.П.Наранович.

Проект А.К.Бруни предполагал размещение главного корпуса университета, где сосредотачивались все основные учебные помещения

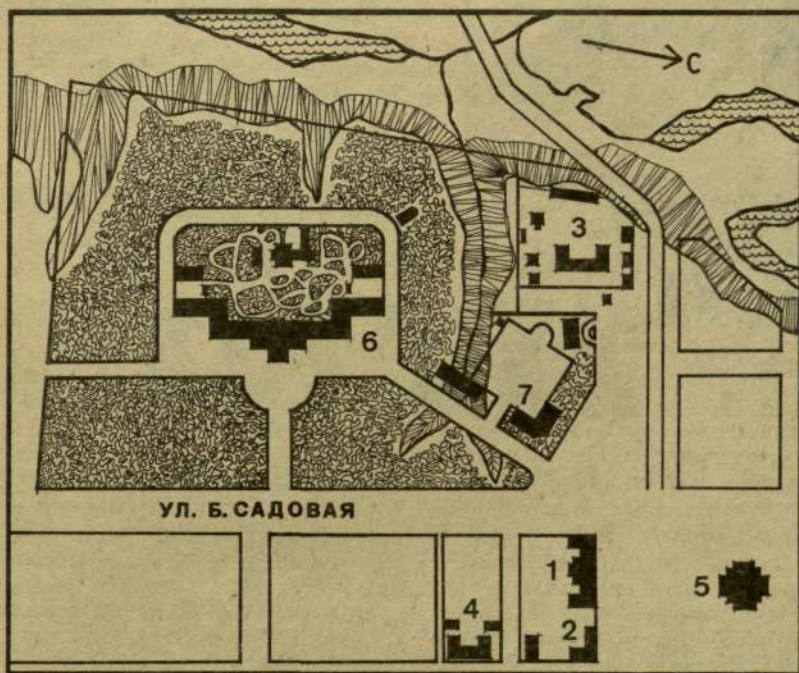
в значительном удалении от центральной улицы города (Садовая ул.), внутри березовой рощи. Расположение вспомогательных зданий – вдоль линии основного пешеходного движения (от угла Новособорной площади к центру здания) и «на задах» главного корпуса. Главное здание предлагалось сделать двухэтажным, разместив большинство помещений вдоль длинного широкого коридора, П-образного в плане объема. В центральной части его планировались актовый зал, библиотека, церковь, музей и др. Трехэтажные «флигели» с обоих торцов примыкали к основному объему. В них временно решено было устроить квартиры преподавателей. Архитектура главного здания решалась традиционно для учебных сооружений первой половины XIX века: в строгой центрально-симметричной трехчастной композиции объема, на основе элементов и форм архитектуры классицизма.

Уже в период строительства главного корпуса встал вопрос о проживании студентов. Было предложено построить студенческое общежитие на 45 мест. Автор проекта Наранович расположил здание вдоль Садовой улицы (ныне пр. Ленина) по краю территории университета. Его фасады решались в характерном для того времени «кирпичном» стиле. Узорчатая кладка на главном фасаде, наиболее насыщенная в центральной его части, являлась единственным украшением этого сооружения.

В 1885 году строительство главного корпуса университета было закончено. Проект Бруни был творчески доработан П.П.Нарановичем. Им были сделаны много существенных добавлений и исправлений, в определенной степени улучшивших планировку и конструктивную часть здания; более лаконичную трактовку получили фасады.

Одновременно с главным корпусом были построены заложенные в проекте Бруни деревянный астрономический дом, каменная оранжерея. Территория была ого-

Проект архитектора А. К. Бруни, 1878 г. Цифрами на плане обозначены: 1 - губернское правление; 2 - губернаторский дом; 3 - городская больница; 4 - арестантские роты; 5 - Троицкий собор; 6 - главный корпус университета; 7 - служебные здания.

рошена и благоустроена, перед университетом появился фонтан.

После завершения строительства строитель зданий П.П.Нарапович был принят на вновь образованную должность архитектора Западно-Сибирского учебного округа.

В 1889 году по проекту Нараповича закладывается новый корпус факультетских клиник, необходимость возникновения которых была продиктована потребностью в клинической медицинской практике преподавателей и студентов. Автор расположил здание на краю университетской территории - на месте пересечения двух улиц, на углу Новособорной площади. Это во многом определило объемную композицию сооружения. Выступающая угловая банья клиник закрепляла угловое пространство площади.

Последующее формирование комплекса связано с творчеством гражданского инженера Ф.Ф.Гута, сменившего Нараповича в 1896 году. Гутым было построено три (амбулаторная лечебница, бактериологический и анатомический корпуса) и запроектировано одно неосуществленное здание госпитальных клиник.

Амбулаторную лечебницу, где практиковались обучающиеся студенты, было решено располо-

жить вблизи клиник по Московскому тракту. При размещении здания архитектор, учитывая близость городского театра, поставил лечебницу в небольшом удалении от красной линии застройки улицы, тем самым высвобождая большее пространство перед зрелищным сооружением.

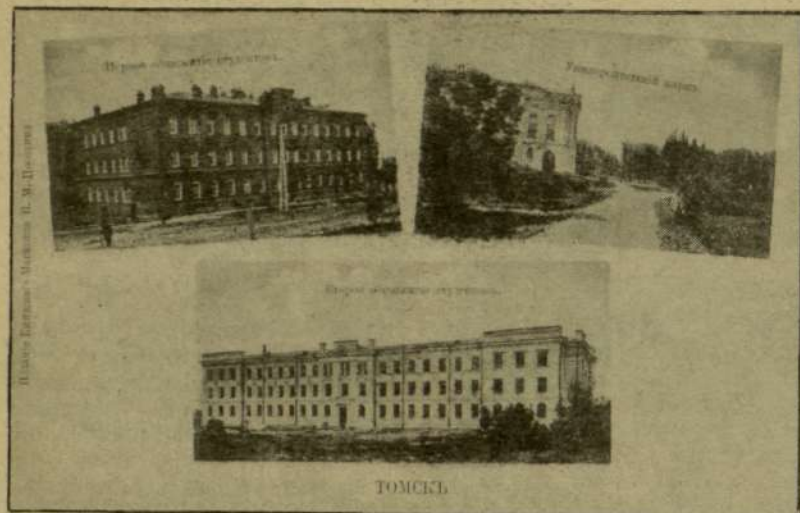
В начале XX века в университете появляется необходимость строительства нескольких новых корпусов для медицинских нужд, что диктовалось открытием юридического факультета, под который отдали часть помещений главного корпуса. Из двух запроектированных в это время Гутым зданий был построен лишь анатомический театр. Госпитальные клиники, которые предполагалось разместить по Садовой улице на свободном участке слева от факультетских клиник, из-за военных действий не финансировались министерством. Для здания анатомического театра администрация выбрала наиболее удобное место внутри территории университета, за главным корпусом. Н-образное в плане, симметричное здание получило сухую кирпичную трактовку. Его незначительный декор, навеянный преимущественно готикой, ассоциируется со средневековыми фахверковыми сооружениями.

В 1906 году на территории уни-

верситета появляется сугубо научное учреждение - первый в Сибири бактериологический институт, где разрабатывались и производились новые лекарственные препараты. Учитывая пожелания пожертвователя, на капитал которого строилось здание, оно было размещено «на самом видном месте, с фасадом на улицу». Архитектор, расположив институт возле студенческого общежития, отличающегося довольно простыми фасадами, решил здание в богатой декоративно-пластической трактовке в стилистике модерна. При простоте плана это объяснялось желанием как можно лучше удовлетворить финансиста. Дальнейшее соседство таких разных по своей архитектуре сооружений - бактериологического института и студенческого общежития - привело к изменению фасадов последнего, при капитальном ремонте переделанных «под аммир».

Последующие университетские корпуса возводились по проектам гражданского инженера А.Д.Крычкова, который заменил своего первого практического учителя Ф.Ф.Гута в 1905 году. Крычков достраивал некоторые неоконченные Гутым здания. К самостоятельной работе в университете он приступил, начав с выполнения проекта на железобетонный мостик через ручей в роще. В 1910-1912 годах архитектор проектирует и строит новое здание факультетских клиник, потребность в которых ощущалась уже многие годы. Министерство, финансирующее строительство, утвердило проект в виде трехэтажного здания, сложного в плане, с простыми в деталях, строгими и лаконичными фасадами. Архитектор расположил здание углом по отношению к Московскому тракту, изломав длинную его часть с учетом расположенной рядом амбулаторной лечебницы.

Настоятельной нуждой Томского университета долгое время являлась проблема хранения книг его библиотеки, поступления в которую из года в год увеличивались. Первые попытки изменить положение с помощью расширения существующих помещений или строительства пристройки в конечном счете привели к мысли о возведении самостоятельного

крупного здания с большим книгохранилищем. Проект такой библиотеки, составленный Крячковым, был доработан в министерстве архитектором Л.П.Шишко. Строительство здания было начато в 1912 году под руководством специально приглашенного гражданского инженера Ф.А.Черноморченко, а затем Я.Я.Родиокова.

Здание библиотеки в окончательном варианте представляло собой двухэтажное с подвалом сооружение неправильной Ж-образной формы. Планировка здания имела четкое функциональное зонирование на собственно библиотеку с читальным, двухсветным актовым залами и пятиэтажное помещение книгохранилища. Архитектура здания решалась авторами в ретроспективном виде, на новый манер воспроизводящем архитектуру эпохи Ренессанса. В том же духе решены богатые лепные интерьеры залов.

Здание библиотеки явилось последней крупной дореволюционной постройкой на территории университета. В целом за весь дореволюционный период развития университет сформировался как автономный учебный комплекс, с набором необходимых зданий, собственным жизнеобеспечением (водопровод, канализация, отопление). Усилиями архитекторов и ботаников университета был создан один из лучших образцов ландшафтной архитектуры в Сибири - университетская роща.

Планировочное развитие этого

учебного комплекса, первоначально состоявшего всего из одного крупного здания, стало возможным благодаря наличию большого земельного участка (около 41 га), отданного под университет. Наряду со свободным размещением на университетской территории ряда зданий и сооружений шло строительство вдоль границ участка, выходящих на городские улицы. Такой подход к проектированию позволил не только сохранять ценные посадки деревьев в университетской роще, но и формировать застройку центральной улицы растущего в южном направлении города.

Условия расположения новых зданий при расширении университетских построек в зависимости от того, где они будут находиться - внутри или снаружи территории, предопределили различные подходы к их внешнему облику. Те здания, что выходили главным фасадом на улицу, решались ар-

хитекторами более репрезентативно, красочно. Как правило, они были оштукатурены и имели богатую объемную и архитектурно-декоративную пластику. При проектировании новых корпусов архитекторы всегда учитывали доминирующее расположение главного здания университета. Ни одно из новых зданий не «спорит» с ним, не выбивается из масштаба, не заслоняет его своим объемом.

Необходимо особо отметить, что именно усилиями местных специалистов-архитекторов были составлены проекты на все новое строительство. В практике университетского строительства архитекторы неоднократно применяли новые для того времени материалы и конструкции - бетон и железобетон, кессонные потолки и пр.

Томский университет в русской архитектуре конца XIX - начала XX веков явился одним из первых примеров нетрадиционного подхода к решению учебных заведений нового типа - учебных комплексов, располагающихся в нескольких корпусах. Опыт его проектирования и строительства лег в основу при создании высших и средних школ в других городах России, а также при постройке Томского технологического института.

Многие из зданий и сооружений университета являются историческими и архитектурными памятниками, а университетская роща, уникальное культивированное образование, являющееся составной частью всего университетского комплекса, отнесена к числу особо охраняемых объектов природы.

Валерий ЗАЛЕСОВ.

Открываем новую (или хорошо забытую старую?) рубрику. И открыто признаемся в своей «пристрастности» к оной. И убеждены в перспективности ее, рубрики, продолжения. Почему? Да потому, что история – не только в исследованиях ученых, в хронологии дат и событий; она еще и в живой памяти людей.

Приглашаем тех, кто богат этой памятью, к участию в нашем «Альбоме». Свидетельства семейных архивов дополнят новыми штрихами наше знание прошедшего времени.

Публикуя такие воспоминания, мы ставим своей скромной целью сохранить именно эту – живую – историю для потомков.

Семейный
Альбом

ТАЙНА БАБУШКИ АВДОТЬИ

По просьбе моих племянников решилась я написать все, что помню о своих родных и любимых, которых уже нет с нами. Я самая младшая в семье. Братья и сестры были намного старше меня. Братья погибли на фронте под Москвой в 41-м году. Сестры давно умерли, а я вот живу со своими детьми. В памяти многое сохранилось об отце, мамочке, о братьях и сестрах – о всей нашей семье, такой большой и очень дружной. За свои 70 лет я не встречала семьи, в которой было бы столько взаимопонимания и тепла между родными.

Вероятно, тепло и нежность неходили от нашей матери, Елены Ильиничны Павловой, а рассудительность и порядок – от папы, Георгия Павловича Павлова. Отец наш великий труженик, всю жизнь отдал своей любимой работе, рыбак он был превосходный. Всегда серьезный, молчаливый, какой-то сосредоточенный. Иногда, вдруг, он начинал говорить о своей жизни, говорить так искренне, душевно, что все его разговоры запомнились на всю жизнь. Так получилось и в тот день...

Осень 45-го года. Мы с сестрой готовим капусту впрок. Посреди кухни – гора кочанов. Мы с Надеей «засучив рукава» трудимся над заготовкой. Мамочка что-то поминает. Папа у печки покуривает и вдруг начинает рассказывать:

– Мать наша была мастерица и попеть и поплясать, а я все больше в «преферанс» компанию держал. Не любил «танцующки» и считал все эти мазурки и полечки пустым делом. И вот в самый разгар праздника слышим: «Павлова Георгия Павловича спрашивают у входа». Я вышел. Стоит незнакомый мне человек. Спрашивает: «Вы Павлов? Идемте, ваша мать

умирает». Ну я за Леночкой, идем, дескать, с матерью плохо. Одеюсь. Вышли. Я, было, к дому, а человек, который за мной пришел, говорит: «Не туда, Георгий Павлович, это умирает ваша родная мать». Вот здесь он мне и поведал, что я Павлову Павлу Васильевичу не родной сын, а приемный. Нелегко мне было это услышать. В то время у меня уже было трое детей.

Пошли мы. В то время на Воскресенской горе, за водонапорной башней, неподалеку от кладбища была глухая улочка, скорее переулочек – вот мы и пошли по ней. Кругом – тьма! Долго шли... Вдруг вдали загорелся неяркий свет – огонек в какой-то избушке. Мы подошли, открыли дверь и оказались в маленькой комнатенке. Посередине ее стоял стол, на котором лежала умершая старушка. Мне шепнули: «Это твоя мать!..» Я подошел, наклонился, взглянул и... не поверил своим глазам! Что это? Какая же это мать? Ведь это же бабушка Авдотья! Наша прачка, которую мать приглашает часто стирать белье. Знала ее давно, с детства. В доме у нас ее так и звали Авдотья-прачка.

Но вспомнил я и другое: бегу я, мальчишка, мимо нее, а она схватит меня (если в кухне никого нет) и целует да плачет, да пряник мне сует. А если есть кто на кухне, то она и не смотрит на меня, будто и не видит.

Придя домой, вызвал стариков на откровенный разговор...

А дело было так.

Прачка Авдотья ждала восьмого ребенка. Ждала и плакала: «Куда с такой оравой?» – беднота. Муж-то ее, бывший донской казак, работал грузчи-

ком на приетани. В прошлом, за какие-то провинности, был сослан в Томск с Дюна, да так и остался. Жениться, пошли дети – один к одному, и все живы, а теперь вот и восьмого ждут. Плачет, бывало, Авдотья, а Феоктиста Андреевна ей завидует: живут вроде неплохо, а детьми Бог не вознаградил. Соберутся две женщины вместе и горюют каждая о своем.

Умица была Феоктиста Андреевна Павлова. Думала, думала, да и решила:

– Слушай, Авдотья, коли родится мальчонка – отдай ты мне его на усыновление.

– Что вы, Феоктиста Андреевна, как можно, – грех!

– А я грех на себя возьму. Ты меня знаешь. Воспитаю, не обижу...

Уломала Феоктиста Авдотью. Обнялись, поплакали и решили: если будет парнишечка, да здоровый, отдаст Авдотья ребенка своего. Пусть хоть один узнает безбедную жизнь. Но тут новый вопрос: как на это посмотрит хозяин, Павлов Павел Васильевич? Мужик «нравный», «с фасоном». И придумали женщины небольшую хитрость...

Когда родился мальчишечка, да еще и «крепенький как грибок», решили, что ранним утром, когда Павел Васильевич любит улизнуть у дома подметать, поставит Авдотья у ворот корзину с ребенком. Так и случилось все. Вышел хозяин. «Что за чудо?» Откинул одеяло, а там спит дитя, уж и не малое: с годик будет. Схватил корзину да домой. Заревел: «Смотри, старуха, чем нас бог порадовал!» А надо сказать, что всегда Павел детей страсть как любил. Ну и пошло, Крестины. Име-

Сибирская
Старина

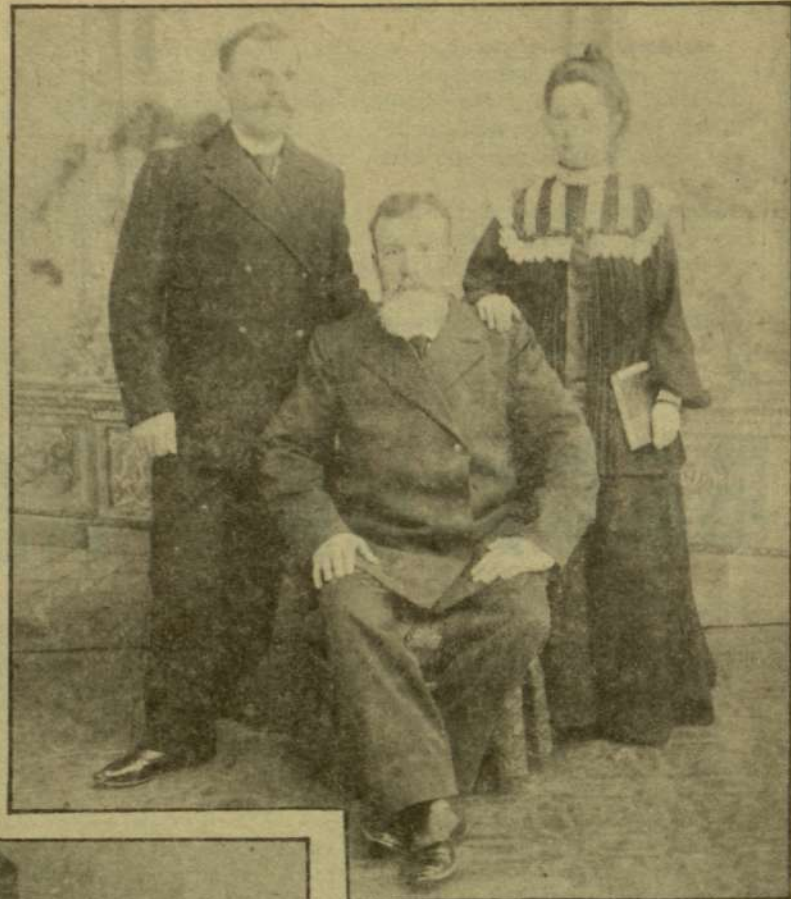
23

«Уважаемая редакция!

Я – томичка. Родилась в Томске, и детство прошло там же. Отец мой тоже в Томске родился, в 1875 году, и был одним из тех, которые способствовали расцвету города. Дома моего отца Павлова Георгия Павловича и сейчас красуются как памятники старины.

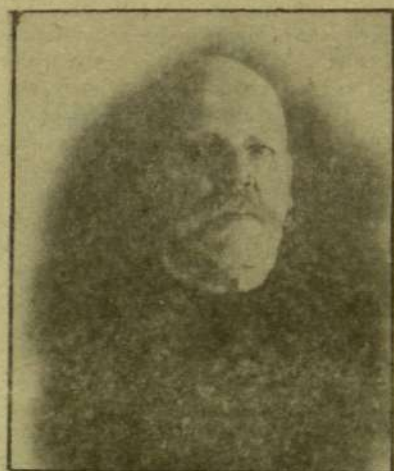
Спасибо за все то, что вы делаете для любимого Томска. Очень бы хотелось вам помочь. О жизни и деятельности отца я кое-что записала. Есть и фото...»

(Из письма Натальи Георгиевны Барышевой).

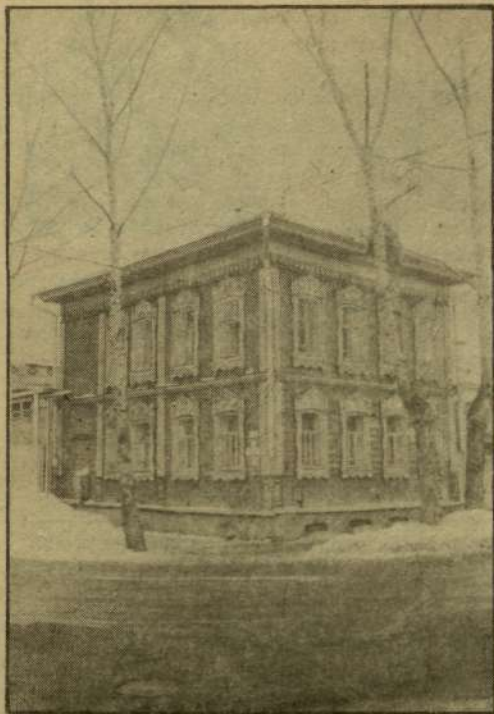

Георгий Павлович и Елена Ильинична со старшими детьми.

Павел Васильевич Павлов (в центре), Гергий Павлович и Елена Ильинична (снимок сделан в апреле 1903 года).

Георгий Павлович Павлов (снимок с доски почета в Москве).

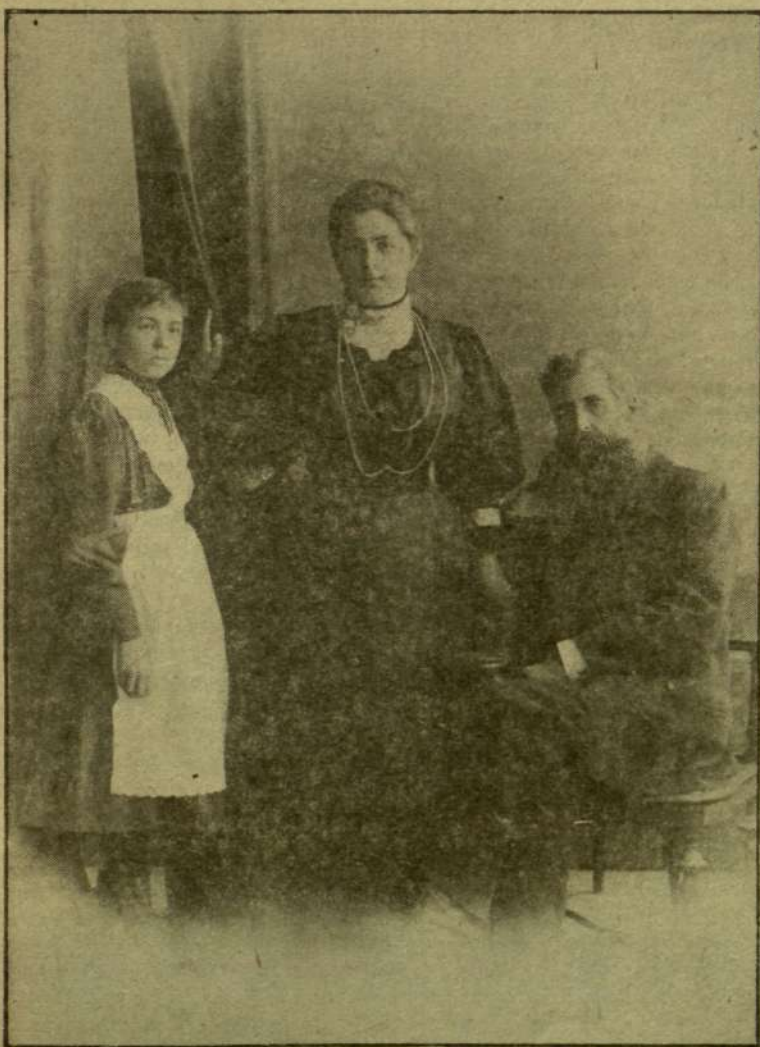
«Павловские» дома в Том-
ске (Фото А.Васильева).

*Семейный
Альбом*

Н.Г.Барышева.

Наталья Ильинична и Нико-
лай Дормидонтович с племян-
ницей.

нины, Георгием назвали. Павел гоголем ходил: что ты - сын! Даже поведение свое изменил: карты бросил, дома стал сидеть больше. А Феоктиста только ухмыляется: провела-таки «старика», угомонила! Ребенок рос баловнем. И на ученье не очень охот был, а так ничего мальчишечка, умом Бог не обидел.

С этим и вырос Георгий Павлович Павлов. Закончил три класса, а потом отдал его на ученье к одному купцу - рыбнику Федору Чаигину. Знающий мужик был, много секретов имел по засолке и копчению. «Отличный был рыбообработчик! Какие балыки выпускал - пальчики оближешь. Вкуснее сливков!» - папины слова.

Больше 10 лет работал Георгием у Чаигина. Много премудрости набрался у умного купца. Научился коптить рыбу и засолкой мастерски занимался. Научился по всей форме обрабатывать икру всякую. Был у Чаигина и небольшой консервный завод, где консервировали под томатом или прованским маслом такую рыбу, как сырок и щука.

Научился Георгий работать. Чаигин доволен остался и решил свою дочку Санечку замуж отдать, а в будущем свое дело и совсем зятю передать. Но, видно, не судьба была Сане быть за Георгием. Послал его хозяин в Нарым за рыбой к купцу Родиокову Николаю Дормидонтовичу. Имел тот в Нарыме большое дело по рыбодобыче. У самого Родиокова детей не было, но жила у него одна девушка, Леночка, родная сестра жены.

Была эта Леночка, как солнечный луч, с ласковыми серыми глазами, невысокая, тоненькая резвушка. Школу нарымскую кончила с отличием, рукодельница была отменная, шила замечательные платья себе и своим подругам, но на песни и проказы у нее тоже время оставалось.

Когда из Томска приехал к Родиоковым за свежей рыбой молодой человек от купца Чаигина, Леночка его успела рассмотреть, и сердечко у нее дрогнуло. А Георгий впрямь был хоть куда! Невысокий, но весь ладный, крепкий, с правильными чертами лица. Обычно про таких людей говорят: «обстоятельный».

Познакомился он с Леночкой, поговорили мало-мало и потеряли оба покой! Зачастой от Чаигина за рыбой Георгий, а Леночка только и ждет: когда придет «посол» от Чаигиных. Кончилось это тем, что Георгий зя-

вил своему отцу:

- Поезжай в Нарым, к Родиокову - сватать его приемную дочь Леночку.

- Тio!.. Сдурел, или попей воды. Разве отдаст Родиоков Леночку за нашего брата меицаина. Не поезду!

- Последний!

И до того стал приставать к Павлу Васильевичу, что тот плюнул и сказал:

- Ладно. Поеду. Но если за тебя, дурыю бабку, Родиоков не отдаст дочь - на глаза мне не попадайся.

- Отдаст...

Заяряг Павел Васильевич донады и поехал в Нарым. Всею дорогу был мрачнее тучи. Переживал. Гордый, самолюбивый был мужик и боялся отказа, как большого позора. Не торопясь ехал.

Зато домой придет гоголем! Дала Леночка согласие свое выйти за Георгия, а Родиоковы сами очень Лену любили, и ответ ее решил все дело.

Закатили свадьбу на весь Нарым. Дед Павел торжествовал: с уважаемым купцом породнился! С самим Родиоковым! Да, А как же быть с Чаигиными? Он же хозяин Георгия? И Санечку жаль. Очень хорошая девушка была, кстати, Леночкина подруга. Пошел Георгий к хозяйню, Федору Чаигину. Тот его в два счета и выгнал, но за работу заплатил честно.

Зажил в любви и согласии. У Леночки характер был золотой: добрая, веселая, ласковая. Дед Павел ее прямо обожал и сердился на бабушку Феоктисту, когда та ворчала на Леночку.

Бабушка была чистюля, а материально жила очень скромно, поэтому приваля все делать сама: полы мыть, и готовить, и на базар сама ходила, и шила. Леночка же ей угождала только тем, что хорошо шила, вязала и вышивала, а к черной работе у Родиоковых не была приучена, и в этом «была трагедия»: бабука заставляла ее убирать весь дом, а сама следила за каждым ее шагом, - как Леночка ни старалась, угодить не могла. На первых порах получала даже тряпкой по лицу (уж этого я бабуке никогда не прощу).

Леночка мужу не жаловалась, а переживала все молча, пока он сам не увидел сцену с тряпкой. Георгий отреагировал решительно. Лену сразу же увез в Нарым к Родиоковым и сам стал туда ездить. Старшую дочь Шуру оставил у бабушки Феоктисты, а Володю и Надю вместе с матерью - в Нарым. Сам же начал строить в Томске два больших дома (деньги на строительство зарабатывал продажей рыбы, которую тесть посылал из Нарыма).

К 1905-1907 годам дома были построены. Леночка стала полноправной хозяйкой в своем доме. Георгий с годовой ушел в работу. С помощью Родиокова открыл свои мастерские:

два цеха - копильный и засольный. Мастером он оказался талантливым. Товар свой экспортировал даже за рубеж (в частности, в Китай). Лучший товар отправлял в Петербург.

Когда пришла советская власть, отец поспешил все отдать сам: копильный и засольный цех, оба дома. (Они и сейчас красуются на улице Войкова. Им более восьмидесяти лет, но сделаны они были так добротно, капитально и красиво, что вошли в число лучших старинных построек Томска).

Отданные цеха стали носить при советской власти название «Сибирский балычник». Отцу дали квартиру в его доме и оставили работать главным мастером по обработке рыбы.

Несколько лет он там работал, получал зарплату. Смирился со своей новой жизнью и относился к своей привычной работе по-прежнему добросовестно: работал без выходных, по ночам следил за копчением балыков. Поднимался и в два часа ночи, и в четыре часа: «Как там, в копильне? Не передержать бы!» А если готово, то не ждал утра, сам спокойно и уверенно снимал готовый балык и вешал над тлеющими опилками другую шинку, вынув из рассола. Рассол был тоже его детищем. Нужно было знать строгую меру соли, специй, воды. Крепко он любил свою работу.

Теперь в этом небольшом заводике была масса служащих - целый штат бухгалтеров, начальства. Отец все удивлялся: как это раньше он справлялся один с сыновьями, а вся бухгалтерия была в одной «амбарной» книге?

Однако спокойно работать отцу не дали. Начали его «трясти» ГПУ, финотдел и еще какие-то органы. Вероятно, мало было, что он все отдал до последнего, не верили. Тогда он и отправил сыновей работать в другие города, а сам себя «сослал на низ». Сначала в Колпашево, а затем в Каргасок (это еще ниже Нарыма). И в Колпашево, и Каргаске он работал на рыбозаводах. Вначале мастером копильных цехов, а потом технологом. Отца ценили. Из Москвы, из Главка рыбной промышленности было много благодарностей, и много лет его портрет был в Главке на выставке. Леночка (Илюкентий, мой брат) перед войной еще ездил в Москву, в командировку, и видел его карточку в Главке на доске почета.

Работал отец до 79 лет в своей любимой копильне в Каргасокском рыбозаводе, а затем ушел на пенсию (по состоянию здоровья!). Умер наш любимый отец в 1962 году на 88-м году жизни.

Наталья БАРЫШЕВА

КЖЖЖА
АВЖА

В БИБЛИОТЕКУ КРАЕВЕДА

Культурная жизнь не мыслима без краеведческих изданий, без обращения к местной истории. Судя по всему, сибирское общество переживает ныне новый подъем местных исследований. Выражением его стало появление в городах региона краеведческой периодики — альманахов и журналов. Задавшись целью обобщить сведения о них, мы обращаемся ко всем сибирским краеведческим и издательским группам и объединениям с предложением информировать друг друга о новых изданиях. А для начала сообщаем об известных нам альманахах и журналах. Вот они:

Алтайский сборник: издание Алтайского отделения Всероссийского фонда культуры и Алтайской краеведческой ассоциации / Отв. ред. В.А.Скубневский. Сборник выходит на средства акционерного коммерческого производственного объединения «Алмега» — Барнаул, 1992 — Вып. 15. (Примечание: «Алтайский сборник» является возобновлением дореволюционного издания, отсюда — порядковый номер выпуска).

Былое и новь: краеведческий альманах / Сост. В.Т.Копылов. — Томское книжное изд-во, 1992.

Сибирский тракт: ежемесячное историко-краеведческое приложение к газете «Согласие» / Ред. А.Васильев. — Тюмень: изд-во «Тюменская правда», 1992. — NN 1-3.

Разыскания: историко-краеведческий альманах / Сост. М.Е.Сорокин. — Кемеровское книжное изд-во, 1990 — 1992. — Вып 1-2.

Югра: историко-культурный журнал, издается с сентября 1991 г., выходит один раз в месяц / Ред. В.К.Белобородов. Учредители — администрация Ханты-Мансийского автономного округа и нефтяная акционерная компания «Аки-Отыр». Ханты-Мансийск 1991 — 1993.

Ямальский меридиан: историко-культурный научно-популярный журнал / Ред. Р.Ругин. Издатель — администрация Ямало-Ненецкого автономного округа. — Салехард, 1992. — N 1.

Н.Д.

СПРАВОЧНИК ПО ГОРОДУ НОВОНИКОЛАЕВСКУ

Эта удобная, карманного формата, книжечка появилась в книжных магазинах Новосибирска. Она привлекает и своим происхождением, и содержанием.

Первые два издания Справочника осуществил в 1912 году новониколаевский издатель и книгопродавец Н.П.Литвинов. Но до наших дней сохранился лишь единственный экземпляр литвиновского издания в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Петербурге. Сотрудничество этой

библиотеки с ГПНТБ СО РАН и Госархивом Новосибирской области, деятельная инициатива доктора исторических наук С.Пайчадзе, финансовая поддержка мэрии Новосибирска, фирмы «НОВЭК» и инвестиционного фонда «Сибирь» обеспечили новый выпуск книжки. Она вышла теперь уже третьим изданием в 1992 году в Сибирской издательской фирме ВО «Наука» тиражом 12 тысяч экземпляров.

Книжечка уникальна: в ней перечень торгово-промышленных фирм старого Ново-Николаевска, его храмов, учебных, культурно-просветительских, медицинских, развлекательных учреждений и заведений, фамилии и адреса государственных и общественных деятелей города. Справочные сведения иллюстрированы редкими фотографиями. Здесь же небольшие очерки о возникновении и жизни города на Оби, о курортах Алтая, о сибирской кооперации в начале нынешнего столетия. Помещены также законоположения и правила о кооперативах, кредитах и ссудных товариществах, образцы различных документов, потребных рядовым горожанам и крестьянам. Старинная реклама дополнена современной. Вот почему справочник интересен не только историкам и краеведам, но и нынешним деловым людям.

Подобные справочные издания в дооктябрьские времена осуществлялись повсеместно, практиковались и в эпоху нэпа. Возобновленный после долгого перерыва справочник по старому Ново-Сибирску — действительно очень хороший подарок к столетию города, весомый вклад в возрождение культурных традиций Сибири.

Надежда ДМИТРИЕНКО.

Возьмите на заметку!

Е.В.Ястребов. Библиография опубликованных трудов Василия Марковича Флоринского. Издание автора. Москва, 1992. Тираж 500 экз.

Брошюра содержит список 328 публикаций известного русского ученого второй половины XIX века В.М.Флоринского, считавшего главным делом своей жизни создание первого в Сибири высшего учебного заведения — Томского университета.

Вся библиография сгруппирована в шесть разделов: 1. Медицина. 2. Археология. 3. Этнография. 4. Томский университет. 5. Публицистика. 6. Прочие публикации. 7. Письма. 8. Телеграммы.

Желающие могут приобрести брошюру, обратившись к автору по адресу: 141021, Мытищи Московской обл., ул.Летная, 28, корп. 1, к. 203, Ястребову Евгению Вениаминовичу.

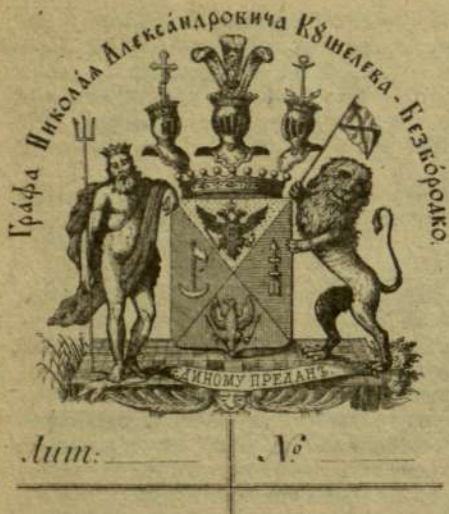
П.Е.Бардина. Сибирские обычаи (поверья, заговоры, обереги) — Томское книжное издательство, 1992. — 32 с. 10 000 экз.

Включенные в книгу записи бесед этнографа со старожилами томских сел о поверьях и приметах, бытующих в среде русских сибиряков, распределены по следующим разделам: 1. Человек. 2. Дом и усадьба. Поверья о домовом. 3. Хозяйство. 4. Поверья об умерших. В качестве приложения даны годовые праздники томских сел.

Книга представляет интерес и для специалиста-этнографа, и для рядового читателя, поскольку в ней — многовековой опыт народа, и сегодня удивляющий глубиной знаний о природе и человеке, уважительным отношением к окружающему миру (как к реальному, осязаемому, так и к таинственному, непознанному до сих пор).

Купить книгу можно в самом книжном издательстве, располагающемся по адресу: г.Томск, пр.Фрунзе, 103, 2-й этаж. Стоимость книги — 20 рублей.

Владимир Марын:
расскажу о своей коллекции

ЭКСЛИБРИСА ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

Уже почти 20 лет минуло с того времени, когда стало создаваться мое собрание экслибрисов. Сейчас коллекция эта насчитывает несколько десятков тысяч графических миниатюр, и для хранения ее пришлось специально выделить довольно вместительный книжный шкаф.

В прошлом году томики смогли познакомиться с частью этого собрания в Художественном музее на выставке «Мир искусства» и Серебряный век». А сейчас вот я вынашиваю мысль организовать выставку, посвященную русскому дореволюционному экслибрису. И если задумка эта осуществится, то в экспозицию выставки, несомненно, войдут редчайшие экслибрисы, принадлежавшие представителям известнейших княжеских фамилий Трубецких, Волконских, Одоевских, Репниных, Гагариных, Вяткиных, Голицыных, Воронцовых.

Разве не любопытно будет познакомиться, к примеру, с экслибрисом графа А.Аракчеева, с его верноподданническим девизом «Без лести предан», высмеянным еще

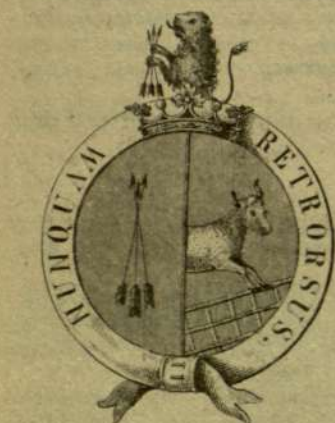
Пушкиным в его хлесткой эпиграмме. Помните? -

Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
(...) грошевой солдат.

Не откажусь от искушения назвать еще несколько известных в истории Государства Российского громких фамилий: граф Шереметев, граф Милорадович, граф Кушелев-Безбородко, граф Бобринский и, наконец, граф Валуйев, министр внутренних дел, личная библиотека которого хранится в отделе редких книг НБ Томского университета, так же, как и уникальная библиотека старинного рода Строгановых, о которой «Сибирская старина» рассказывала в одном из своих номеров.

Гордостью коллекции считаю и экслибрис писателя В.М.Жемчужникова, соавтора сочинений небыизвестного Козьмы Пруtkова.

В отдельной папке с монограммой ЦФ (царская фамилия) оформленные в паспарту покоятся экслибрисы, принадлежавшие

Г. А. Валуйев

Гагарин

династии Романовых. Это экслибрисы императоров Александра I, Александра II, Александра III, Николая II, книжные знаки Великих Князей Михаила Николаевича, Константина Николаевича, Александра Николаевича, Владимира Александровича и других представителей царской фамилии.

О своем последнем приобретении хочется рассказать особо. На хромолитографии, отпечатанной золотом и серебром, изображен скорбящий ангел в облаках. Выполнил этот знак в 1916 году хранитель Императорского Эрмитажа барон А.Е. Фелькерзам (кстати, книжный знак библиотеки императора Николая II в Зимнем Дворце рисован этим же художником). Так вот, экслибрис с изображением скорбящего ангела принадлежал наследнику российского престола царевичу Алексею, жить которому в то время оставалось всего два года.

Здесь я приведу строки из одной публикации новосибирского собирателя и исследователя книжных знаков Альберта Мякина, с которым нас связывает многолетняя переписка. Навеваны его мысли печальной судьбой царевича Алексея.

Символ оказался пророческим. Вообще для современников было характерно воспринимать Царевича как ангела. Вот и Марина Цветаева 4 апреля 1917 года, через месяц после ареста Царской семьи, писала:

«За Отрока - за Голубя - за Сына, за Царевича младого Алексея Помолимся, церковная Россия!

Очи ангельские витри...»

И далее:

«Грех отцовский не карай на сыне.

Сохрани, крестьянская Россия,

Царскосельского ягненка Алексия!»

Не сохранила...

Чудовищное бессудное убийство детей продемонстрировало новую мораль, исповедуемую большевиками. Это изуверство положило начало долгому крестному пути, по которому прогнали наш народ на котором он потерял десятки миллионов своих сыновей и дочерей. Отвергая Бога, оказывается, с неизбежностью отвергаешь и целое века.

А какую мораль уничтожил большевизм, показывают хотя бы пронзительные строки «Молитвы», написанной незадолго до смерти старшей сестрой Царевича, двадцатидвухлетней Ольгой:

*«И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы -
Молиться кротко за врагов...»*

31 октября 1918 года Русская Православная Церковь за рубежом причислила к лику святых царскую семью «вместе с сонмом других великомучеников от безбожной власти убиенных». А 13 июня 1991 года в новосибирском Академгородке заложен камень храма Царя-мученика Николая и новомучеников российских.

На снимке: Император Николай II с наследником Царевичем Алексеем.

Экслибрисы из собрания автора.

Виталий Диксон

Без никаких гвоздей!

Сибирский генерал-губернатор Иван Борисович Пестель предпочитал проживать в столице империи и наблюдать за положением дел на вверенной ему территории издали.

— Этак-то, из-за бугра... оно и объективнее будет, — говорил близким и сослуживцам.

Единственный и а к а т Пестеля в Иркутск запомнился надолго, в особенности — гражданскому губернатору Трескину, коему в первый же день было выражено неудовольствие:

— Николай Иванович, голубчик вы мой! Сенат и все петербургское общество только и говорят с огорчительной озабоченностью о том, что улицы в Иркутске находятся в совершенном расстройстве. Кочки, помняте ли, лужи... в лужах свинья, люди все какие-то оборванные... Кэлырут прандрон-ну*, голубчик?

— Ваше превосходительство! — Трескин прижал ладонь к сердечному месту. — Дайте время...

— Времени нет, — перебил Пестель. — Время, как хорошо известно, это деньги.

— Тогда... денег дайте.

— Денег тоже нет. Есть патриотизм. Так вот, разбудите оный в сердцах сограждан и поспешайте с поправлением городского пейзажа. Сроку даю полгода, проверю лично, голубчик! И кстати, мой дорогой, ну-з-эстимон боку ле патриотисм дю пень!***

Вернувшись в канцелярию, Трескин вытащил на ковер чиновника по особым поручениям Ивана Савельевича Почекушина.

— Вот что, голубь ты мой! А где у нас те казенные средства, кои на поправ-

ление города были назначены?

— А вознеслись средства! В небесах! Феиерверками-с! — Жизнерадостно доложил Почекушин.

— Какими еще феиерверками?

— Один был сотворен по причине юбилея блистательной виктории над Оттоманской Портою. Второй — по случаю устройства маскарада с переодеванием в арапов. Третий...

— Как? Даже третий был?

— А как же-с? Был и третий. Где же его не бывает, да еще в таких веселых делах, как именины вашей драгоценной супруги!

— М-да... Веселые дела. — Трескин задумался, губами пожевал и принял волевое решение: — Так вот, голубь мой, что я тебе желаю сказать: а пригласи-ка ты в управление нашего полицеймейстера и от лица моей особы озадачь его незамедлительным поправлением городских улиц. Сроку тебе три месяца.

— Как же-с? Так скоро?

— А вот так же-с! Времени нет, денег нет, разбудите патриотизм, чувства низших чинов — и с богом. Проверю лично.

Потом уже Почекушин наказывал полицеймейстеру Павлу Петровичу Непомнящему:

— Вот что, оред ты наш ясновидящий. Построй-ка во фронт всех своих аналогичных орлов да разбуди в них нижние чувства, спречь, патриотизм. Да чтоб чрез три недели, как заповедали нам господин губернатор, весь город был исправлен по веревочке!

«О, господи боже! — подумал Непомнящий. — И нашто его будить, оный патриотизм? Его разбудить... дак он спросоня таких делов наворачает, што упаси бог и помидуй!» Потом Павел Петрович выстроил, как положено по уставу, когорту приспешников и гаркнул браво и любознательно:

— Здорово, орлы!
— Здра... жла... ващ... бродь!
— Орлы вы у меня аль нет?

Литературные сюжеты в большинстве своем основаны на фактах, имевших место в действительности, которая в свою очередь нередко преподносит такие «шутки истории», перед коими бледнеет самая изощренная фантазия романистов. Таких сюжетов в сибирской истории немало. Давайте же, любознательный читатель, ненадолго остановимся посреди суеты, оглянемся, посмотрим, что мы оставили позади, от чего ушли — возвратно и что возвращается по кругам жизни; заодно и удостоверимся, что в пользу нашего знания о славном отечественном прошлом свидетельствуют не только российские гении, но и (самым парадоксальным образом!) — российские злодеи, которые, между прочим, не мамонты, сами по себе не вымрут, им в этом пособить — недобно, а уж потом — идти дальше...

— Так точно!

— А нужны ли птицам денюжки?

— Никак нет!

— Вот и я так думаю, орелки. Столо быть, ваше жалованье я того... сократил. По велению сердца. На нужды населения. И теперича ваша очередь жертвовать со строгой, конечно, добровольностью. То есть, в три дня — ни есть, ни спать, а навесь городской порядок, все выровнять, причесать под линеечку. Штоб не хуже было, чем на кладбище. И — никаких гвоздей!

...Желтый дом, желтый державный орел двухголовый, желтые шнуры и пуговицы, желтая кружка, желтый графин, желтые лица...

Этот цвет очень украшал полицейскую контору!

«А што прикажете делать? Каким манером выкручиваться, коли начальство за жабры хватило железной хваткою?» — думал полицеймейстер, направляясь в тюремный замок, за речку Ушаковку.

Коляска тащилась по грязи, переваливаясь, увязая по ступицы, выдавливая на обочины густо замешанные жирные лепехи. И пара гнедых — позабывшие себя рысак — уже не форсели, уже не косили фиолетовым глазом на то и дело измелькивающий клут, не обращали чуткого уха к разбойному кучерскому посвисту. И хоть было в этой вязкой натуре — на что злобиться, браниться, плевать, — однако вкупе и совершенно естественным образом окружающий пейзаж напоминал Павлу Петровичу былую дремотную тишину старого губернского города с его сытым благочинием, сонным послеобеденным пканьем, размеренностью, строгостью нравов и, следовательно, с должным порядком: всему и всем свое время и место. Да и само время, казалось, лишь до определенных пор шло в нерысистой упряжке. Старое доброе время! От Рождества к Пасхе и Благовещенью, потом — к

* По какой дороге мы поедем? (фр.)

** ...мы высоко оцениваем патриотизм народа! (фр.)

Николе-чудотворцу, к Ильину дню. В августе - Успенье, за ним - Покров, а там и до нового Рождества рукой подать. Все спокойно, гладко, дедами заведено. И нашто лошадей напонуживать, нахлестывать? Великой империи, как считал Павел Петрович, медленная езда подобает. Медленная - следовательно, величавая, а колн величавая - значит, верная.

В древних полицейских анналах местного производства, заляпанных сургучом, чернилами и кашей, Павел Петрович читывал однажды о предприятии, которое учинила благословенная дочь Петрова - императрица Елизавета. Взойди на престол, она отравила на Камчатку штаб-фурьера Шахурова, дабы тот привез к ней в услужение тамошних пригожих девок. Императрицын посланник только через шесть лет (!) достиг на обратном пути Иркутска, а до столицы оставалось еще шесть тысяч верст. Долог сей путь, так что ж с того? Долго - и слава богу, лошади и девки целее будут. А годом раньше, годом позже - в этом ли счастье? Был бы ф а к т н а л и ц о!

Будь на то воля Павла Петровича, он вообще запретил бы всякое движение: улошний людход, смену времен года, полет мыслей. И буде так - уж тогда неоткуда было бы взяться дерзким прожектам, волнениям нервическим, вредным направлениям умов, разным якобинствам и прочим французским штучкам. Последние вольности Павел Петрович бранил особенно ревностно. Он частенько называл отечественных бродяжек «шерамьжниками», производя еще наименование от слов «шерами» («дорогой друг»), с коими бывшие наполеоновские гренадеры шныряли по России и предлагали свои услуги в качестве гувернеров, учителей новомодных танцев и французского языка. Справедливости ради отметим, что сами люди редко вызывали в Павле Петровиче желание хватать и не пущать; ненавистными для него были и деи, хотя и допускалось при этом, что творцы идей могли быть личностями вполне симпатичными; идеи же разрушают раз и навсегда установленный порядок, что было опасным и прежде, и ныне, на шестнадцатом году девятнадцатого столетия.

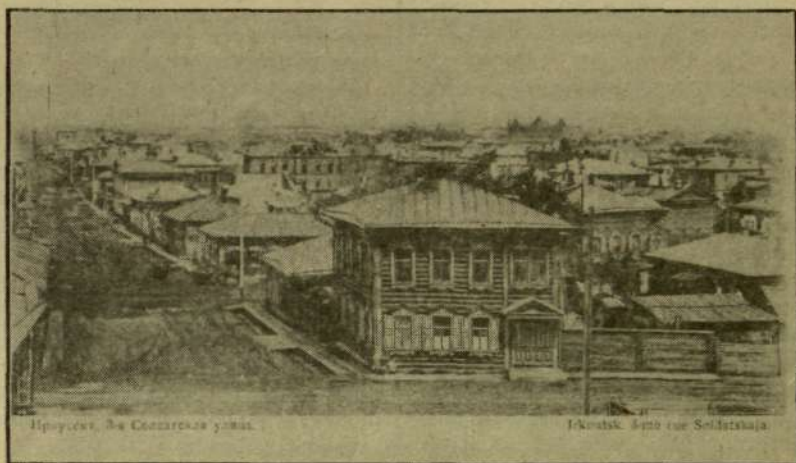
В появлении причин своего беспокойства Павел Петрович молчаливо винил и Пестеля, и Трескина, и побочное чиновничество, то есть всех тех, чьи, как казалось полицмейстеру, неслучайные и случайные прихоти выводили из равновесия и сбивали с толку охранительную службу порядка. Речь,

конечно же, шла о благоустройстве города. Хлопоты эти, впрочем, начались еще лет семь назад, с указа Александра Первого, гласившего о постройке домов по строжайше утвержденным стандартам...

Медленно, тихой ступою, сообразно с великими верстами империи подвигался тот александровский указ встечь солнцу, а вместе с ним двигалась и исполнительная телега, и когда сия скрипучая колесница достигла прибайкальской глухомани - уже миновали годы и годы. Но ведь достигла же! Достигла. А раз так, значит ссренькое стадо сгрудившихся в беспорядке городских построек незамедлительно пуждалось в ранжировке - под

стихнут, мало ли чего можно на бумагах изображать? Она все стерпит, но то она и бумага...

И даже полицмейстер - первейший в городе блюститель законности - ни наминг не озаботился, когда обнаружил, что его новая, недавно выстроенная хоромина оказалась сажени на три выступающей за линию соседних домов. А пуцай стоит! Клеть домовая из лиственных кражей срублена, брениа стругом выправлены одно к одному, кровельная драпка, словно пенка кружавчатая, нащипана. Не изба - игрушечка. К божьему храму передом расположилась, к полицейскому участку - задом. Все чини чинно. Пуцай стоит без поправлений!

линеечку, пошточке, чтоб ни-ни, чтоб улицы стали пронзительными и стремительными, как свист бича.

Ну, ладно! Поставили тогда вешки. Домовладельцам объявили под роспись о том, чтобы они к указанному сроку перестроили свои владения и заборы согласно новой планировке.

Обыватели осклабились:

- Эва, как приеничило! Поди-кося, перестрой, ежели поддома будет тут, а поддома - тама, за шточкой! Рази што располовинься наскрозь, а?

- Ох, не вякай, сосед. У меня и вовсе хуже. Я вот со своей законной супружницею вроде как на одной кровати расположен, а по ихнему земельному плану выходит - вроде как на разных улицах. Как мне понимать?

- А так и пошмай, старый мерин, што мы с тобою беспрерменно махнуться должны: я тебе поддома, а ты мне - бабу свою.

- Накося - выкуси, милостивый государи!

Смех и грех... Впрочем, имелось к тому же и обыкновенное суждение: мол, пошумят градоправители да и

и потому-то поправление города двигалось черепанкой.

А с полицмейстера спрое особый. - Нарушений установленных не потерплю! - с суховатой жесточью в голосе объявил нынче Трескин. - Тем паче, бездействия полицейских властей.

- Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, - робко произнес Павел Петрович, - владельцы означенных вешками городских строений супротивничают установлениям и выкобениваются, яко якобинцы.

Губернатор шутки не принял: - Неглубоко каламбурите, сударь. При чем тут французская революция?

- Да вот, извольте видеть... владельцы означенных...

- А вы без них обойдитесь, без владельцев.

- Слушаюсь. Каким манером прика-

жете обойтись?

- Послушайте, Павел Петрович, проникновенно сказал Трескин, оглаживая спящего кота на коленях, - для какой надобности у вас на плечах голова устроена? И есть ли она в наличии как таковая?

- Так точно есть, ваше превосходительство!

- Что значит есть? Есть в смысле имеется? Или есть в смысле кушать?

- И кушать тоже.

- Да-е, - потянул губернатор проникновенно. - И еще в свисток свистеть, если не ошибаюсь. Однако, доложу я вам, кроме всего прочего головой еще и думать надобно, милостивый государь. Вот вы и думайте, как выправлять город.

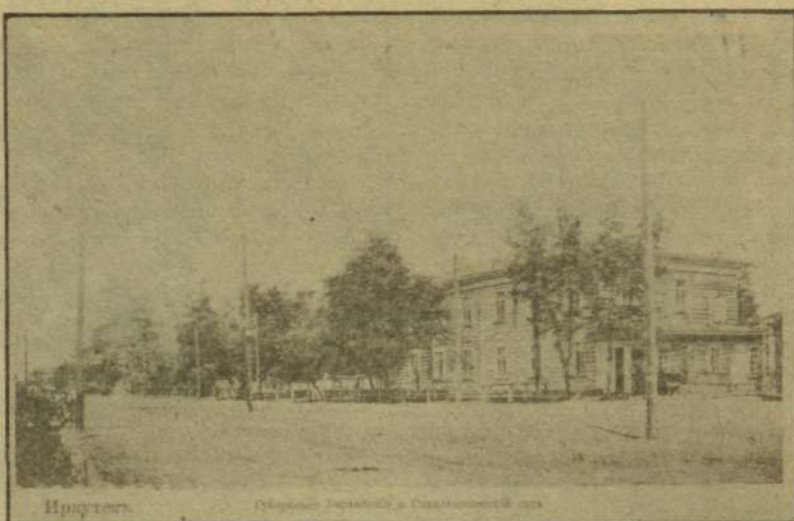
«Учат все! Уже и бабка моя помещала, - с обидой подумал Павел Петрович, и голова его инстинктивно юркнула в плечи, как гвоздик под точным ударом - по самую шляпку. - Воля, у ихнего Баренка небось времени прорва, так и учил бы его мышей ловить или бумаги лапой поднимать. А у меня того времени нету. Три дня сроку, гляди-ка ты...»

Поднимейстер метнул на кота сердитый взгляд из-под бровей, кот растопырившись, зашипел, спину коромыслом выгнул, подбежал этаким.

- Ступайте вы, любезнейший, - сказал Трескин. - Вы мучаете мою мигрень своим несообразительным образованием. И не стыдно вам? Вы, глядите, даже домашняя животная начинает дичать в вашем присутствии. Ступайте же да помните: два дня - и никаких гвоздей!

Охнул поднимейстер, а что делать? Где искать толковых работников, чтобы в столь короткий срок улицы выправлять, домишки причесать топорами и шилами? Околошны, городовые, станковые приставы? Гиблое дело. Обалдуй все, шлотинского инструмента шухом не шухали, только жрать да свистать гордыды...

И тогда, после тягостного оха, неожиданно вспомнил Павел Петрович давнего знакомого своего - Гуцу, лихого парня, коего пару лет назад самолично препровождал к мастеру запечных дел для лобного клеймения позорным словом «ВОРЪ». Гуца подсобит! Гуца все может! Только где он сейчас, этот Гуца? Дай господь, чтобы вор снова попался на лихом промысле: башку кому проломил, что ли...

еще приятен, коли уж в сей момент бока обтирает и застенке.

И поскакал поднимейстер за речку Ушаковку, в тюремный замок - вора искать.

...Глухо дзыгнула пружина - и тяжелая старая дверь, обитая листовою медью, зашкала изахлеб, как будто тюремная камера торопилась всосать в себя побольше свежего воздуха.

- Эй, который тут Гуца? Подмайсь!

Надзиратель посторонился, уступая дорогу поднимейстеру, и кивнул в полутемный угол:

- Не сей ли шкилет, ваше высочордние?

Шкилет сидел на корточках, дико вращал глазами и тренькал пальцами по выпирающим ребрам, точно в баладачку игрался.

Поднимейстер прищурился, потом, подойдя, ловко ухватил арестанта за чуприну и оголил лоб, на котором мясистыми рубчиками так и выветилось багрово: ВОРЪ.

- Гуца, - умилению сказал Павел Петрович. - Гуценька! Ну, здравствуй, мой миленький! - И с отяжечкой вытянул камерника по зубам - от великой своей радости и полного чувства.

- Ой, - сказал Гуца равнодушно, скорее по привычке, нежели от боли.

- Гляди-кося, заговорил! - подмигнул надзиратель. - А то вить ровно неделю сидит, язык протолотил. Я уж думал, што всамделе поведурок какой...

- Ступай, ступай, - перебил его поднимейстер. - Да дверь потуже затвори, покуда я со своим стародавним приятелем буду приятные разговоры разговаривать. Цыть, отседа, мокрица тюремная!

Надзиратель растворился в коридоре.

дормон темени. Гуца же тоскливо подумал о том, что знакомое ему тихое благородие Павел Петрович вот и сюда, за семь запоров до него добрался и, стало быть, не миновать за украденную корову рванных поздрей или еще какого-либо дранья. А поднимейстер между тем воззрился на Гуцу. Глядел если и не так, как баран на новые ворота, то, скажем, как пастух на нового барана - это уж наверняка: вот он, спаситель! здоровенный мужичина лет сорока, каждый кулачок - с голову, а голова - господи Исусе! - хоть просят об доб бей... что, кстати, и проделывал Гуца не единожды на потребу охотей до потехи и озорства базарной публики.

- Похудел ты, Гуценька, - посочувствовал Павел Петрович.

- Дак вить кормля-то какова? Шибко худая.

- А место проживания каково? Не задует ли? Не текет ли чего такое в смысле тигисны?

- В смысле тигисны, конечно, не фатерия. Но жить можно.

- Ладно, милоч, садись рядом, поговорим ладком...

Сели, поговорили.

А распространялись - чуть ли не по родственному, в оханочку.

- Ну, гляди, Гуца, - сказал напоследок Павел Петрович, - уж ты для меня расстарайся, паренек, а я отблагодарю. За мной, ты знаешь, никогда дело не скиснет.

- Знамо дело, ваше благородие, не скиснет. Спасибочко вам за визиту.

- Э-э, спасибочко в чарку не палишь. Прощай до завтра.

Гуца не подвел. Едва затешился первый солнечный луч, едва принялся он росники перебирать и припекать вершинки окрестных сопок аппетит-

ной яблочно-розовой корочкой, - Гуца выстроил для смотра на Сенном базаре изысканных работников, целую команду. Сам он был в пресловутом расположении духа, рубаха в поясе, на щеках рыжая хвойка, в которой уж начали забраживать лохмотки кислой капусты, омоченные спиртом-сырцом. Гуца весело покрикивал, задавал работникам инструкцию, преподанную накануне полицеймейстером.

- И штоб никаких гвоздей, ребяташки! Тока ины и топоры в нашем деле горюхи! Да ишо этот...как его?... перпендикуль. Понятно говорю, голожопники?

- Забигаеши, начальник! - загомонили арестанты, бродяги, шалтайболтан базарные, гуцники работники, без труда изысканные. - Мы этак не подрыжались, с кулем-то! Кто таков?

- Сие свинец, - пояснил Гуца. - Виент на шурке с верху до низу и кажет, сколь чего и отседа лишнего отрубать. А кто из вас вкривоту допустит, того господин полицмейстер, благодетель наш, самого повесит вниз башкой заместо перпендикуля.

- За што-о-о? - взвыли ребяташки. - За этто самое, - ответил Гуца и показал, за что именно.

Грохнули работники дружелюбным гоготом, проняло их от такой задушевности:

- Приманчиво! Дак вить и мы сами с усами. Все как един: ребята-ежки, засапожны ножки! Айда, начальник! Да грузило свое свинешное не забудь.

Приступили к благоустройству с Тихвинской улицы, с дома мещанина Осташина, возле которого уже прогуливались две квартальные «держиморды» с безразличными физиономиями, как бы случайно забредшие, а на самом-то деле им было приказано в случае надобности свистками и прочими решительными мерами ограждать гуцнину команду от домовладельцев и их звероподобных кобелей.

Многом оцепили избу. На крышу взгромоздились.

- Сколь отрубасм, господин Гуца?

- Счас, вычислю...Кажись, по перпендикулю будет три сажени с четвертью. Валя, ребяташки!

Самый усердный градоправитель топориком перекрестился:

- Ну, ломать не строить, пупок не развяжется. Помози, мати-владычице!

И первый топор с хрустом впился в деревянное узорочье.

...К полудню, когда гуцнина команда уже далеко позади оставила выправленный дом Осташина, на полицмей-

ской двуколке привезли еду, выпивку и закуску уважительную - пироги с зайчатинной и луком.

И сам Павел Петрович пожаловал.

- Каково, - спросил, - справляетесь, господа разбойнички?

- По перпендикулю, ваше благородие, - отвечивал Гуца. - И при этто никаких гвоздей в наличности не предвидится. Вот как!

- Вижу. Одобряю. А шерамыжники твои каковы?

- О-о-о! - воскликнул Гуца. - Все, как один, таланы. К рукомесду шишко способные. Тока што не обучены. Да вы не сумлевайтесь, к вечеру наловчатся.

- К завтрему уложитесь?

- Оскорбляете, ваше благородие. К утречку поспеем.

Павел Петрович остался весьма доволен таким ответом. «Полицию с постов надобно снять, - подумал он, - дабы гуцниных молодцов не смущать понапрасну. И можно спать спокойно!»

Так и сделал - и спокойно спал в ту ночь. А в сновидениях весело вжикали пшны, люкали топоры, ухали ломы, корчились в пыли все обидчики с Трескиным во главе; и французские якобинцы с шеромыжниками дружно топтали на Кудыкину гору, за Ушакову, где насели отечественные Макары; а государь-батюшка целая к мундиру Павла Петровича орден святой Анны с присовокуплением монархического поцелуя и наградного червонца; и столичные актеры ангельскими голосами рапевали: «Мы ребята-ежки...» и осыпали полицмейстера розами, и сие шаловство было весьма почетно и щекотно; Павел Петрович, желая произнесть одобрительное «браво», набрал в грудь воздуха враз три-четыре порции и вдруг гавкнул совершенно по-собачьи: «Брр-ав!»

И - проснулся.

Лицо его было осыпано опилками, сеявшимися сверху, из огромной дыры в потолке, а в дыре той виднелись следующие предметы: утреннее, туго взбитое облачко и гуцнина розовая роза.

Ахнул Павел Петрович. Вылетел вмиг на улицу в самом что ни на есть преподном обмундировании.

- Ворррр! За-по-ррр-рю-ю!

И захрипел, голоса лихвились. А на казенном лице его пузырились обещательные ужасом глаза.

«О господи, господи! Заставь дурака богу молиться...»

Гуца, наблюдая, как полицмейстер из всех сил удерживает под рубахой сердце, намеренное выскочить

наружу, - вздохнул и перекрестился:

- Никак, отсвистелся, родимый...

К пеходу для губернатора Трескин принял оклемавшегося полицмейстера для доклада и похвалил за расторопность и находчивость.

- А этот...как его?

- Вор Гуца! - отчеканил Павел Петрович.

- Да, да, именно Гуца. Какая славная русская кличка. Патриот! Отблагодарить немедля! Надежный человек не может быть вором!

- Слушаюсь, ваше превосходительство.

...Вдребезги пьяного Гуцу почтительно вывели из камеры, сопроводили в подвал и аккуратно расположили на «кобыле». Рот тряпкой заткнули, чтобы клиент тишину соблюдал и кадыком не шишко дергал. Потом полицмейстер ласково погладил Гуцу по голове, откинул чуприну на сторону - и в тот же миг тюремный палач шмякнул на гуцниному лбу раскаленной стальной штамповкой.

Дико взвыл Гуца, сладко запахло паленным мясом. Павел Петрович отступил на шаг от «кобылы» и удовлетворенно вытер о штаны взопревшие ладони.

- Вот и все, Гушенька. Спасибо тебе, друг сердешный. А за мной, как видишь, дело не екнуло...

На лбу бедного градоправителя вскипело: НЕ ВОРЪ.

- Да быть такого не может! - восклицает нескученный читатель. - Уж елишком все это глупо, чтобы так было на самом деле.

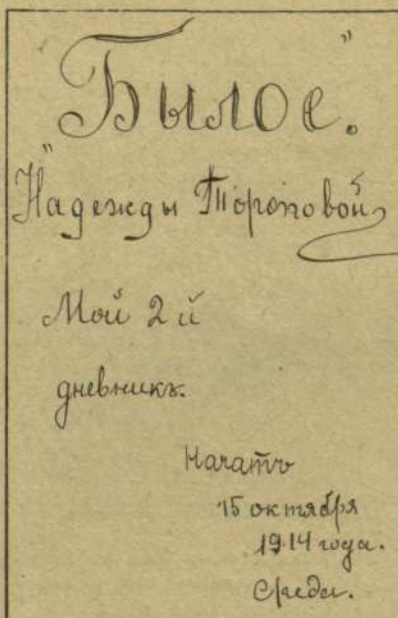
А почему - не может? Именно так все и было. На исходе XVIII века петербургский обер-полицеймейстер Татищев предложил выжигать перед воровским клеймом беззвонно пострадавших людей отрицательную частичку «НЕ» - как знак оправдания, извинения и полной благонадежности человека, ставшего жертвою судебной ошибки. Учитывая огромные расстояния и медленные скорости, вполне допустимо, что столичное новшество до Иркутска с некоторым опозданием. Но - докатилось! И было принято к безукоризненному исполнению. А что годом раньше, годом позже (в согласии с мнением Павла Петровича) - так в этто ли счастье? Важен ф а к т н а л и ц о.

Вот так-то, милостивые государи мои...

Тетрадка, так похожая на современную нам «общую в линейку», заполнена три четверти века назад. «БЫЛОЕ», – вывела на ее обложке 15-летняя гимназистка Надежда Торопова в среду, 15 октября 1914 года... Чуть ниже приписала: «Мой 2-й дневник».

Этот документ так не похож на традиционные «исторически значимые» бумаги! Страницы дневника, заполненные чернильной гимназической вязью с традиционными «ерами» и «ятями», передают сквозь складки времени специфический вкус и дух начала века: и предки наши «были молодыми, и чушь прекрасную несли». ... И почему-то особо притягателен мир дум и чувств девочки, не отягощенный опытом сделанных ошибок – жизнь только начинается, ошибки еще впереди.

Фрагменты из упомянутого дневника, хранящегося в собрании томского краеведа В.П.Домаевского, «Сибирская старина» предоставляет любознательному читателю на предмет знакомства.

ха, небо, зелень, дуга... Слышно даже щебетанье птичек...

Вот и Томск. Вокзал, сутолока... Наконец усаживаемся и едем к бабушке. Приехали... Шумная встреча. Наперыв перебиваем друг друга. Оказалось, что дедушка с Ленею поехали встречать нас, но мы разъехались. Скоро они возвращаются. Обедаем. Рассказываем накопившиеся новости. Разбираю вещи и раздаю подарки и гостинцы. Остаток дня проходит быстро, незаметно. Вечером не хочется спать. Занимаюсь рассматриванием окрестностей. А правда, есть на что посмотреть! Дом стоит на берегу реки. Кругом по горам разбросан город. В поэтическом беспорядке громоздятся друг на друга многоэтажные дома.

Окна гостиной высокого бабушкиного дома выходят на реку, так же как и балкон-фонарь, который висит почти

ДНЕВНИК ГИМНАЗИСТКИ

Что ждало меня дома? Уроки, занятия без конца... Длинный ряд серых, обыденных дней не стоит внимания. Не хочется об этом вспоминать теперь, когда все в душе моей ликует и трепещет от избытка свободы, радости, бесконечно-шумного потока веселья... После надоевшей до приторности гимназии так приятно каждый миг сознавать, что наступил продолжительный отдых...

В е с е н я, дивная покровительница просыпающейся природы, любви, всего светлого и сказочно прекрасного... Ничего я не проследила ее вполне, может быть, в первый раз, эту чарующую фею крылатой Надежды... До 5 мая было какое-то сиюминутное весеннее безумие. Целые вечера проводили мы-подруги своей теплой компанией. Смеялись, шутили, придумывали, беспечно чему-то радуясь...

Вот и день моего отъезда. Вот милые «девочки», такие веселые, юные, наивные, шумной толпой провожали

меня на вокзал. Мамочка, родные, знакомые тоже. Хорошо заняли места в 1 классе и... тронулись... Первый раз еду только с Шурikom и горничной. Одна... Самостоятельно...

«7 - семиклассница». Это звучит так заманчиво... Теперь я помещу мои краткие записки, которые бесхитростно и просто расскажут о моих весне и лете 1915 года.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ «МАЛЕНЬКОЙ ПЛУТОВКИ»

Душный полдень, но в вагоне прохладно благодаря сильному, свежему ветеру, вырывающемуся свободно в открытые окна узкого коридора. Через 2 часа я в Томске. Сколько разнообразных волнующих предложений... Соседи по вагону совсем не интересуют – слишком уж они стары и обыденны. (Кстати, та шумная компания офицеров, которую видели все мы в Кургане на вокзале, сошли с поезда в ту же ночь, в Омске должно быть, и я их совсем не видела.) Думаю и о К., и о Томске, куда сейчас должна приехать. Стою у открытого окна в коридоре. Быстро, быстро мелькают цветы (ах, сколько их!), распустившаяся черему-

над самой водой. На ближайшей калячке бьет 12 часов. Но... спать решительно не могу. Сегодня праздник. По реке то и дело скользят лодки, украшенные разноцветными фонариками и несущие вниз по течению шумные компании веселящихся людей.

...«По озеру быстрая чайка летит, ей много простора, ей много свободы, луч солнца у чайки крыло серебрит...» – раздается с реки приятный, сильный мужской голос. В открытое окно балкона, на котором я сижу в чепчике и халате, прекрасно видна парочка внизу на дамбе, окружающей дом. До меня доносятся их нежный шепот, изредка отдельные слова: «хорошо... там, вдали, направо... чудная ночь...» Я с ними вполне согласна, хотя сижу совершенно одна, все спят. Наблюдаю дальше. Вот появляется неожиданно какой-то таинственный черный плащ. Спустился, противный, не вовремя нежную парочку, и она скрылась за углом. Я нехотя закрываю окно и ложусь спать.

До обеда, с самого утра, проходили с Лелечкой по магазинам. Нашла о-деколлон «Мон веге», который так давно хотела иметь. Так много новых, незна-

комых лиц. Почему-то все штатские, штатские... военных очень мало. Устала страшно. Наконец-то дома. После обеда отдыхаю. Сидим у открытых окон двух противоположных домов (в 3 этажа) я и он... студент, который занимает комнату как раз напротив. Я что-то пишу, он кормит крошками воробьев, которые прыгают далеко внизу, под его окном. Удивленными взглядами окидываем друг друга. Приятно, должно быть, что в комнате, где зимой жила какая-то старуха, обитает существо более интересное. Мне кажется, он не менее удивлен: откуда издалась я так неожиданно - довольно необычное явление в тихой квартире стариков.

Я исподтишка наблюдаю за неожиданным соседом. Берет книгу и делает вид, что читает, но... читает ли?

«Надоша! Дусинька!!!»

Да, я действительно замечталась! Меня зовут пить чай, вероятно. Иду. Ну конечно же! Рассеянно мешаю ложкой чай и так же рассеянно гляжу в окно. Виден соседний дом с одиноко открытым окном. Невольно взгляд мой падает туда. Ах!! Какой хорошенький и опять-таки студент - форменная тужурка. Что он делает? Читает письма, кажется... рядом тетрадка в клеенчатом черном переплете. Не знаю почему, но мне кажется, что это - дневник этого молодого, интересного человека. Он и письма вынул из тетрадки. Но что это? Неужели?... Нет, я не ошиблась... Он... плачет... (как редко приходится видеть мужские слезы). Вероятно, чтение этих писем навесело такие грустные воспоминания. Чем объяснить иначе? Он один в комнате. Занавеска задернута, но не совсем, и мне все прекрасно видно... Чай остыл. Все давно напились и ушли из столовой. Во время моих наблюдений никого не было в комнате.

Опять вечер. Это уже второй вечер моего пребывания в Томске. Спужу опять у того окна в зале, где увидела студента N 1. Он, видимо, совсем переключался к окну. Стоит стакан чая, лежат папиросы, книги, еще что-то. Рассмотрев все это, обращаю свое внимание на другую сторону. Минут через 20 любопытствую взглянуть, что делает студент. Не отходит от окна, противный! Однако это... Начинаю жалеть, что поставила на свое окно букет огоньков и душистого горошка.

Опять не спится. Иду на балкон. Ах!

Внизу, около самого балкона, стоит какой-то черный плащ (какая масса здесь этих плащей) и смотрит... куда? Вероятно, на таинственную темную реку. Однако, спать давно пора. Ложусь. Но через 10 минут опять вскакиваю. Меня положительно тянет на балкон. Что за чудеса! Опять какой-то темный силуэт. Разглядываю, велосипед и... вероятно его владелец, на той стороне, а на моей - тоже какая-то

Натя Торопова (снимок сделан в апреле 1915 г.)

повая фигура. Кто? Может быть, тот хорошенький, которого я видела сегодня? И о чем он думает?..

Что за бездельник этот студент из противоположного дома! Как не надоеет сидеть целыми днями у окна и кормить крошками птиц? А впрочем... это становится интересным...

... Крышка всемо! Завтра уезжаю в Каменку... Так скоро, так неожиданно... через три дня после приезда сюда. Я надеялась прожить недели полторы, и вот... Спужу немножко огорченная у окна столовой и читаю «Огонек». Окно студента N 2 открыто, но там стоит букет присов, и только...

Целые страницы журнала, который я просматриваю, сплошь заняты портретами раненых и убитых офицеров. Добросовестно ищу Константина Коренко, Андрея и «Зиночку». Нет, слава Богу. Поднимаю почему-то глаза на соседнее окно и... вижу, чувствую на себе пристальный, печальный взгляд таинственного незнакомца N 2. Но теперь... не все ли равно... Ведь завтра в 4 часа я уезжаю.

Лошади поданы... Выхожу совсем готовая к подъезду с букетом весенних цветов. Усаживаюсь. оба незнакомца - и 1-й, и 2-й - провожают меня - взглядами, конечно - и каждый из своего окна. Кивают на прощанье...

Отвечаю поднятым высоко букетом.

До свидания, незнакомцы, так и оставшиеся для меня таинственными!..

Поворот... Ни того, ни другого больше не видно.

Скоро пароходная пристань.

Прощай, милый Томск!..

Большой Обский пароход «Горный инженер Воронцов» медленно отчаливает от пристани «Соединенной Компании». Стою на палубе. Прощаюсь с провожающими, а когда их уже становится не видно, иду на корму парохода и долго-долго смотрю на оставшийся вдали шумный Т-к.

Наконец город скрылся из виду. Занимаюсь рассматриванием окружающих пассажиров. Недалеко от меня целое трио каких-то франтоватых господ в светлых костюмах. Сразу видно, что отчаянные дон-Жуаны. С другой стороны совсем молодой студент - верно, только что поступил в университет и облекся в новую форму. Замечаю, что глаза у него очень глубокие и томные. Мимо прошли пестро одетые, нагримированные дамы... Стоять надоело - иду в рубку. Интересных лиц нет. Ужинаю, запираюсь в каюте и до вечера никуда не выхожу.

Утром чай в рубке. До обеда почти все время на палубе. Давно проехали Томь и едем по мутным, желтоватым водам широко разлившейся Оби. На носу парохода мне нравится больше всего. Там очень ветренно, но я не обращаю на это внимания и, закутавшись в накидку, пристально смотрю в даль. Не всегда, впрочем, пристально - это как-то не удается, когда рядом стоит кто-нибудь вроде студента с томными глазами. После обеда спужу в каюте и наблюдаю следующую сцену: недалеко от моего окна вчерашние дон-Жуаны в компании слегка подгримированной дамы усердно угощаются... морковью. Откуда достали они такой деликатес? Это скоро выяснилось: вытаскивали половину из ведра овощей, которое мы везли привязанным к решетке палубы. Хороши джен-

тьмёны, нечего сказать!

В 6 часов вечера - Ново-Николаевск. Осталось ехать часа полтора. Недалеко от Н.-Н. на маленькой пристани села на пароход сумасшедшая. Эта молодая девушка ехала почему-то без провожатых, свободно разгуливая по палубам и производя жуткое, неприятное впечатление.

Вот и Ново-Николаевск. Пароход стоит целые сутки. Иду вечером в город в компании барышни, с которой я только что познакомилась, но которую давно знает Леля. Город противный, очень не понравился. Возвращаемся часов в 9 вечера. Засыпаю сегодня очень скоро.

Утром какой-то непонятный шум мешает спать. Сквозь сон соображаю, что это размещаются по каютам новые пассажиры, севшие взамен надоевших старых, которые покинули пароход в Ново-Николаевске.

Встаю довольно поздно. Быстро одеваюсь и иду по обыкновению пить чай в рубку, но в дверях неожиданно сталкиваюсь с горничной, которая сообщает мне, что пароход переполнен пленными австрийцами (более 80 ч.). Они заняли не только все проходы и переходы, но и обе рубки. Вот еще новость! И такая неприятная... И так надоели проклятые австрийцы. Теснись из-за них в каютах, в рубку войти нельзя. У... Скверные!!! Ненавижу их!

Делать нечего - пью чай уже в каюте и иду на палубу. Серые шинели поминутно мелькают то там, то здесь, вертятся, появляются и исчезают, выводят из терпения...

Из-за них не хочется быть на палубе. Но уж не променяю я чудного воздуха, полного ароматами нежной весны, на душную каюту. Ни за что!!!

Наконец-то вечер. Прелестно, я рада. В темноте не так заметны ненавидимые мундиры пленников. Мы с Марусей Симашко (моя новая знакомая) идём на палубу. Я беру неизменную свою накидку, она тоже что-то - и идём.

В коридоре теснота благодаря пленным. Сегодня это особенно заметно. Однако дошли благополучно почти до конца коридора и вдруг... предательская накидка падает на пол, какой-то офицер-австриец бросается за ней в погоню и, поймав, подает мне. Я бормочу что-то невнятное, и обе с Марусей спешим скрыться. На палубе совсем темно. Бодрящий весенний воздух и чудная свежесть воды заставляют забыть неприятное. Болтая весело и непринужденно, разгуливаем мы по

палубе. Решаем между прочим, что австрийцы, пишущие что-то у письменного стола в рубке, снимают планы окрестностей. Проходим мимо. Неясно доносятся слабые звуки разбитого рояля. Еще дальше какая-то сомнительного вида m-lle занимает полным разговором двух австрийцев, а у тех от удовольствия рот до ушей. Фи! Гадость... Скорее дальше, дальше...

Вот повернули на другую сторону палубы. С опасностью быть прожженными, садимся на лавочку, которую нескры из пароходной трубы осыпают поминутно. На предупреждение какого-то пожилого пассажира - нуль внимания. Немного жутко, но интересно... Однако скоро Маруся вскрикивает - на нее попала-таки нескра. Я вовсе не хочу подвергаться такой же участи и потому - ухаживаю. Бродя по палубе, делимся впечатлениями, смеем друг друга. В конце концов я торжественно бросаю в воду букет «томских огоньков» и расходимся по каютам. Что так скоро? Иначе нельзя, и так уже поздно, а завтра в 5 утра - Камень, цель моего путешествия.

Штрихи

Надежда ТОРОПОВА

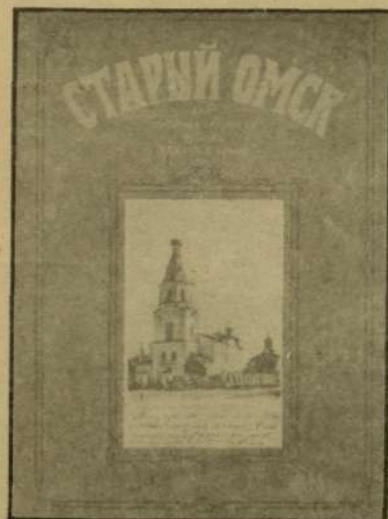
Надежда Торопова - впоследствии Надежда Александровна Невская - более 30 лет проработала на сцене томского театра.

Первые шаги на сцене она сделала в спектаклях И.Г. Калабухова и А.Д. Попова, была партнершей Алексея Дмитриевича во многих спектаклях в сезоне 1920/21 г: Лишци («Потоп» Г.Бергера), Малютка («Сверчок на печи» по Диккенсу). Последние годы жизни актрисы связаны с Томским театром кукол. Умерла в середине 70-х годов.

В.СУЗДАЛЬСКИЙ.

Фото из архива В.Суздальского.

ОКНО В МИНУВШЕЕ

Так назвали почтовую открытку авторы издания «Старый Омск» краеведы И. Девятьярова и В. Селюк. Листовой пакет репродукций выпущен недавно Омским книжным издательством совместно с картографической фабрикой. Набор тонированных, исполненных в натуральную величину открыток задуман как подарок к 275-летию города на Иртыше.

Краеведческая фотолетопись Сибири сегодня одно из любимых направлений издательской практики. Нам, томичам, приятно, что омичи заимствовали опыт альбома «Прогулка по старому Томску». Даже виньетки о том свидетельствуют. Конечно, 24 листа (48 репродукций) в

обложке – супере – это не книга-альбом, как у нас, есть в издании омичей и текстовой разноречивой. Однако не станем придирались: коллеги приятное землякам сделали. Немаленький тираж двадцать тысяч экземпляров, даже цена щадящая – всего десять рублей.

Возвратившись из командировки, охотно рекламирую омское издание. «Глядите, на одной открытке – фотография здания по проекту томского архитектора А. Д. Крячкова. Знай наших!»

И в это время с нежностью думаешь о Томске, о томичах. Все-таки греющее это чувство – МЕСТНЫЙ ПАТРИОТИЗМ.

В. ВЕШНЯКОВ.

Возвращаясь к публикации

«ОДИН ЧАС В ЖИЗНИ ГЕОЛОГА»

Эта статья об Иннокентии Павловиче Толмачеве, ученом с мировым именем, незаслуженно забытом в родной стране, опубликованная в третьем выпуске нашего альманаха, привлекла внимание читателей. В одном из обращений в редакцию было высказано сожаление о том, что под фотографиями, иллюстрирующими текст, нет подписей.

Мы рады, что эта публикация вызвала к себе интерес, и готовы удовлетворить читательскую любознательность.

Портрет И. П. Толмачева, опубликованный на стр. 7, сделан в

1917 году в Петрограде.

На стр. 8 изображена первая буровая установка в Нордвике (фото 1934 года) и участники Хатангской экспедиции 1905 года (третий слева – топограф М. Я. Кожевников, стоит астроном О. О. Баклунд, второй справа – И. П. Толмачев).

На стр. 10 вверху – семья академика А. П. Карпинского (стоит третий справа) на даче под Петербургом, второй слева с сыном Павлом на руках – И. П. Толмачев (фото 1902 года), внизу – Е. А. Толмачева – Карпинская, сын Павел, И. П. Толмачев с сыном Александром (фото 1904 года).

Штрихи

КАК ТОМСК ЧУТЬ БЫЛО НЕ ЗАИМЕЛ СВОЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

Порой, когда копаешься в архивах, попадаются материалы совсем, что называется, не по теме, которая тебя интересует. Но материалы любопытнейшие. В них – кроме чистой информации – есть дух времени, приметы утраченного стиля жизни, взаимоотношений. Так, мелкие штрихи, однако совсем не лишние для полноты картины.

В июне 1918 года состоялось заседание правления Томского Общества Любителей Художеств и художников, состоящих членами общества. Фраза про то, что «когда говорят пушки – музы молчат», давно стала небесспорной. Так что не само по себе собрание людей искусства в это суровое время остановило мое внимание. К тому же многие надеялись, что советская власть, успешно свергнутая в Сибири, останется лишь страшным воспоминанием. Интересно другое, а именно: зачем собралось правление.

Цитирую: «Заседание было созвано Правлением по инициативе группы ху-

дожников по вопросу об учреждении в Томске художественного училища и об отношении к открытой в период царствования большевиков Художественной академии. Заседание было созвано 14-го июня и последовательно продолжалось в течение 3 раз».

Три дня художники И. А. Беляев, О. Ф. Виноградова, Е. Г. Мако-Тюменцева и другие обсуждают вопрос с академией. Три дня законопослушные интеллигентные люди сопоставляют аргументы за и против, ищут убедительные доводы против легкомысленного комиссарского решения, произведенного одним росчерком пера, как это было тогда принято. Наконец художники приходят к заключению:

«1. Академия в том виде, как она предполагалась к осуществлению, существовать не должна, ибо она далека от народа, требует чрезмерных затрат, тогда как не имело средств выплатить жалованья народным учителям».

2. Создание в Томске, как умственном центре Сибири, высшего художественно-

го училища необходимо, но несвоевременно, ибо в Сибири не только нет среднего художественного училища, но нет достаточно хорошо поставленного и низшего художественного образования, а потому постановили:

3. При выработке Положения придерживаться Устава Школы Живописи и Ваяния, выработанного Томским Обществом Любителей Художеств и единогласно принятому Томской Городской Думой».

Что ж, разошлись художники, видимо, с чувством обретенной жизненной реальности. Обретенной к сожалению, ненадолго. Через полтора года вернутся наши краснозвездные романтики, а чуть позже сложат о себе песню со словами «в своих дерзаниях всегда мы правы».

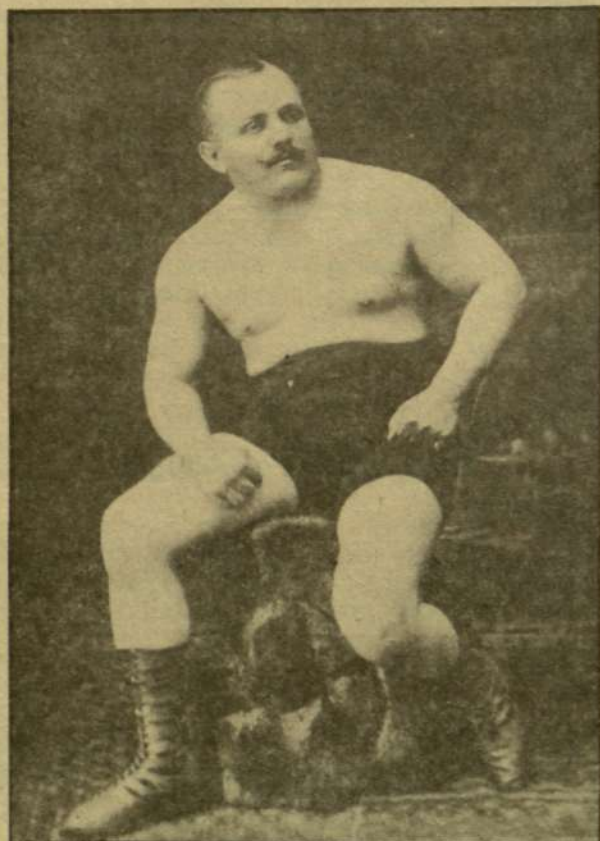
Владимир КРЮКОВ.

«... ЖИЗНЬ ЕСТЬ БОРЬБА!»

Из истории одного чемпионата (Томск, 1910 год)

«Арбузов стоял в той обычной позе профессиональных атлетов, в которой они снимаются всегда на фотографиях, то есть со скрещенными на груди руками и со втянутым в грудь подбородком. Его тело было белее, чем у Ребера, а сложение почти безукоризненное: шея выступала из низкого выреза трико ровным, круглым, мощным стволем, и на ней держалась свободно и легко красивая, рыжеватая, коротко остриженная голова с низким лбом и равнодушными чертами лица. Грудные мышцы, стиснутые сложенными руками, обрисовывались под трико двумя выпуклыми шарами, круглые плечи отличались блеском розового атласа под голубым сиянием электрических фонарей», - так представляет читателям героя своей повести «В цирке» Александр Куприн. Чувствуется, что это написано человеком, глубоко знающим существо предмета. Так оно и было. Александр Иванович Куприн был «своим человеком» в цирке. В молодости он сам занимался силовыми видами спорта, организовывал в Киеве атлетическое общество, часто судил соревнования по борьбе.

Вообще спортивная борьба на рубеже веков была очень популярна в России. Во многих городах проводились чемпионаты. Их иногда пышно называли чемпионатами

мира. (В нашем понимании это, конечно же, были в лучшем случае международные соревнования). Как правило, проведение чемпионата облекалось в форму циркового представления и проходило на арене цирка (стационарного или шапнито), что, вне всякого сомнения, спо-

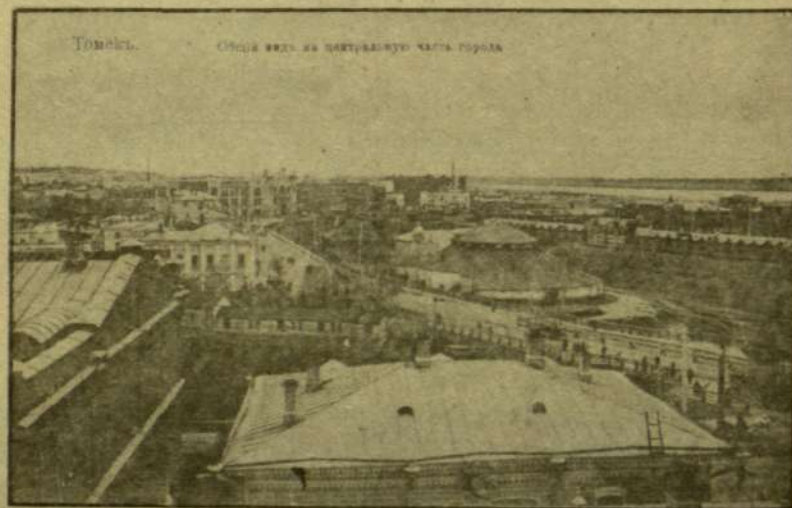
собствовало активному привлечению публики и служило истинной пропагандой спорта.

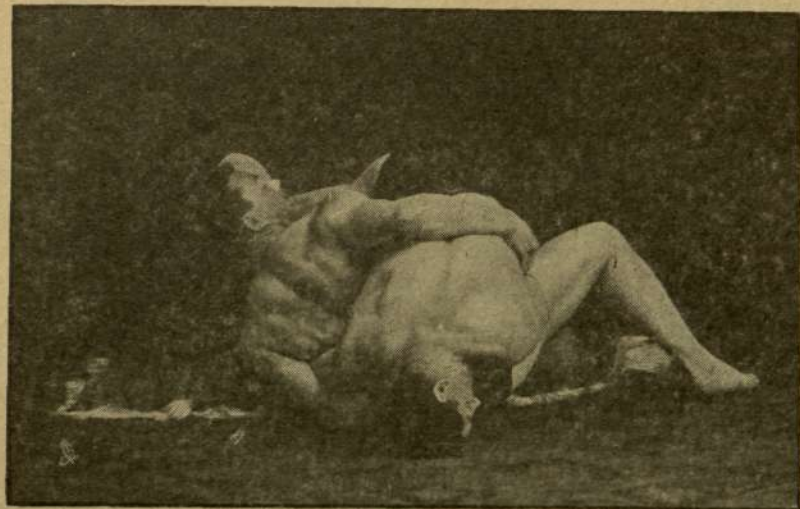
Среди множества старинных «спортивных» открыток наиболее частая тема - борьба. Шаржи, фотографии борцов, репродукции художественных произведений,

снимки с афиш чемпионатов. Есть среди них и открытки, имеющие отношение к Томску.

Мало кто из томичей помнит то время, когда цирк в городе работал круглый год. Уже более 50 лет в Томске нет стационарного здания. В начале века все это было. И чемпионаты по борьбе собирали массу зрителей, отчеты о спортивных перипетиях регулярно публиковали томские газеты. Попадали на их страницы и отзвуки сложной закулисной борьбы, неожиданные, интригующие события течения чемпионатов, которые еще более разжигали интерес к цирковым спортивным баталиям.

14 января 1910 года в цирке Э.А.Стрепетова открылся международный чемпионат французской борьбы. Газеты информировали о его составе: Ридель (Австрия), Бадер (Германия), Кристофер (Болгария), Де Краца (Франция), Дернау (Польша), Али-Ахмет (Турция), Вильсон (Швеция), Мартынов, Ульев, Осипов, Кудряшов (Россия), местный Бутенко - всего более двадцати участников. На первый взгляд состав довольно представительный, но как отнестись к свидетельству журнала «Гер-

кулес» (детищу знаменитого популяризатора атлетического спорта в России Ивана Владимировича Лебедева), что борющийся под псевдонимом «Де Красац» атлет и борец И.Г.Мясоедов был по профессии художник? Он вместе с В.С.Сварогом оформлял журнал. Вероятнее всего, таких «иностранцев» среди участников чемпионата было немало.

Свидетельством популярности соревнований являются многочисленные фотопортреты атлетов, выполненные томскими фотографами в виде открыток. Среди них был и портрет Болеслава Дернау. Пресса и публика относились к нему с особым вниманием и любовью. Его имя чаще других появлялось на страницах газет. Его схватки с противниками подробно комментировались. Например, один из репортеров писал:

«Все присутствующие любовались на изящные приемы Дернау. Нет и помину о тех диких выходках, употребляющихся другими борцами, которые заставляют публику негодовать. Ведет себя спокойно, корректно. Один из самых хладнокровных борцов. Пример другим.»

Много стоит спокойствие и корректность атле-

та в той тяжелой жизни, которую вели профессиональные борцы, зарабатывая средства к существованию. Ведь помимо участия в чемпионатах приходилось выступать с чисто цирковыми номерами (игры с тяжестями), бороться за специальные призы вне рамок чемпионата. Часто им приходилось 2-3 раза в день выходить на арену.

Приемы привлечения

публики, повышения интереса к выступлениям борцов у владельцев цирка были чрезвычайно разнообразны. Об одном таком интригующем повороте в ходе циркового представления писала газета «Сибирские отголоски» в феврале 1910 г. Перед началом встречи (на специальный приз в 50 р.) Дернау и Арендский объявили публике, что бороться не будут в силу

того, что они - друзья детства. Часть публики встретила это известие бурными аплодисментами, другая - оглушительным свистом. Арендский, еще раз обращаясь к публике, сказал: «Если зрители настойчиво требуют борьбы, то *мы* согласны бороться, но это будет не борьба, а комедия». Затем он добавил, что установленную премию оба борца жертвуют в пользу Владимирского приюта. Нужно сказать, что Арендский также пользовался большими симпатиями томичей, и такой «джентльменский» поступок еще более увеличивал популярный образ Дернау и Арендского. Часть публики продолжала неистовство, и борьба состоялась, но Арендский боролся с другим атлетом. Результат встречи - ничья.

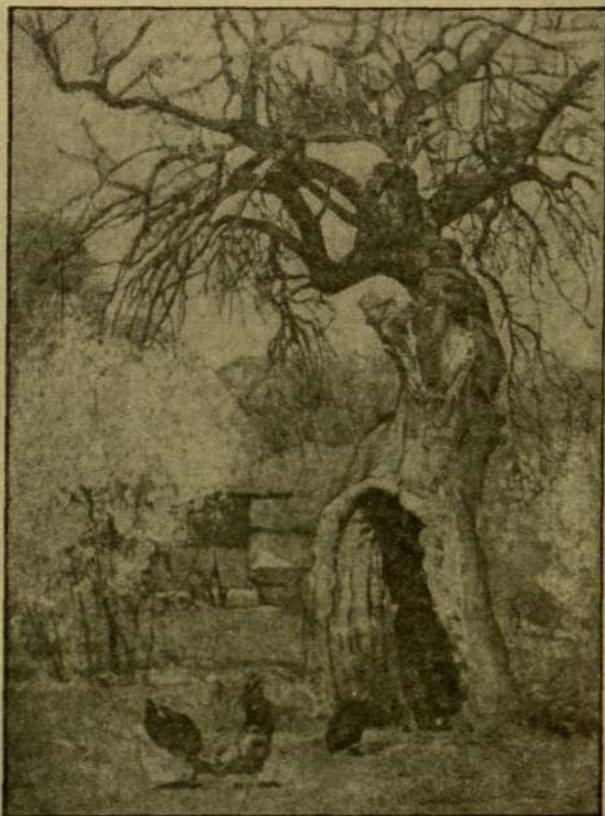
Чемпионат продолжался более двух месяцев. Незадолго до закрытия его состоялся бенефис директора цирка, профессионального дрессировщика Э.А.Стрепетова. Конечно же, в программу бенефиса была включена борьба и, конечно же, с участием любимца публики Болеслава Дернау.

Финал чемпионата состоялся во второй половине марта. Б.Дернау получил третий приз: триста рублей и серебряный жетон.

**Александр
КАЗАЧКОВ.**

На снимках:

1. Портрет Б.Дернау,
2. Цирк Э.А.Стрепетова в Томске,
3. Борцы. Старинная фотооткрытка,
4. Дуплистое дерево. Картина И.Г.Мясоедова (1881-1953).

На последней
странице
обложки

Василий Васильевич Черемин
— один из старейших томских художников.

Родился он на Урале в 1926 году. Окончил Иркутское художественное училище. С 1954 года живет в Томске. Член Союза художников с 1964-го. Постоянный участник художественных выставок в стране и за ее пределами. Основное направление творчества — пейзаж; как правило, городской либо отражающий природу Томской области.

По точному определению искусствоведа Ю.Шепелева ценность городских пейзажей В.Черемина заключается в том, что он не «фотографирует» увиденное, а как вдумчивый художник-реалист создает не столько портрет, сколько — обобщенный образ, проникая тем самым вглубь изображаемого. Художник не увлекается деталями, убирает все то, что отвлекает, очищая пейзаж от мелочной суеты. За бревенчатыми стенами старого дома, растущими новыми квартирами он умеет увидеть нечто большее, чем стены, — он видит жизнь людей, возводящих эти дома и живущих в них. Так дома «оживают».

На последней странице обложки мы знакомим читателя с одной из картин В.Черемина.

В. ИВАНИЯ

ЗОЛОТОЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК

Профессор Николай Николаевич Горностаев (1896 — 1954)

Николай Николаевич Горностаев родился 8 января 1896 года в Харькове, в интеллигентной семье чиновника.

В 1912 году он блестяще, с серебряной медалью, окончил Тифлисскую вторую гимназию (г.Тифлис) и получил Аттестат зрелости.

В том же году Николай Николаевич поступил учиться в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет со специализацией по математике. Но через год он перешел в Горный институт — на горный факультет.

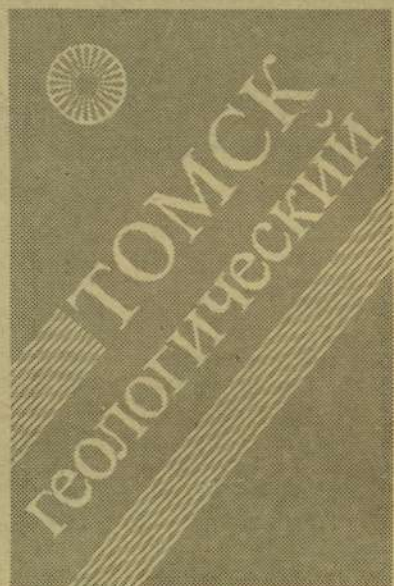
Летом 1917-го по приглашению В.В.Никитина Горностаев уехал на Урал, в Нижний Тагил. Там он работал зав. разведкой колчеданных месторождений в Нижне-Тагильском районе. Под его руководством было открыто месторождение медно-колчеданных руд.

Разруха в стране вследствие известных событий стала непреодолимым препятствием для продолжения образования в Санкт-Петербурге — туда Николай Николаевич так и не сумел вернуться. А с 1919 года он — в Томске, где и закончил свое образование на горном факультете Томского технологического института в 1923 году. Талантливому студенту профессор Михаил Антонович Усов оставил на факультете для педагогической работы. Н.Н.Горностаева избрали и.о. ассистента геологического кабинета еще в 1922-м, а с 1924 года он стал штатным преподавателем технологического института и внештатным — Томского университета при кафедре минералогии.

В 1920—1921 гг. Горностаев вел геологические исследования в Присемипалатинском районе Киргизской степи. В своих отчетах Николай Николаевич приводил много новых сведений по геологии этой территории.

В 1925 году в Томском университете Горностаев читает студентам-геологам лекции по геологии и петрографии. Он уже автор девяти прекрасных работ по геологии Киргизской степи и других районов.

Год спустя Николай Николаевич стал доцентом. В 1929 году он утвержден в ученом звании профессора, зав. кафедрой петрографии Томского университета. Здесь он развернул активную педагогическую деятельность. Кроме курсов «Геология» и «Физическая геология» профессор Горностаев разработал и читал целый ряд курсов петрографического цикла наук. Он продолжает свою работу и в Том-

ском технологическом (позже переименованном в Индустриальный) институте. Здесь он читал лекции по геологии и предметам петрографического профиля. С 1930 года он стал там работать как профессор и заведующий кафедрой петрографии.

После отъезда профессора М.А.Усова в Москву в 1935 году Н.Н.Горностаев до 1937 года заведовал кафедрой геологии и петрографии института.

Он продолжил свою научную работу по региональной геологии, изучая, кроме Киргизской степи, геологию Горного Алтая и Енисейского края. Одновременно работая по геологии золота, он стал консультантом при проведении поисков и разработке месторождений этого благородного металла в Западной Сибири, а также на востоке страны — в Забайкалье. И написал прекрасную работу по геологии знаменитого месторождения золота в Забайкалье, «Балейского».

Расскажу о Н.Н.Горностаеве как о педагоге и человеке тяжелой судьбы. Мне посчастливилось слушать его прекрасные лекции по курсам «Геология» и «Петрография». Он мне запомнился таким: высокий, красивый, стройный и прекрасно сложенный мужчина средних лет, у него зеленоватые-карие глаза, правильные черты благородного лица, густые усы щеточкой. Николай Николаевич всегда был красиво и элегантно одет в темный или более свет-

лый костюм-тройку. Шикарный галстук был заколот золотой булавкой. Очки, которые он носил, были в золотой оправе. На правой руке – золотое обручальное кольцо.

Обращали на себя внимание его высокая интеллигентность и культура речи. Он был прекрасно образованным ученым широкого профиля, отлично знал читаемые им лекционные курсы. Его лекции по общей геологии мы слушали, как и лекции профессора Усова, затаив дыхание. Так увлекательно он рассказывал о разнообразных геологических процессах на нашей планете и внутри нее, о формах рельефа, возникающих в результате этих процессов на поверхности Земли.

Нам, студентам третьего курса, Николай Николаевич читал очень сложный курс петрографии (науки о горных породах). Он читал этот курс без конспекта, великолепно зная свой предмет. Когда мы приступили к слушанию самого сложного раздела – физико-химической петрографии, – ассистент профессора Андрей Максимович Ненахов нам сказал: «Для конспектирования лекций вам надо объединиться парами. Один из вас будет только чертить в конспекте сложные физико-химические диаграммы, которые показывают состояние вещества пород и руд в магматических очагах. Другой – только дословно записывать пояснения профессора к этим диаграммам.» Мы спросили тогда Андрея Максимовича: «А разве нельзя почитать для этого учебник физической химии, науки о состоянии веществ, чтобы лучше все понять?» Он ответил: «Это невозможно потому, что единственный в стране учебник физической химии был написан профессором нашего института Иваном Ива-

новичем Котюковым. Но профессор Котюков был арестован, а его учебник по приказу Томского ОГПУ уничтожен как учебник, написанный «врагом народа»*.

К началу 1937 года профессор Н.Н.Горностаев стал известным геологом-съемщиком и крупнейшим в стране специалистом по геологии золота Сибири. Его монографии по геологии Семипалатинского округа, Горного Алтая и Енисейского края стали основой их дальнейшего изучения. Важна и сейчас его книга о золоте знаменитого Усть-Белоя в Забайкалье.

В 1937 году профессора Н.Н.Горностаева вызвали в Москву и как крупнейшему специалисту по геологии золота предложили пост директора и научного руководителя НИИ (ВНИГРИ золота), самого крупного в стране института по геологии золота. Николай Николаевич согласился. Но он проработал там только один год. В 1938 году его арестовали как «врага народа» и приговорили к длительному заключению в лагерях Сибири.

Долгое время я ничего не знала о судьбе Н.Н.Горностаева. Но вот в 1955 году приехал в отпуск из Магадана мой ученик, выпускник ТГУ, геолог Саша Исаченко. Он и рассказал мне, что профессор Горностаев, крупнейший в стране ученый и специалист по геологии золота, директор и научный руководитель Всесоюзного научно-исследовательского института по геологии и разведке золоторудных месторождений, отбывал срок своего заключения в Магаданском лагере ГУЛага НКВД. Там он целых шестнадцать лет работал откатчиком в шахте по добыче золота.

В 1954 году, когда начались освобождение и реабилитация политических зак-

люченных, Николая Николаевича вызвали к начальнику лагеря, который сказал ему: «Профессор, вы свободны и можете уезжать куда хотите». Последовал ответ: «Я уже не профессор. И отсюда я не уеду.»

Через два месяца Н.Н.Горностаев скончался от воспаления легких. Так погиб один из моих любимых учителей.

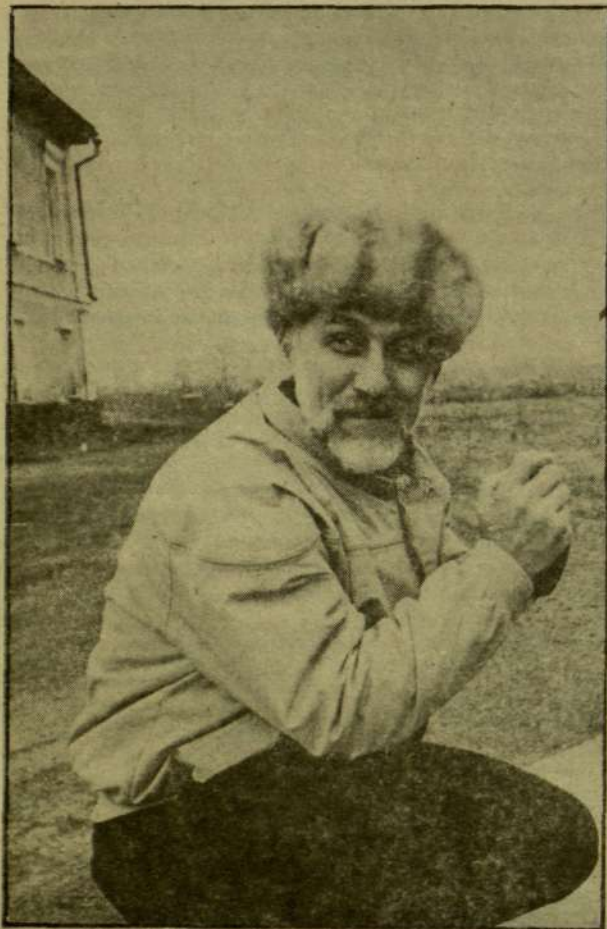
Знакомясь с личным делом Н.Н.Горностаева в архиве ТПУ, я нашла письмо жены профессора Марии Ивановны Горностаевой на имя ректора. Она сообщала, что в 1956 году получила извещение из НКВД о том, что ее муж реабилитирован посмертно, и просила прислать ей справку о работе мужа в ТПИ, нужную ей для получения пенсии. Ей ответили, сообщив данные о Н.Н.Горностаеве по 1935 год. Никто из работников отдела кадров не обратил внимания на телеграмму Н.Н.Горностаева на имя декана М.К.Коровина от сентября 1937-го с просьбой об отчислении из института в связи с переходом на работу в НИИ «ВНИГРИ золота» в Москве.

** Недавно я узнала, что профессор Котюков после ареста был расстрелян. Позже его реабилитировали посмертно, уже после смерти Сталина. В прошлом году химико-технологический факультет Томского политехнического университета и кафедра физической и коллоидной химии торжественно отметили 100-летие со дня рождения трагически погибшего профессора И.И.Котюкова.*

ТОМСК в моём сердце и стихах

Ф. Лэддусир фотографирует Томск
с Воскресенской горы.

Фото Е. Лисицына.

С детства мечтаю о Сибири. Еще одиннадцатилетним мальчиком я тщательно скопировал на картон большую карту СССР, включая главные сибирские города. Много лет карта висела на стене спальни, и лежа на кровати, я смотрел на нее и воображал себе, что я в России, в Сибири. Но это была только мечта.

В октябре прошлого года я на самолете, летевшем в Томск, и во время приземления, и даже когда уже ехали из аэропорта на такси в центр города, — все мне казалось нереальностью. Ведь Сибирь так далеко от Сизтла! Конечно, в школах мы узнавали основные факты о тундре, о тайге, о морозном Севере, о Транссибирской магистрали. Потом в молодости волновали наши умы серьезные трагедии Сибири, а именно: уничтожение кулаков, сталинские лагеря, преследование родственников репрессированных, насильственное переселение немцев и других народов.

Как образованный американец, я представлял себе и выгоды Сибири — роскошная пушнина, огромные песа, бесчисленные животные, туземные культуры, новые советские города и естественное богатство минералов и пространства. Что же касается быта сибиряков, у нас мало понимания и несколько мифов.

ЗАПАДНЫЕ МИФЫ

Один миф — в том, что сибирякам всегда холодно. Мол, удовольствия весен, лет и осеней в Сибири совершенно неизвестны. Но в конце октября в Сибири не было никаких хлопьев снега! Я это заметил и сказал томскому другу Владимиру Марьину:

— Как странно, Володя: сегодня в Томске плюс пять, а в Москве минус пять градусов! Зашибись!

Мне объяснили, что для северян сильный холод в некотором смысле является благом: без него на непроходимых болотах и в тундре жизнь была бы труднее. Настоящие сибиряки влюблены в окружающую их природу.

Другой миф — что сибиряки неохотно живут так далеко от Москвы. Напротив, сибиряки предпочитают дружелюбие, спокойствие и общественный характер их азиатского рая. Я сам оказался счастливым на краю Западной Равнины*. Причиной тому близость дикой природы и теплота замечательного народа.

Третий миф — что все сибиряки охотники и селяне (должен сказать, мне как раз такие нравятся). Но я увидел, что сибиряки — усложненные и утонченные люди, которые заслуживают хвалы и восхищения всего мира за архитектуру, живопись, скульптуру, театральное искусство и образование. В Сибири есть источники вдохновения для всей России.

Мифам пришел конец лишь тогда, когда я познакомился с томичами. Они оказались необыкновенно гостеприимны, особенно Владимир и Эрнэ Марьины — люди высокой культуры, очарования, интеллекта. Они мне доказали, что у сибиряков есть глубокое чувство юмора, душевная теплота и чудесный купинарный талант.

ВДОХНОВЕНИЕ ТОМИЧЕЙ

В здании томской газеты «Красное знамя» мы познакомились с Ниной Губской, заместителем редактора, с Евгением

*Фрэнк Лэддусир имеет в виду нашу Западно-Сибирскую низменность, не желая, видимо, употреблять точное географическое название в связи с охватившими его возвышенными чувствами (Прим. ред.).

Зыряновым, сотрудником секретариата, и с Евгением Лисицыным, фотокорреспондентом редакции. Они показали, что сибиряки интересуются известиями во всем мире, что в эти дни новой России профессия журналиста в Сибири жива и здорова.

Сегодня в Сибири устанавливается новый, открытый и честный, взгляд на историю советского периода. Символом этого мне явился открытие памятника «Камень скорби», произведшее на меня глубокое впечатление. Помню, как простыню с памятника с трудом спустили.

STONE OF SORROWS

White sheet in the air,
Come down!
You've covered the pride of a people
And it's time to see
What we've always known...

White sheet in the air,
Come down!
You block the expression of pain
And it's time to scream
The whole unthinkable truth...

White sheet in the air,
Come down!
You're wrapping the Rock
like a casket
And it's time to see the corpse
Of history
And remember...

No more secrets on the Tom!
Come down, Tear, if you must!

There's too little time
And too many tombs.
The world has grieving to do.

На этом мемориальном собрании я узнал, что в сегодняшней Сибири чудесные, решительные люди, п а м я т ь ю несущие исцеление себе и обществу.

В Петропавловском соборе я присутствовал на панихиде по поэту Николаю Клюеву. Здесь я познакомился с томским поэтом Борисом Климычевым, с президентом местной ассоциации писателей Александром Казанцевым, с другими томичами. Панихида произвела на меня сильное впечатление. Семеро священников в белых и черных одеждах, иконостас в темнокрасных и золотых оттенках, свечи с двигающимися тенями, мысли о Клюеве — все это напоминало о классической борьбе между добром и злом.

НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сибирь — центр образования и культуры. Есть институты, ботанические сады (с бананами!), большие университеты, великолепные музеи, разные театры (спасибо, Олег Афанасьев!). С удовольствием я провел два дня с профессором математики Сашей Казачковым. Он глубоко мыслящий человек и теплый друг.

На третьем этаже университетской библиотеки в отделе редких книг моим экскурсоводом была Галина Колосова. Я был в восторге от того, что мы увидели редкие тома Толстого, Пушкина, Ахматовой, старые карты, рукописи... «Какая вели-

колепная коллекция! — думал я. — И это Сибирь?!». Мне объяснили, что эта библиотека — третья по книжному богатству в России. В Томске, кстати, была и первая бесплатная библиотека, и первый в Сибири книжный магазин, открытые купцом Петром Макушиным. Наследником его дела считает себя по праву директор книжного магазина «Букинист» Владимир Суздальский, человек живого ума и знания дела.

Сибирь — земля творческого воображения. На втором этаже маленького здания в Томске была встреча с сибирскими художниками — с Наташей Броневской, Сашей Никифоровой, с сотрудником художественного музея Валерием Служивцевым. В Сибири есть прочная традиция искусства — с отличными, сильными чертами. Даже в Москве я ощущал ее — например, в работах замечательных художников Николая Белянова и Тамары Гудзенко, немало лет проживших в Томске.

Сибирь — глубокий источник творчества для всей России.

СИБИРЬ — НЕ МЕЧТА

Чтобы вернуться домой из Сибири через Москву и Европу, пришлось лететь 70 часов!

Был ли я в Сибири? Может, только в мечтах?

Но у меня больше ста фото из Сибири, сделанных моим дорожным фотоаппаратом. И воспоминания о великой красоте, высоком интеллекте, об искусстве, о дружестве — все из Сибири!

И хранит душа глубокую теплоту к сибирякам, особенно — к томичам.

Фрэнк Фрэнкович ЛЭДДУСИР.
Сиэтл, Вашингтон, США.

КАМЕНЬ СКОРБИ

Белое в воздухе покрывало,
Спадай!
Ты скрываешь народа цвет.
И пора нам всмотреться пристальней в то,
Что и так мы знали всегда...

Белое покрывало,
Спадай!
Ты прячешь людскую боль, страданье.
Но уже невозможно сдержать крик
О правде, которой нет оправданья.

Белое покрывало,
Спадай!
Ты укутало камень, как гроб.
Взгляда не отвожу от мертвого лика истории —
Только бы не забыть...

Нет на Томи больше тайн!
Хоть разорвись, но — спадай!

Так короток срок,
Так много могил.
Скорбью охвачен мир.

(Перевод
с английского
В.СЕРДЮКА).

Сибирская
СТАРИНА

43

Лев Пичурин

ПУТЬ НА ПАНКРАЦ

Повесть*

Вы помните, как начинаются «Похождения бравого солдата Швейка»?

« - Убили, значит, Фердинанда-то нашего, - сказала Швейку его служанка», имея в виду Франца-Фердинанда, эрцгерцога, но бедный Швейк долго не мог сообразить, о ком идет речь. Он знал двух Фердинандов - помощника фармацевта и собачьего ассенизатора, по поводу которых заметил: «Обоих ничуть не жалко». Никому не было жалко и наследника австро-венгерского престола, убитого в Сараево 28 июня 1914 года. Но этого - или любого другого повода - так ждали! Теперь можно было объяснить все. Австро-Венгрия решила наказать Сербию, Россия вступилась за братьев-славян, Германия - за Австро-Венгрию, французы - за русских, англичане - за французов, Турция - за Германию, Япония - за Англию. Не всемирная война с миллионами жертв, а что-то вроде драки между мальчишками соседних дворов.

И началось! Грандиозные митинги в Берлине и Санкт-Петербурге (срочно переименованном в Петроград), Вене и Париже, Сараево и Лондоне и даже в Праге и Варшаве. Во всех воюющих странах успешно шла мобилизация, формировались новые полки и дивизии, повсюду призывали к победе над врагом и кричали «ура» обожаемым монархам и президентам.

Правда, кое-где призывы властей вызывали не совсем желательные эмоции. Так было прежде всего на северных окраинах Австро-Венгрии. Каждый чех знал, что триста лет назад, в ноябре 1620 года в битве на Белой горе под Прагой чешские войска потерпели поражение, враги жестоко расправились с борцами за независимость, а сама Чехия стала провинцией империи Габсбургов. Все триста лет чехи мечтали о свободе и боролись за нее, а теперь их призывают на защиту собственной тюрьмы?

Конечно же, деревенский паренек Йозеф Лауда, надевая зеленовато-голубой мундир с красными петлицами, мундир армии, олицетворяющей собой иноземное иго, не мечтал о подвигах во имя ненавистных Габсбургов и их империи. Как и тысячи чехов и словаков, он хотел совсем другого. Помочь братьям-славянам, помочь русским, помочь освободителям! Да! здравствует Россия, недавно освободившая болгар от турецкого ига! Пришел и наш черед! Ура Николаю Второму, благословившему свои полки на освобождение славянских земель от австрияков! Ура русскому главноверху великому князю Николаю Николаевичу,

призвавшему нас «встречать русские войска как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы!»

С первых же дней чехи и словаки сотнями и тысячами начали переходить на сторону русской армии, за три года их набралось около двухсот пятидесяти тысяч. Они сдавались, будучи уверенными, что через несколько дней их с благодарностью примут в русскую армию, вернут на фронт, чтобы совместными усилиями освободить родину от чужеземцев. Но откуда им было знать, что царское правительство никогда и не думало о создании свободной Чехословакии. И тут пленным ждало первое - увы, далеко не последнее - разочарование. Их держали за колючей проволокой точно так же, как и австрийцев, немцев, венгров, их всех одинаково косили сыпной тиф и дизентерия, у всех был одинаковый изнурительный 12-14 часовой рабочий день, всем давали одинаковую лагерную похлебку. В Тощком лагере от болезни умерло более пятнадцати тысяч пленных чехословаков. Не легче было в туркестанских и сибирских лагерях, в даришском лагере под Киевом.

Правда, кое-кто из чехов и словаков в русской армии все же служил. Дело в том, что перед 1914 годом в России проживало сто двадцать тысяч эмигрантов из Австро-Венгрии, в основном - мелкая буржуазия. Вот из них-то и попытались создать «Чешскую дружину». Эта затея провалилась, хотя небольшое количество дружинников и было распределено по корпусам русской армии - их использовали как лазутчиков, пропагандистов, агитаторов. Но все это было несерьезно, и даже создание к концу декабря 1915 года Первого Чехословацкого из, так сказать, русских чехов не изменило обстановки по существу.

В 1916 году она, действительно, начала меняться. Русская армия потеряла более пяти миллионов человек, и 21 апреля разрешение на создание чешских формирований из военнопленных все же было дано. В лагере приехали агитаторы, но время было потеряно. В перебежчиках надо было сразу видеть союзников, а не врагов; посидев в лагерях, они быстро поняли, что Николай ничем не лучше Франца-Иосифа или Вильгельма. Немалую роль сыграли в лагерях и социал-демократы, разъяснившие, что идея союза чешских рабочих и крестьян с русским самодержавием во имя свободы есть самый настоящий бред. Впрочем, Австро-Венгрия была еще сильнее и бывшие ее солдаты понимали, что в случае плена им, как изменникам, грозит смертная казнь. А опасность для семей? Короче говоря, план создания надежных чехословацких частей в России провалился и в 1916 году.

...

... В лагере было уже совсем плохо, да еще обещали отправить всех куда-то за Петроград, говорили наши, что там, на железной дороге, столько же чешских трупов, сколько и упавших... И вдруг! Как мы тогда встретили поручика Чеческа! «Революционная Россия свергла самодержавие! Да здравствует армия великой свободной славянской державы! Вместе с русскими братьями-революционерами пробьемся к Златой Праге, выгоним влел за Николаем Кровавым старого тупицу Франца! Вернем родине свободу! Каждый честный чех вступит в нашу Первую чехословацкую бригаду. Уже создан полк имени святого Вацлава, создается полк имени Кирилла и Мефодия, полк имени Яна Жижки. Вам выдадут новую форму, форму свободной армии свободного народа. Бригадой будет командовать генерал Червинка, первый чешский генерал. Братья! Помните, что после победы родина не простит колебаний, не простит тех, кто в трудную минуту не взял в руки винтовку и не пошел в последний бой за мировую революцию и за нашу республику!»

Продолжение.
Начало в №3

44

Сибирская
Старина

Этот язва Новак не удержался, гаркнул на весь барак: «Бери винтовку сам, сам и подымай за твою республику, мы досыта навоевались!» Ему тогда едва не намылили шею... Навоевались мы, конечно, досыта, только жрать тухлятину в лагере тоже надоело. Да и как попадешь домой без победы?

В ночь с восьмого на девятое июня 1917 года солдаты 13-го и 22-го финляндских полков на основании постановления полковых комитетов, заявивших командованию - наступать не будем, оставили позиции в шести километрах к юго-западу от галицийского города Зборов. Той же ночью их заняли подразделения чехословацкой бригады.

Утро 23 июня, впереди - австрийские окопы, деревушка Депова. С северо-запада двое суток подряд доносится непрерывный грохот русских пушек. Потом огонь ослабел, седьмая русская армия пошла в наступление, но позавчера все стихло. Сегодня на рассвете загремели орудия и у нас, австрийские окопы закрыло дымом, во взвод прибежал прапорщик Клапалек, командовал: «К атаке!»... Манлихер-ровка... Две лимонки... Противопаз... Рюкзак?... К черту рюкзак, если уцелею - потом найду, а если нет... Левую руку на бруствер, ногу сюда... Пресвятая дева Мария, помоги! Ну!... Нет, еще рано, чего-то ждут...

- Ирки, дай-ка закурить, может быть, успеем вытянуть по одной?... - Интересно, сколько отсюда до Добжан? Километров восемьсот, топать и топать, только бы наступление не остановилось. Как говорил этот русский с красным бантом и георгиевским крестом... Переводил сам Червинка, он русский знает лучше чешского: «Вы пойдете вперед туда, куда повелит вас вождь и правительство, вы пойдете, скотованные дисциплиной долга. По воле народа вы должны очистить родину и мир от насильников и захватчиков». Почему у этого русского польская фамилия? Новак сказал, что крест у русского вождя за храбрые речи, что он говорил перед маршевыми батальонами и в запасных частях километрах в ста от окопов. Но говорил он замечательно, не зря же русские солдаты понесли его к машине на руках, кричали ему «Ура!» и пели «Марсельезу». А с позиций все же ушли...

- Вперед, в атаку! Братя, смелей! - прыжок, винтовка наперевес, бегом... бомба... кажется пронесло... цел... черт, у них еще полно шрапнели, Франтишек упал... Карел... моя очередь... нет, вот он, окоп... а, чертов австриец, поздно руки поднимать... штыком... прикладом... где другие?... вперед... - Ложись! - вовремя, это же германская мортира... вперед... вторая траншея, никого нет, дранают... То-то, это вам не по Гражданам прогуливаться... Третья траншея... - Занять оборону... Хорошо мы им дали сегодня!...

Это была славная - единственная славная - страница в истории чехословацких войск в России. Около трех тысяч легионеров, вооруженных только винтовками и легкими пулеметами, под ураганным огнем австрийской артиллерии ворвались на позиции противника, овладели тремя линиями окопов, захватили десятки пушек, взяли в плен более полутора тысяч солдат и офицеров.

Но все это уже не имело смысла. Уже 20 июля на помощь полуразгромленным австрийцам подошли полки германской армии, заранее сосредоточенные на выгодных для контратаки рубежах. После химической атаки немцы ударили во фланг 11-й армии генерала И.Г. Эрделя, в состав которой входила чешская бригада. Русские солдаты, вообще не собиравшиеся воевать за Временное правительство, бросили позиции и начали отступление, превратившееся в бегство. Эрдели попытался остановить бегущих, поставив

в ближайшем тылу армии ударные отряды с пулеметами, но из этой затеи ничего не вышло. Тогда Эрдели решил заставить чешских пулеметчиков вместе с юнкерами и казаками стрелять по отступающим, но и эта попытка не удалась.

...Эрдели не первый придумал заградотряды, да и не на Галицийском фронте они закончились. Не обходилось без них и в гражданскую войну - с обеих сторон, были они в Великой Отечественной - кто не слышал о знаменитом сталинском приказе «Ни шагу назад!»...

Но сами чехи не дрогнули, и это потом не раз вспоминал не только Эрдели, но и многие иные участники событий на Юго-Западе - Каледин, Корнилов, Крымов, Деникин, Павлов, будущие организаторы и руководители белого движения.

Все впустую, все зря... Старые солдаты сразу говорили, что раз уж нас принуждены мотать вдоль фронта, то толку не будет. И вправду - сначала растолкали по одной роте в русские дивизии, потом все три полка сосредоточили в Подгайцах, там не успели окопаться - чуть ли не бегом сюда, под Зборов, латать чужие дыры... Вот и растрепали бригаду... В первом же бою погиб каждый третий. Франтишек - вечная ему память - еще перед атакой говорил, что швабы - не идиоты, Людендорф и Гинденбург хоть и звери, но не ослы, если два месяца на всех углах кричали, что наступать будем на Львов, то у них в генштабе тоже было слышно... Вот и идем обратно, то ли к Киеву, то ли еще куда. А русские? Предатели... Ругают правительство, ругают командование, бросили окопы - говорят, домой пора, землю надо делить. Домой-то домой, но все уходят с оружием, даже пулеметы прихватывают. Что, тоже для землемерных работ?... Погубят они свою Россию. Конечно, это их дело, но как же мы? Сколько же теперь до Добжан? Когда попадем домой?

- По агоням! Пулемет на площадку! Русских к эшелону не подпускать!.. У кого найду большевистские газеты - трибунал! Не допустим бесчестия, не посрамим памяти наших героев!

...Едем... Едем совсем в другую сторону, едем не домой, а от дома...

...И среди наших, и среди оставшихся в живых, действительно, было немало настоящих героев. Под Зборовым чехи дрались так, будто и вправду за линиями австрийских окопов - Злата Прага, будто и вправду - еще несколько таких отчаянных атак, и мы будем дома, в мирной, счастливой, свободной Чехословакии, увидим матерей, жен, детей, невест, увидим землю, леса, реки и горы нашей родины, маленькой, но своей...

О мужестве солдат бригады писали газеты союзников, о их подвигах рассказывали русские кадетские, эсеровские, меньшевистские и прочие патристические газеты. Генерал Эрдели награждал многих участников атаки Георгиевскими крестами (среди награжденных был Ярослав Гапек).

И большинству легионеров было горько и обидно, они понимали, что жертвы оказались бессмысленными, они чувствовали, что их обманывают, они думали, что их предали. И они были правы во всем, кроме одного - тех, кто во всем виноват, считали правыми, а тех, кто боролся за правду - виноватыми.

...Десять тысяч греческих наемников, руководимых бра-

том персидского царя Артаксеркса II Киром Младшим, выступили из Сард, чтобы отобрать Персию у одного брата для другого. Дисциплинированные, хорошо обученные, прекрасно вооруженные, направляемые образованными стратегами, они составили костяк стотысячной армии Кира, разгромившей в битве при Кунаксе войска Артаксеркса. И все было бы хорошо и для наемников, и для Кира, если бы не досадная мелочь - Кир погиб в бою. Большинство стратегов оказалось в персидском плену, платить наемникам теперь уже никто не собирался, корпусу, виноват, греческим легионам надо было убираться восвояси. Артаксеркс преследовал греков, вынужденных отступать через всю Месопотамию, Армению, Малую Азию к Византии. Греческий историк Ксенофонт, участник войны, позднее описал все события этого, в общем-то, бесславного похода. Книга Ксенофонта называется «Анабасис», то есть «Восхождение».

Было это в пятом веке до нашей эры, а в двадцатом кое-кому так понравилось это громкое греческое слово, что поход чехословацкого корпуса через Украину, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток стали называть «Сибирским анабасисом»... Что ж, в общем-то, пожалуй, верно - это тоже был поход хорошо обученных, прекрасно вооруженных, дисциплинированных наемников в чужой стране, за чужие деньги и чужие идеалы...

Но я не могу понять, почему профессору Масарику понравилось это название. Неужели он, образованнейший человек, не чувствовал двусмысленности этой исторической аналогии? Да и о каком восхождении может идти речь, когда поход был явлением аморальным, был самым настоящим падением? Впрочем, не для всех - для Йозефа Лауды это был путь восхождения, путь очищения, путь прозрения.

Конечно, д-р Т.Г.Масарик, «дедушка чешского народа», «создатель свободного чехословацкого государства», «крупнейший философ современности» (эпитеты - из газет), понятия не имел о каком-то Лауде, как и любом другом легионере, включая и тех, кто служил в полку его имени. Но в жизни десятков тысяч Лауд деятельность Масарика изменила столь многое, что не зная его Лауда не мог. И я не могу продолжать свой рассказ, не сказав хотя бы несколько слов о Масарике.

Всю жизнь, точнее, всю ту ее часть, когда профессор Карлова университета в Праге стал уделять политике больше внимания, чем истории философии, он боролся с марксизмом, с ленинизмом, с большевиками.

Он родился в небогатой словацкой семье. Окончив гимназию, поступил в Венский, а затем перешел в Лейпцигский университеты. В Вену вернулся с докторской степенью и молодой женой, уроженкой США Шарлоттой Гарриг. Ей он обязан своим вторым именем - теперь он подписывался Томаш Гарриг Масарик, приват-доцент. В 1882 году Масарик был избран профессором по кафедре философии Пражского университета, но от спокойной жизни интеллигентного пражанина отказался во имя политической деятельности, во имя создания чешской народной партии... Эмиграция в Швецию, затем в Англию. Выступления в защиту Антанты. Создание в Париже Чешского заграничного комитета, ставшего в 1916 году Чешским национальным Советом, чем-то вроде правительства Чехословакии в эмиграции.

И вот апрель 1918 года. Председатель ЧНС д-р Масарик

плывет в США - в Белом доме его ждет сам Вудро Вильсон, президент, не очень заинтересованный в создании Чехословацкой республики, но очень беспокоящийся об организации борьбы с Советами. Неделя плавания позволяет о многом подумать, прежде всего - об удивительных поворотах судьбы.

...Подумать только! Еще вчера на осторожный вопрос д-ра Бенеша посол Российской империи в Великобритании недвусмысленно ответил, что после выхода в свет книги «Россия и Европа» ее автор, д-р Масарик, несомненно оценивший влияние царствующего дома на развитие демократии в Европе, едва ли может рассчитывать на русское гостеприимство. И даже резкие выступления Масарики против Австро-Венгрии ничего не меняют в отношении к нему известных русских кругов. А сегодня? Какую силу имеют эти круги? Где сейчас царствующий дом? Где сам император? И кто теперь бывшая «персона нон грата»?

Временное правительство пригласило председателя ЧНС в Россию и предоставило ему широчайшие полномочия. Менее чем за год удалось побывать в Москве, Киеве и Житомире, получить поддержку ряда партий, добиться разрешения на формирование отдельного чешского корпуса. Союзники не скупились - англичане выделили 80 тысяч фунтов, французская миссия передала более одиннадцати миллионов рублей, надо полагать, поможет и мистер Вильсон. Корпусе обмундирован и вооружен заново... Но возникли и немалые осложнения... Провал люксембургского наступления... Лавр Георгиевич Корнилов, боевой генерал, не сумел организовать поход на Петербург... Хорошо хоть удалось сохранить чешскую роту из личной охраны Верховного... Приход большевиков... Предательский Брестский мир...

На кого опереться в России? Промышленники? Офицерство? Эсеры? Как распорядитесь нашими деньгами Борис Викторович? * Поймет ли президент необходимость решительного вмешательства в дела России?..

* * *

- Подъем! Тревога! - голос дневального прозвучал как-то особенно резко. При слабом свете горевших вполнакала лампочек Йозефу увидел стоявших у дверей в классе - рота уже три месяца была расквартирована в бывшей гимназии - офицеров во главе с самим командиром полка поручиком Швецом.

- Ребята, что-то не так - командир полка здесь!

- Чего не так? Опять мужики грабят хозяев, надо помочь.

- Кому помочь? Мы солдаты или полицейские? Наш командир никогда не участвовал в рейдах по чужим поместьям, он боевой офицер, а не жандарм.

- То-то и есть! А сегодня...

- Отставить разговоры! Равняйся! Смирно! Слушай приказ!

- Братя! Вчера в 12 часов дня австро-германские войска начали наступление по всему фронту. Брестская авантюра большевиков провалилась. Нашему полку в составе Первой дивизии предстоит остановить противника,двигающегося на Киев. Русская армия не в состоянии сопротивляться врагу, только мы способны защитить свободу и революцию. Приказываю: побатальонно следовать на железнодорожную станцию, первому батальону занять станцию, обеспечить погрузку личного состава артиллерии, штаба и служб тыла. Подпогрузку освободить любые вагоны и платформы. Отправка первого эшелона на фронт в 8.00. Вне-

ред, за родину, честь и свободу!

Наконец-то! Большие подлуга мунстры, участия в каких-то непонятных событиях, нелепый поход на Киев, когда у русских в Петрограде сменилась власть и полк имени Кирилла и Мефодия выступил в защиту Временного правительства. Все это оказалось ни к чему - вмешался какой-то комитет из наших, доказали, что русские дела нас не касаются. Наверное так, только двоих убитых не вернешь. То ли дело сейчас! Мы напомним этим чертовым швабам Зборов! Патронов полно, винтовки и пулеметы новые, есть своя артиллерия, броненики. Да и порядка сейчас в полку больше...

- Слушайте, ребята, куда нас везут? Прохазка, ты же местный, какая это станция? Разве германцы уже форсировали Днепр? Почему ничего не слышно, ведь еще утром на западе погромы хивало? Мы же едем на восток?! Господи прапорщик, разрешите...

Нам было тогда за двадцать, и в большинстве своем мы даже не понимали, что здесь в боях и крови рождается новый мир, до сих пор еще не известный в истории человечества. И пока мы, молодые прапорщики, старались что-то понять, история шла сама по себе (из воспоминаний генерала армии Карела Клапалека).

Способна ли чехословацкая армия к вооруженному выступлению против большевиков и сможет ли она занять область между Доном и Бессарабией? (вопрос, заданный делегату корпуса Черженскому на секретном совещании в ноябре 1917 года в Яссах).

Изучить возможность наиболее полного использования некоторых нерусских организаций в России, например, чехов, казаков, украинцев, латышей и т.д. (из документов «Комиссии для решения русского вопроса», созданной в декабре 1917 года под председательством французского генерала М.Жаннена).

Казацкие полки, возмущающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идея большевизма панили приверженцев среди широкой массы казаков. Кубанские казаки нравственно разложились, и, к сожалению, корпус бесполезно и безо всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона (из пережитого чекетами письма находившегося в Ростове-на-Дону командующего белогвардейской Добровольческой армией генерала М.В.Алексеева).

В Лондоне сэр Уинстон Черчилль обещал со своими коллегами вопрос о прорыве корпуса на Архангельск или Мурманск с дальнейшей оккупацией севера России англичанами и последующей переброской чехов во Францию для продолжения борьбы с Германией...

В Петрограде, а затем и в Москве три дипломатических представителя - министр Р.Локкард, мсье Ж.Нуланс и сэр Д.Франсис - изучали возможность использования корпуса для ликвидации советской власти. За полгода обсуждения мысли дипломатов трансформировались в совершенно определенном направлении. Сначала было осторожно условие: «как мы хотим мы, чтобы они скорее оказались в рядах бойцов на Сомме, но все же следует считаться и с возможностью задержать их. При известных обстоятельствах им придется сыграть роль на севере или востоке России». А 18 мая уже категорически: «союзники желают, чтобы чехословацкие части остались в России и образовали ядро французской армии против большевиков...»

В Киеве, в штабе корпуса, его командир, царский генерал В.Н. Шокоров вместе со своим начальником штаба, еще одним царским генералом М.К.Дитерихсом, комиссаром корпуса, бывшим профессором Пражской торговой акаде-

мии П.Максой и членами Национального совета прикидывали, как подороже продать корпус, окружив подлую сделку цветами профессорского красноречия и громкими лозунгами о свободе отечества, братской помощи русскому народу и священной долге уже не только перед союзниками, но и перед самой историей...

В Москве наркомвоен Л.Д.Троцкий мечтал о превращении корпуса в регулярную часть будущей Красной Армии, в ее гвардию, несущую пролетарскую революцию в Центр Европы...

Под Жмеринкой, Гребенкой, Ромоданом, Киевом около тысячи чехословацких добровольцев-красногвардейцев вместе с венграми, сербами, украинскими рабочими и крестьянами самоотверженно дрались с наступающими немецкими войсками...

А по дороге от Киева на Бахмач шли эшелоны, в одном из которых Иозеф Лауда вместе со своими товарищами напевал «Шли мы прямо в Яромерь», «Кто же вы, божьи воины» и менее приличные песни, напевал, покачиваясь на нарах вагонов, не слишком быстро, но вполне определенно увеличивших наиболее боеспособное воинское соединение подальше от фронта, подальше от ненавистного врага...

Как это могло случиться? Даже не все офицеры понимали суть происходившего. А она была очень проста - корпус готовили к войне с советской властью.

После событий под Зборовым, разрешения формировать чехословацкие войска и признания Чехословацкого национального совета эмиграционным правительством возрождаемого государства, Масарик разослал по России более трехсот эмиссаров - вступайте в армию, создаваемую Родиной для ее вызволения из неволи! И только за июль-август 1917 года в корпус вступило более двенадцати тысяч человек.

Когда Центральная рада объявила Украину самостоятельной и начала переговоры с немцами - украинскими националистами почему-то всегда тянет в объятия соседей, - Масарик включил корпус в состав французской армии и сообщил Раде, что чехи покидают Украину. Раде было не до чехов, она была готова на все, но вскоре советские войска заняли Киев. Масарик сумел договориться с советским командованием, что корпус покидает Украину и перебрасывается во Францию.

А солдатам объяснил, что большевики собираются мириться с противником, значит, короткая дорога домой через Карпаты, но которой в июне уже был сделан первый шаг - закрыта. Во-вторых, большевикам самим есть печего, значит, кормить такую ораву пленных и легионеров они не будут, а передадут их австрийцам. Дома же всех нас ждет смертная казнь - там хорошо знают, как мы оказались в плену. Следовательно, вся надежда на Францию - корпус надо перебросить туда, там разгромить Центральные державы и войти в Злату Прагу с запада с развернутыми знаменами и под грохот барабанов. Если только не помешают большевики.

А раз так - корпус должен оставаться крепкой боевой единицей, готовой к боям с врагами. Кто эти враги, стало совсем непонятно, когда Германия и Австро-Венгрия, нарушив перемирие, начали наступление, а командование корпуса, столько говорившее о святой ненависти к тевтонам, сражаться с ними отказалось. Противника остановили лишь только что созданные отряды Красной армии, в рядах которой было немало воинов-интернационалистов, в том числе и чехов, и словаков. Немало, но и не так уж много... Большинство же считало - скорей во Францию, вот уж там мы этим швабам покажем!

(Продолжение
следует).

Сибирская
Старина

47

По поводу одной опечатки

Весной 1913 года томская газета «Утро Сибири», в ответ на колющую реплику другой томской газеты «Сибирская Жизнь» по поводу грубых смысловых опечаток в «Утре», поместила следующую заметку:

«Сибирская жизнь» в N 56 с.г. напечатала воспоминания Григория Николаевича Потанина. Статья начинается такими словами – в 1806 году я поступил в Сибирский корпус... С

1806 до 1913 года ни больше ни меньше как 107 лет. Да до поступления в школу Г.Н. вероятно было лет 10.

Итого ему в настоящее время 117 лет. Конечно, мы от души желаем Григорию Николаевичу дожить и до этого предела, но все-таки возводить его в ранг допотопных «патриархов», да еще в «Сибирской Жизни», как-то неудобно.

Евгений ОСОКИН.

ПРОСТО АНЕКДОТ...

– Смотри, дочка, с незнакомыми мужчинами не гуляй!

– Ах, мамочка, не беспокойся. Я сначала познакомлюсь, а уж потом только пойду...

– Какая разница между редактором и мужем?

– То, что первый знает своих сотрудников, а последний – нет.

– Ну, брат, рассказывали же мне про тебя. – говорит один из шулеров другому, – как ты попался в плутовстве в картах в одном из клубов Одессы. – били тебя там, говорят, всю ночь напролет.

– Эка важность. – били всю ночь! Да долги ли ночи в Одессе.

– Чем отличается сад «Буфф» от остальных мест города Томска?

– А тем, что по вечерам во всех местах Томска ужасно холодно и сыро, а в «Буффе», наоборот, именно по вечерам – то и «нагревают» публику.

– Моя жена сбежала. я остался в дураках.

– Ну ничего. Это общество давно вам привычно.

(«Сибирские отголоски», 1908 г.).

ТАЕЖНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В конце прошлого века недалеко от Томска произошла прелюбопытная история.

Начальник железнодорожной станции Тайга решил поохотиться и, захватив ружье и собаку, отправился в лес. В те времена, а это подтверждают старожилы, достаточно было выйти в окрестности поселка, и пали сколько хочешь. И лес был, и дичь была, и поселок не зря назывался Тайга. А коли так, то недолго и заблудиться. Вот эта неприятность и подстерегала нашего охотника.

Представьте себе: ему надо домой, на службу, а он никак дорогу не найдет. И где-то там, далеко-далеко, поезда идут, станция работает, а начальника нет. Он в это время в отчаянии бросается то в одну сторону, то в другую и, естественно, еще больше усугубляет свое положение. Устал, выбился из сил, но дорогу так и не нашел. На второй день то же самое, на третий то же.

Вот уже и сил нет, вот и в мыслях без-

различие, ну, казалось бы, все: пожись и помирай. Но тут-то и пришла ему в голову спасительная идея. Он вспомнил, что ежедневно посылал свою собаку в булочную за хлебом. Завернет ей монетку в бумажку, даст команду, и она, как собака умная и воспитанная, в точности исполняет все, что приказано.

Взбодренный надеждой, наш герой стал шарить по карманам и – о, радость! – нашел пятак. Не медля завернул его и подал собаке. Та беспримословно пошла в булочную, и вывела, конечно, хозяина из леса.

Об этом происшествии писали в столичном журнале «Природа и люди» в 1897 году. Ссылались при этом на «Томский листок» (вероятно, «Томский справочный листок» – была такая газета), но ни даты, ни номера не сообщали, так что перепроверить трудно. Могла быть за этим первоапрельская шутка, могла быть и подлинная история, что, в общем-то, в нашей необыкновенной сибирской жизни нисколько не исключается.

Эдуард МАЙДАНЮК.

ТОМСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
ГАЗЕТА
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ
«ВМЕСТЕ»

ВМЕСТЕ

ЭТО:

- все новости для учащихся;
- новости музыки;
- аномальные и таинственные явления;
- детективные повести для подростков
- Ю.Буркина «Рок-н-ролл мёртв»
- и «Вика в электрическом мире»;
- телепрограммы всех студий ТВ;
- и многое другое.

Индекс: 54206. Цена: на полгода - 192 руб.,
на 3 мес. - 96 руб., на 1 мес. - 32 руб.

Смешнее не бывает!!!

Компьютерный набор — ТОО «Фон».

Отпечатано в типографии издательства «Красное знамя»
(г.Томск, пр.Фрунзе, 103/1).

Цена договорная. Тираж 5 000. Заказ №2062